

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Забайкальский государственный университет»
Кафедра востоковедения
Читинский филиал Института Дальнего Востока РАН

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КНР
В ПРОЦЕССЕ ЕЕ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ
И ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

**VII Международная
научно-практическая конференция
12–13 марта 2015 г.**

Чита
Забайкальский государственный университет
2015

УДК 323 (510)
ББК 66.2 (5 Кит)
ББК Ф 2 (5 Кит)
А 437

Ответственный за выпуск

А. Ю. Лавров, декан факультета экономики и управления ЗабГУ

Научная редакция

Н. А. Абрамова, д-р филос. наук, профессор,
зав. кафедрой востоковедения ЗабГУ

В. С. Морозова, д-р филос. наук, руководитель Читинского филиала
Института Дальнего Востока РАН,
начальник управления международной деятельностью ЗабГУ

Перевод оригинальных текстов

Н. А. Абрамовой, В. С. Морозовой

А 437 **Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации:** материалы VII Международной научно-практической конференции. – Чита: ЗабГУ, 2015. – 235 с.
ISBN 978-5-9293-1311-0

В сборнике публикуются доклады участников, а также аннотации работ зарубежных ученых, представленные на VII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации».

Все включенные в сборник материалы прошли рецензирование и опубликованы в авторской редакции. За содержание статей ответственность несут авторы.

УДК 323 (510)
ББК 66.2 (5 Кит)
ББК Ф 2 (5 Кит)

ISBN 978-5-9293-1311-0

© Забайкальский государственный университет, 2015
© Кафедра востоковедения, 2015
© Читинский филиал
Учреждения Российской академии наук
Института Дальнего Востока РАН, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	7
ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ	9
<i>Абрамова Н. А., Абрамов В. А.</i> Стратегия как механизм реализации социокультурной политики современного Китая.....	9
<i>Антропов Р. В.</i> К вопросу о целесообразности изучения социального и трудового права Китая и Германии в условиях глобальных экономических трансформаций мирового устройства.....	20
<i>Бодрова О. И.</i> Предпосылки формирования и перспективы развития «индустрии культурь» КНР в условиях глобализации международного культурного пространства	33
<i>Борисенко О. А.</i> Политический диалог России и Китая: культурный диалог в экономике двух стран.....	42
<i>Бянкина А. М.</i> Федеральная концепция в развитии приграничного сотрудничества: значение для субъектов Российской Федерации.....	52
<i>Гайдай П. В.</i> Экспликация этнического многообразия Китая в инструментальных сочинениях национальных композиторов	58
<i>Гомзякова О. А.</i> Проблемы и перспективы «построения могущественного культурного государства».....	67
<i>Жуков А. В., Жукова А. А., Соловьева Н. А.</i> Особенности методологии этнологических исследований» в современном Китае	79
<i>Забелина И. А.</i> Сравнительный анализ структуры валового регионального продукта в приграничных регионах КНР	92
<i>Киреев А. А.</i> Развитие стратегического сотрудничества России и Китая на современном этапе.....	99
<i>Клевакина Е. А.</i> Оценка динамики производства ВРП приграничных регионов в контексте общенациональных трендов	106
<i>Колпакова Т. В.</i> Роль и место китайских инвестиций в экономическом развитии Байкальского региона РФ.....	114
<i>Кудрявцев Е. С.</i> Развитие автодорожной сети КНР.....	128

<i>Морозова В. С., Шаренкова Т. А.</i> Приграничный социокультурный кластер как механизм становления инновационного типа партнерства в практике соразвития Дальнего Востока и Забайкальского края РФ и Северо-Востока КНР	135
<i>Петрунько К. А., Сазонов С. Л.</i> Синьцзян превращается в важнейшее логистическое звено транспортной системы КНР	142
<i>Почагина О. В.</i> Подростковая беременность в современном Китае	156
<i>Семёнов Ф. В. Атанов Н. И.</i> Пилотная зона свободной торговли в Шанхае: опыт, полезный для России	169
<i>Симоненко О. А.</i> КНР в современном мире: поиск стабильности в турбулентной среде	179
<i>Трощинский П. В.</i> Влияние доктрины «управление государством на основе закона» на правовую систему современного Китая	189
<i>Чернова А. Ф.</i> Обеспечение правовой базы специальных экономических зон КНР в период их становления	204
ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА РУБЕЖА	214
<i>Ван Хунянь</i> Анализ регионального сотрудничества РФ-КНР в контексте предоставления образовательных услуг	214
<i>Ван Цзюньлянь</i> Проблемы управления высшим образованием Китая и тенденции его развития в контексте регионализации и глобализации	215
<i>Дун Цинлин</i> Коннотация и роль духовного потенциала города Маньчжурия	216
<i>Топоркова Е. П., Чжоу Лися</i> Международные молодежные коммуникации России и Китая в современных условиях приграничья	217
<i>Чжоу Юй</i> Кросскультурные практики Маньчжурии в приграничном социокультурном пространстве	228
<i>Шяо Цзя</i> Реформа управления вузовским образованием в районах проживания этнических меньшинств	233
<i>Юй Бо, Абрамова Н. А.</i> Ключевая ценностная ориентация формирования социалистического гармоничного общества	234
<i>Янь Шуфан, Абрамова Н. А.</i> Культурный плюрализм и его воплощение на российском Дальнем Востоке и Северо-Востоке Китая	235

CONTENTS

OPENING REMARKS	7
OPINION FROM RUSSIA	9
<i>Abramova N. A., Abramov V. A.</i> Strategy as a Mechanism of Socio-Cultural Policy Implementation in Contemporary China	9
<i>Antropov R. V.</i> On the Issue of Advisability of Studying the Labour Law and Social Law in China and Germany in the Context of Global Economic Transformation of the World Order	21
<i>Bodrova O. I.</i> Prerequisites for Formation and Development Prospects of China`s “Cultural Industry” in the Conditions of Globalization of International Cultural Space	33
<i>Borisenko O. A.</i> Political Dialogue Between Russia and China: Cultural Dialogue in the Economy of the Two Countries.....	42
<i>Byankina A. M.</i> Federal Concept in Development of Cross-Border Cooperation: Importance for Regions of the Russian Federation	52
<i>Gaidai P. V.</i> Explication of the Ethnic Diversity of China`s in Instrumental Music of National Composers	58
<i>Gomzyakova O. A.</i> The Prospects and Problems of “Powerful Cultural State Building”	67
<i>Zhukov A. V., Zhukova A. A.</i> Nadezhda Alekseevna Solovyova.....	80
Features of Methodology Ethnological Studies in Modern China.....	80
<i>Zabelina I. A.</i> Comparative Analysis of the Structure in the Border Regions of China	92
<i>Kireev A. A.</i> The Development of Strategic Cooperation Between Russia and China at the Present Stage	99
<i>Klevakina E. A.</i> Estimation of GRDP Trends in Transboundary Regions in Context of National Tendencies.....	107
<i>Kolpakova T. V.</i> Role and Place of Chinese Investment in Economic Development of Baikal Region of Russia	115
<i>Kudryavtsev E. S.</i> Chinese Road Network Development.....	128
<i>Morozova V. S., Sharenkova N. A.</i> Socio-Cultural Cluster of Borderland as a Mechanism for the Formation of Innovative Type of Partnership in the Practice of Co-Development of the Far East and Transbaikal region, Russia and Dongbei, China.....	136
<i>Petrunko K. A., Sazonov S. L.</i> Xinjiang is Becoming an Important Logistic Link of the Transport System of the PRC.....	142
<i>Pochagina O. V.</i> Teenage Pregnancy in Contemporary China.....	156

<i>Semenov Ph. V., Atanov N. I.</i> Pilot Free Trade Zone in Shanghai: Best Practices for Russia.....	170
<i>Simonenko O. A.</i> China in the Modern World: the Search for Stability in a Turbulent Environment.....	179
<i>Troshchinskiy P. V.</i> The Influence of the Doctrine «Administration of the State, Based on the Law» on the Legal System of Modern China.....	189
<i>Chernova A. F.</i> The Provision of the Legal Framework of the Special Economic Zones in the Period of Formation.....	204
OPINION FROM ABROAD	214
<i>Wang Hongyan</i> Analysis of Regional Cooperation in the Perspective of Chinese and Russian Education Service Trade Based on.....	214
<i>Wang Junliang</i> The Outstanding Problems Existed in China’s Higher Education Management and its Development Trend in the Background of Regionalization and Globalization.....	216
<i>Dong Qingling</i> Connotation and Role of Manzhouli Spiritual Potential.....	217
<i>Toporkova E. P., Zhou Lixia</i> International Youth Communication of Russia and China in Modern Conditions of Cross-Border Interaction.....	218
<i>Zhou Yu</i> The Cross-Cultural Practical Activity of Manzhouli in the Frontier Sociocultural Space.....	229
<i>Shao Jia</i> Ethnic Minority Areas in Colleges and Universities to Explore the Teaching Management Reform.....	233
<i>Yu Bo, Abramova N. A.</i> The Key-Value Orientation of Socialist Harmonious Society Forming.....	234
<i>Yan Shufang, Abramova N. A.</i> Cultural Pluralism and its Embodiment in the Russian Far East and Chinese Dongbei Region.....	236

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

OPENING REMARKS

Уважаемые участники конференции!

Тематика VII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации» традиционно отражает результаты исследований проблем, которые характеризуют развитие современного Китая во внутреннем и внешнем аспектах. Одновременно с этим авторы преследуют и практические задачи поиска эффективных механизмов соразвития России и Китая как в приграничном пространстве, так и в общем поле межгосударственных и межцивилизационных взаимоотношений.

Забайкальский государственный университет, в стенах которого проводится конференция, осуществляет свою деятельность в социокультурном пространстве российско-китайского приграничья, что определяет вектор его отношений с соответствующими структурами КНР как основной. Поэтому научные направления, связанные с международной спецификой, нацелены, прежде всего, на процессы исследования и прогнозирования долгосрочного соразвития РФ – КНР.

Сегодня можно констатировать факт расширения географии участников конференции, представляющих синологическую науку от академических структур столицы, ученых-синологов Благовещенска, Хабаровска до мнений наших зарубежных коллег с приграничных территорий Китая. Все это позволяет говорить о творческой атмосфере, которая развивает плодотворное международное сотрудничество в области исследования Восточной Азии. Отметим, что основная когорта востоковедов, работы которых представлены в сборнике, – это представители кафедры востоковедения ЗабГУ, выступающей одним из основных центров Забайкальского края по подготовке регионоведов-востоковедов,

квалификация которых предусматривает комплексное знание специфики Китая, включая владение китайским и английским языками.

Научно-исследовательский и творческий потенциал организаторов конференции, инициатором которой является Читинский филиал Института Дальнего Востока РАН, очевиден. Содержание заявленной конференции являет собой пример эффективной реализации инновационного типа интеграции академической и вузовской науки, который осуществляется через совместное участие представителей структур РАН и вуза.

С уверенностью можно сказать, что рекомендации, принятые по результатам конференции, будут способствовать углублению взаимодействия представителей российской и зарубежной науки, интенсификации их научных связей. Многие научные проекты, представленные в данном сборнике, уже с успехом реализуются на практике. Желаем участникам дальнейшей плодотворной работы, установления новых контактов и успехов в реализации научных идей!

Н. А. Абрамова

Заведующая кафедрой востоковедения
Забайкальского государственного университета,
доктор философских наук, профессор

В. С. Морозова

Руководитель Читинского филиала
Института Дальнего Востока РАН,
начальник управления международной деятельностью
Забайкальского государственного университета,
доктор философских наук

ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ OPINION FROM RUSSIA

УДК 323.130.2

Наталья Андреевна Абрамова

*д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой востоковедения
Забайкальский государственный университет*

E-mail: abramova3@mail.ru

Виктор Алексеевич Абрамов

*канд. филос. наук, профессор кафедры востоковедения
Забайкальский государственный университет*

E-mail: abramova3@mail.ru

Стратегия как механизм реализации социокультурной политики современного Китая

В статье осмысливается понятие «стратегия» в трактовке китайских ученых, дается краткая характеристика внутренних и внешних стратегий социокультурного развития современного Китая.

Ключевые слова: стратегия, социокультурная политика, культура, ценности, инновации, развитие.

Natalia Andreevna Abramova

*Doctor of Philosophy, Professor,
Head of Oriental Studies Department*

Transbaikal State University

E-mail: abramova3@mail.ru

Victor Alekseevich Abramov

*PhD (Philosophy Sciences)
Professor of Oriental Studies Department*

Transbaikal State University

E-mail: abramova3@mail.ru

Strategy as a Mechanism of Socio-Cultural Policy Implementation in Contemporary China

In the article the term “strategy” in the interpretation of Chinese scientists is comprehended. The authors provide a brief description of internal and external strategies of sociocultural development in contemporary China.

Keywords: strategy, sociocultural policy, culture, values, innovation, development.

Социально-философские концепции XIX–XX вв. сформировали представление о том, что любое общественное устройство для своего существования нуждается в социальной стабильности. Эта идея предопределила предназначение социальной политики, суть которой в широком понимании заключалась в необходимости находить решения по обеспечению условий устойчивого развития общества. Социальная политика осуществлялась при помощи разных концепций, различных социальных, экономических, политических инструментов.

Как показывают практики современного китайского государства, содержание социальной политики решением социальных проблем далеко не исчерпывается. Социальная политика здесь представляется намного шире – как аспект внутренней и внешней социокультурной деятельности государства, имеющая в своей основе определенные ценностные традиции и научные концепции, определяющие все стратегии и цели развития. Социальная политика в такой интерпретации – важнейшая сфера социокультурной деятельности традиционных и инновационных институтов китайского социума, обеспечивающая решение проблем модернизационного и глобального развития.

Социокультурный контекст коренным образом меняет представления о смысле и понятии конфигурации китайской социальной политики. В китайской практике социальное, культурное и политика выступают как единое целое. По своему «не китайскому», а «западному» происхождению идея «социокультурной политики» связана с понятием культуры и процессами политизации социальных и культурных факторов, характерными для конца XIX – начала XX столетия. Однако эта связь неоднозначна. Так, культурно-политическая установка, например, признает детерминирующий характер культурных норм, превращая ценности культуры в предмет социального манипулирования и воз-

действия. Но так как социальная деятельность возникает только в пространстве культурной организации, то социокультурная политика делает процессы развития, трансформации и реструктуризации социокультурного пространства предметом особого типа мышления и деятельности [1].

Подобная расширительная трактовка «социокультурной политики» по отношению к Китаю становится очевидной, а ее интересубъективное взаимодействие и коммуникация интерпретируются как способ передачи (усвоения) смыслообразующих социальных рамок деятельности. С этой точки зрения китайская социокультурная политика производит новые ценности и смыслы в коммуникации, взаимодействии и понимании, создает инновационные социокультурные гештальты, перцептивные конфигурации, а за счет этого создает или расширяет социокультурное пространство событийности.

В китайской социокультурной политике, на наш взгляд, сложились ее различные специфические сферы – образования, средств массовой информации, науки, научно-технического развития, инноваций [2]. Одна из них, например, включает: инновационные социальные и политические технологии, дизайн и художественное проектирование, юридическую (правовую) и финансовую инженерию, имиджмейкинг и развитие общественных связей, рекламу и маркетинг, архитектурное проектирование и формирование среды обитания – от визуальной среды современного мегагорода до экологической среды жизнедеятельности в целом. В китайской государственной и общественной практике политика, культурные ценности, социальный опыт выступают единым целым. Этот китайский феномен, не поддающийся однозначным дисциплинарным толкованиям, имеет многомерные реальные проявления в концепциях, стратегиях развития, формах «мягкой», «умной» и «твер-

дой силы». Важной задачей социокультурного анализа является определение наиболее существенных характеристик этого специфического симбиоза.

Понятие «социокультурная политика» – это один из способов обозначения мощного синергетического механизма китайского государства, использующего любые ресурсы традиционной и современной политической культуры, социальный опыт предшествующих поколений и инновационную деятельность в решении проблем современного развития. Ее практическая реализация осуществляется в различных формах, в том числе и в рассматриваемых стратегиях. В условиях глобализации понятие «стратегия» приобретает широкий и разнообразный смысл, связанный, прежде всего, с управленческой социокультурной деятельностью. Возникли ценностные понятия экономической, политической, культурной, экологической, информационной стратегии, стратегии развития предпринимательства и банковского дела, стратегии модернизации и т. д.

Как отмечают Кан Шаобан и Ли Гун, под «стратегией» в Китае стали понимать также необходимость прогнозирования кризисных ситуаций, антикризисное управление в различных социокультурных сферах деятельности внутри государства и в мировом масштабе. В итоге любая стратегия государственного управления должна быть направлена на определение наиболее действенного способа применения мощи государства в кризисной ситуации. Для ее реализации необходим не гипотетический (вероятный), а абсолютно точный, научно обоснованный прогноз кризисных ситуаций, позволяющий оценить причину кризиса, его характер, имеющиеся возможные стратегические ресурсы, выбрать адекватные механизмы и способы государственного стратегического управления коллективным поведением и взаимодействием людей в настоящем с расчетом на будущее [3].

Характер и диалектику стратегии определяют: существенное воздействие на кого-то или что-то; средства и способы далеко идущего воздействия; перспективно-динамическая ориентация цели. Это позволяет выделять внутреннюю и внешнюю стратегию – «Большую стратегию» («Да чжаньлюэ»). В китайской картине мира стратегия является неотъемлемым свойством социальной реальности. Аналогичным образом стратегия в китайской социокультурной политике есть необходимое основание всякого практического действия. Как считает В. В. Малявин, стратегия в китайской традиции оказывается существеннейшим свойством культурной практики. Она присутствует всюду, где какая-либо самоорганизующаяся общность вступает во взаимодействие с внешним миром. Такая общность всегда представляет собой определенное функциональное единство, способное видоизменять свои отношения с окружающей средой. Поскольку речь идет об иерархически организованной общности, включающей в себя разные структурные уровни и подсистемы, В. В. Малявин говорит о внутрисистемной стратегии, которая обеспечивает функциональные различия отдельных частей системы и ее субстантивное единство.

Это последнее уже во внешней стратегии системы выступает как единство функциональное, что дает возможность постулировать и некое немыслимое, чисто предположительное единство мира, какое и фигурирует в китайской традиции под названием «Великой пустоты», «Великого единства», «Единотелесности» и т. п. «...Стратегия в китайском понимании – это не противоборство двух систем. По сути дела, это способ взаимодействия более совершенной общности с менее совершенным, составляющим лишь “среду” стратегического действия. Между системой и средой существует глубинная преемственность, и знание этой

преемственности, предстающей на поверхности явлений как различие, прерывность, противостояние, есть стратегическое знание.

Пространство стратегического действия, будучи только пределом, границей форм, не имеет протяженности, но обладает внутренней (символической) глубиной. Внешние проявления стратегии есть перевернутый образ ее действительного содержания. Здесь всякое действие свидетельствует о недействовании, образы не выявляют, а скрывают реальность» [4].

Для анализа внутренней или внешней стратегий развития КНР как раз и необходимо рассмотрение символического социокультурного пространства событийности, в котором осуществляется их действенность, демонстрирующая свою традиционную жизненность и направленность на взаимодействие и развитие. Китайский исследователь Бай Ваньган анализирует стратегии, способствующие повышению КНР, связывая их с безопасностью, развитием, системой государственного контроля и управления политикой, максимизации выгод. Рассматривая стратегии как механизм осуществления социокультурной политики, контроля и управления экономикой, Бай Ваньган поэтапно характеризует их содержательную трансформацию следующим образом: 1) после образования КНР и до конца 1970-х годов реализовывалась индустриальная стратегия «догнать и перегнать»; 2) в начале 80-х — середине 90-х годов господствовала стратегия высоких темпов роста национальной экономики; 3) с середины 1990-х годов выдвинута стратегия непрерывного социокультурного развития, соответствующая условиям и вызовам глобализации мира [5].

О новой стратегии развития, например, региональной экономики, пишут китайские авторы в фундаментальном труде «Тенденции развития региональной экономики Китая и общая стратегия». В работе выделяются основные

пространственные характеристики новой региональной стратегии: четыре опоры региональной экономики – развитие Восточной части Китая, развитие Запада, возвышение Центрального региона и подъем Северо-Восточного региона; три крупные городские интеграционные зоны – Чжуцзян, Янцзы и Бохайский экономический регион; три полюса роста — особый район Шэньчжэнь, новый район Пудун и развитие экономики приморского района, где господствует главная гарантия развития полюсов экономического роста – инновационная среда [6].

Комплексной трактовке внутренней стратегии развития Китая соответствует стратегия «устойчивого развития», «пяти единых планирований» («угэ тунчоу»), строительство «гармоничного социалистического общества» и т. д. Китайский исследователь Ли Эрпин внешнюю стратегию («Большую стратегию») развития КНР определяет как долговременную линию политического поведения, соединяющую науку, традиционный опыт и искусство стратегического мышления в достижении перспективной цели [7]. Понятие «Большая стратегия» Китая предполагает использование всех социокультурных ресурсов, потенциалов нации и государства, т. е. комплексной государственной мощи для достижения главных целей. Большая стратегия китайского государства объединяет в себе имеющиеся в его распоряжении средства для обеспечения безопасности и в мирное, и в военное время. В этом смысле, считают китайские аналитики, ценностное содержание понятия «Большая стратегия» синонимично внешней политике и представляет собой реализацию совокупной мощи китайского государства, которая направлена на обеспечение национальной безопасности [8].

Китай стремится к сбалансированности внутренних и внешней стратегий, что обеспечивает проводимая социокультурная политика, направленная на соблюдение соци-

альной справедливости, сохранение внутреннего порядка и общественного спокойствия; защиту государственного суверенитета во избежание территориального вмешательства угроз извне; распространение социокультурного влияния на существующую внешнюю социальную среду.

Исходя из этих целей социокультурной политики, характеризующих государственные интересы, КНР намерена продолжать модернизацию, построение общества «всеобщего благоденствия и гармонии», осуществлять объединение нации, отстаивать суверенитет и безопасность, добиваться статуса великой мировой державы, защищать мирные интересы и способствовать всеобщему гармоничному развитию на Земле [9; 10; 11].

Для обоснования и обеспечения проведения «Большой стратегии», как и для внутренних стратегий, активированы конфуцианские традиционные ценности, среди которых приоритетными стали «гармония» и «приверженность золотой середине» и др. В связи с этим еще в апреле 2005 г. в Джакарте Ху Цзиньтао выдвинул идею совместного построения гармоничного мира. На праздновании 60-летия ООН он вновь предложил международному сообществу создать «гармоничный мир совместного процветания». Попытка связать в единое социокультурное целое внутренние и внешнюю стратегии развития КНР посредством ценностей китайской культуры прозвучала в выступлении Ху Цзиньтао в Йельском университете в апреле 2006 г. Он заявил, что китайская цивилизация всегда придавала большое значение социальной гармонии, единству и взаимной помощи, уделяя внимание хорошим отношениям с соседями и стремясь к тому, чтобы все страны жили в гармонии друг с другом.

Руководитель Центра сравнительных политических и экономических исследований Юй Кэпин истолковывает внешнюю стратегию построения гармоничного мира в

терминах современной политологии следующим образом. Выдвинутая Китаем теория «гармоничного мира» имеет много общего с распространенной в мире теорией «глобального управления» («цюаньцю чжили»). Обе теории коренятся в заботе о судьбе человечества, выступают против гегемонизма, подчеркивают решение общих вопросов каждого государства через международное сотрудничество, выступают против мира, управляемого только Америкой, признают повышение роли ООН, утверждают новый мировой политико-экономический порядок. Теория «гармоничного мира» — это китайское мировоззрение в условиях новых международных реалий и тенденций.

Данную теорию можно рассматривать и как выдвинутую руководством КНР свою версию глобального управления [12], осуществляемого в стратегиях строительства «могущественного культурного государства» и «гармоничного мира». Стратегия мировой гармонии и глобального управления конструируется на традиционных конфуцианских ценностях, которые являются привлекательными для многих стран. Поэтому, выдвигая идею мирового строительства, китайское руководство предлагает такой ценностный идеал, в котором «мир» и «развитие» являются важнейшим содержанием «гармоничного мира». Стратегии построения «гармоничного общества» и «гармоничного мира», а также обеспечивающие их стратегии «мягкой силы», «державы человеческих ресурсов», «могущественного культурного государства» представляют собой не только социокультурные практики, но и инновационные формы управленческой политики КПК и китайского государства.

Как видно, глобальный и региональный контекст развития Китая сделал безотлагательной реализацию идеи создания «могущественного культурного государства». Ее план был детально разработан в принятой в феврале 2012 г. «Государственной программе реформы и развития культу-

ры в период 12-й пятилетки» [13]. В частности, в рамках двусторонних и многосторонних механизмов сотрудничества предполагается использовать традиционный ценностный потенциал и разнообразные ресурсы – общественные науки, литературу и искусство, новости радио и телевидения, кино, издания, издательские права, контакты по линии этнических меньшинств и зарубежных китайцев, спорт, туризм, проведение за рубежом юбилеев китайской культуры, культурных праздников и фестивалей.

Провозглашенный в 2007 г. на официальном уровне курс на укрепление «мягкой силы» культуры привел к тому, что использование ценностных ресурсов потенциала стратегии «могущественного культурного государства» в качестве инструмента международного влияния стало основным внешнеполитическим приоритетом руководства страны. В КПК и структурах государственного управления проводится постоянный мониторинг успехов и неудач социокультурной политики продвижения китайских национальных интересов во внешний мир. Предметом пристального изучения становится иностранная реакция на продукцию китайских культурных индустрий, пропаганду имиджа страны, умножение, например, числа Институтов Конфуция. Выявление того, что усилия китайской политики не вызывают за рубежом желаемую реакцию, становится основанием немедленного внесения поправок в стратегию продвижения китайской культуры во внешнюю социальную среду. Вместе с тем в КПК понимают, что обусловленная ценностной традиционной спецификой социокультурная политика ограничивает возможности адаптации китайской «мягкой силы» в западном мире, что требует глубокого исследования. Проблема активного продвижения китайских идей и ценностей во внешний мир не нова. Для современного китайского государства она актуализировалась еще в 1990-е годы. Китайские пропагандисты были

вынуждены вести полемику с возникшими на Западе концепциями «китайской угрозы», «краха Китая», выражая несогласие с представлениями о приближении китайского «конца истории». Критика этих зарубежных воззрений предназначалась внутренней китайской аудитории. Со временем объектом китайской контрпропаганды стали зарубежные негативные оценки воздействия Китая на мировую экономику и деструктивной роли страны в глобальной политике. Ограниченность возможностей влияния на зарубежное общественное мнение активизировала социокультурную политику и контрпропагандистскую практику развития инновационной, создания международных СМИ.

Таким образом, новая стратегия китайского «могущественного культурного государства» с ее системой «сердцевинных ценностей социализма» предназначена для прагматичного управления обществом, мобилизации и укрепления сплоченности народа, расширения идейного консенсуса, повышения экономической эффективности культурной индустрии, внедрения некоммерческих культурных услуг, активного продвижения китайской «мягкой силы» во внешний социальный мир, а в «многоплановом устанавливая основное, в многообразном искать консенсус» («цзай доюань чжун ли чжудао, доян чжун моу гунши»).

Список литературы

1. Манхейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 501 с.
2. Клочихин Е. Научная и инновационная политика Китая // Международные процессы. Т. 11. № 2 (33). Май – август 2013. С. 37–55.
3. Кан Шаобан. Гоцзи чжаньлюэ синьлунь = Новая теория международной стратегии. Пекин, 2006. С. 83. Кит. яз.
4. Малявин В. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. М.: Европа. С. 216–217.
5. Бай Ваньган. Даго дэ цзюэци = Возвышение государства. Пекин, 2009. С. 238–246, 250–266. Кит. яз.

6. Чжунго цюйюй цзинци фачжань цюйши юй цзунти чжаньлюэ = Тенденции развития региональной экономики Китая и общая стратегия / под ред. У Цзиньхуа. Тяньцзинь, 2007. 203 с. Кит. яз.

7. Ли Эрпин. 21 шицзи цянъци Чжунго дуйвай чжаньлюэ дэ сюань-цзэ = Выбор внешней стратегии Китая на пороге XXI века. Пекин, 2004. 356 с. Кит. яз.

8. Мэн Лян. Дагоцзэ: тунсян даго чжи лу дэ жуаньшили = Стратегия большого государства: через мягкую силу к большому государству. Пекин, 2008. 269 с. Кит. яз.

9. Цюаньцо дэ бяньгэ юй Чжунго дуйвай дэ чжаньлюэ = Глобальные трансформации и большая дипломатическая стратегия Китая / под ред. Лян Шоудэ. Пекин, 2009. С. 16–34. Кит. яз.

10. Чжунго хэпин фачжань юй гоцзи чжаньлюэ = Мирное развитие Китая и международная стратегия / под ред. Ли Шэньмин. Пекин, 2007. 168 с. Кит. яз.

11. Чжунго юй шицзе: хэпин фачжань дэ лилунь хэ шицзянь = Китай и мир: теория и практика мирового развития / под ред. Лян Шаодун, Ли Иху. Пекин, 2008. 308 с. Кит. яз.

12. Юй Кэпин. Хэсе шицзе линиянь ся дэ Чжунго вайцзюэ = Идеал гармоничного мира и китайская дипломатия // Ляован синьвэнь чжоукай. 2007. № 17. С. 31–32. Кит. яз.

13. Гоцзя «ши эр у» шици вэньхуа гайгэ фачжань гуйхуа ганьяо (цюаньвэнь) = Государственная программа реформы и развития культуры в период 12-й пятилетки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.china.com.cn/policy/txt/> (дата обращения: 21.12.2014).

УДК 342.734.351.83 (84)

Роман Владимирович Антропов

канд. юрид. наук, доцент

зав. кафедрой конституционного и муниципального права

Забайкальский институт предпринимательства СибУПК

E-mail: roman-antropov23@rambler.ru

К вопросу о целесообразности изучения социального и трудового права Китая и Германии в условиях глобальных экономических трансформаций мирового устройства

Статья заостряет внимание на целесообразности изучения социального и трудового права Китая и Германии в условиях развития интеграционных связей России на Западе и на Востоке. Указаны факторы, спо-

собствующие обращению к опыту регулирования социально-трудовых отношений двух республик. Выделены труды немецких ученых, в которых рассматриваются отдельные проблемы трудового и социального права Китая и Германии в кросскультурном аспекте. Сделан вывод о пользе использования опыта КНР и ФРГ в государственно-правовом строительстве и развитии интеграционных связей, участником которых является Российская Федерация.

Ключевые слова: Китай, Германия, трудовое и социальное законодательство, компаративные исследования.

Roman Vladimirovich Antropov

PhD in Law, Associate Professor

Head of Constitutional and Municipal Law Department

Zabaikalsky Entrepreneurship Institute of

Siberian University of Consumer Cooperatives

E-mail: roman-antropov23@rambler.ru

On the Issue of Advisability of Studying the Labour Law and Social Law in China and Germany in the Context of Global Economic Transformation of the World Order

The article focuses attention on the appropriateness of studying the social and labor laws in China and Germany in the conditions of development of integration relations of Russia with the West and the East. The factors, that favour the conversion to the experience of the regulation of social and labor relations of the two republics, are given. The works of German scientists, that consider some problems of labor and social laws in China and Germany in cross-cultural perspective, are highlighted. The conclusion about the usefulness of the experience of China and Germany in the state-legal construction and development of integration ties with the Russian Federation, is drawn.

Keywords: China, Germany, labor and social laws, comparative studies.

В свете политического давления, экономических и торговых санкций со стороны Запада, Россия налаживает активное сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР), где Китай является ключевым партнером, занимающим с 2010 г. первое место по товарообороту и деловым связям с Россией. В свою очередь, среди ведущих западных стран Германия по-прежнему остается главным экономическим «локомотивом» и политическим центром Евросоюза, на который приходится более половины товарооборота России.

В условиях сложного и противоречивого сегодня процесса глобализации национальных экономических систем, растущий товарооборот затрагивает не только производство товаров и услуг, но и использование рабочей силы, что неминуемо приводит к международной трудовой миграции и, соответственно, к открытию широких возможностей исследования перспективы интеграции российского рынка труда в европейский и азиатский регионы, а вместе с тем и в мировой рынок в условиях глобальных экономических трансформаций. При данных обстоятельствах распределение и использование трудовых ресурсов приобретает трансграничный характер, и поэтому представляет определенный интерес исследование степени государственного регулирования рынка труда в рамках как отдельно взятого государства, так и наднациональных межгосударственных объединений – ЕС, ВТО и др.

При данных обстоятельствах целесообразно обратиться к социальному и трудовому законодательству Китая и Германии, а также соответствующей правоприменительной практике. Современное трудовое право теснейшим образом интегрировано с правом социальным, их связывают общие исторические корни и целевые установки. Трудовое право является важной основой для формирования социального законодательства, поскольку отношения по социальному обеспечению зачастую вытекают из трудовых отношений.

Включение России в мировые интеграционные процессы неизбежно приводит к необходимости выявления и анализа современных тенденций развития зарубежного трудового и социального права, а также управленческих подходов в решении общих проблем, поскольку опыт правового регулирования, накопленный авторитетными субъектами мирового сообщества, имеет, безусловно, наднациональную ценность.

Кроме того, «изучение правового опыта зарубежных стран, заимствование лучших решений, усвоение и исполь-

зование международно-правового опыта способствуют в конечном итоге процессу сближения (гармонизации) и унификации законодательств различных стран» [1].

Изучение отечественных теоретических источников по заданной проблематике заставляет констатировать, что специальных монографических исследований, посвященных правовым основам регулирования современных трудовых и социальных отношений Китая и Германии в кросскультурном аспекте, не встречается. Безусловно, в научном мире существуют отдельные работы по вопросам трудового и социального права как Китая, так и Германии, опубликованные, в частности, в таком издании, как «Журнал сравнительного трудового права», или, скажем, в журнале «Трудовое право в России и за рубежом». Однако нам не удалось найти ни одного специального исследования, посвященного контрастивным исследованиям, например, источников трудового права КНР и ФРГ. Вместе с тем, подобные научные изыскания проводятся в Германии, в которых исследуется влияние национальной политической культуры Китая на формирование трудовой и социальной политики государства. При этом сравнению подлежат аналогичные государственно-правовые институты в Федеративной Республике Германии.

Так, разработке теоретических проблем и современных подходов к трудовому праву Китая посвящено исследование Jennifer Joan Williams «Трудовое право в Китае: влияния нового Закона о трудовом договоре и Закона о труде на роль работодателя иностранных предприятий» (нем. «Arbeitsrecht in China: Die Auswirkungen des neuen Arbeitsvertragsgesetzes und des Arbeitsgesetzes auf die Arbeitgeberrolle ausländischer Unternehmen») [2]. В работе отражены важнейшие изменения трудового законодательства, которое представлено одновременно действующими

в Китайской Республике двумя важнейшими нормативно-правовыми документами – «Законом о труде» и «Законом о трудовом договоре».

Je. Jo. Williams детально освещает различные правовые аспекты отношений трудовой занятости в Китае, которые являются актуальными для иностранных компаний. Начиная с содержания договора об испытательном сроке, компенсациях и увольнений, автор занимается и вопросами повышения квалификации персонала, обязанностью работника не разглашать тайну, деятельностью агентств по подбору кадров и функциями профсоюзов. В рамках этой работы, кроме того, детально затрагиваются вопросы расходов по заработной плате и взносы по социальному страхованию. Хотя работа в основном посвящена китайским работникам из числа местного населения, вместе с тем в ней рассматриваются вопросы привлечения и использования и иностранных работников. Эта книга предназначена для тех иностранцев, кто планирует осуществлять трудовую деятельность в Китае, и помогает ознакомиться с существующей в КНР системой обязательного социального страхования, в соответствии с которой работодатель и работник обязаны делать отчисления на пенсионное страхование, а также – на базовое медицинское страхование, страхование на случай безработицы, страхование от производственных травм, страхование беременности и родов, а также выплачивать взносы в фонд накопления на жилье.

Среди авторитетных ученых, специализирующихся на проблемах трудового права Китая, следует также выделить А. Lauffs и его труд «Трудовое право Китайской Народной Республики: развитие и ключевые позиции» (нем. *Das Arbeitsrecht in der Volksrepublik China: Entwicklung und Schwerpunkte*) [3].

Из числа специальных исследований, рассматривающих проблемы трудового права КНР в современных усло-

виях, необходимо отметить работу начинающего немецкого исследователя S. Souheur «Трудовое право Китайской Народной Республики» (нем. Arbeitsrecht der Volksrepublik China) [4]. Эта яркая в научном плане бакалаврская работа в области права 2010 г. ставит акцент, в частности, на том, что при формировании действующего трудового законодательства юристы Китая обращались к опыту соответствующих европейских и американских научно-исследовательских институтов. С немецкой стороны таковыми были Общество научных исследований имени Макса Планка (нем. Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, MPG), Общество по техническому сотрудничеству (нем. die Gesellschaft für Technische Zusammenarbeit), Фонд имени Конрада Аденауэра (нем. die Konrad-Adenauer-Stiftung), Фонд имени Фридриха Эберта (нем. die Friedrich-Ebert-Stiftung) и некоторые другие. И, как отмечает автор, отдельные правовые институты китайского права схожи, как следствие, с соответствующими немецкими институтами.

Среди компаративных работ по рассматриваемой нами проблематике вызывает интерес другая студенческая работа Н. Meyer «Сравнительно-правовое исследование охраны труда наёмных работников Германии и Китая» (нем. «Rechtsvergleich des Arbeitnehmerschutzes zwischen Deutschland und China») [5], выполненная в 2012 г. в Высшем специализированном учебном заведении в сфере экономики и менеджмента в Эссене (нем. Fachhochschule für Oekonomie & Management (FOM) – Essen). Автор описывает, как под влиянием процессов глобализации в китайском законодательстве о труде были внесены многочисленные изменения, в частности, по охране труда.

Что касается социально-правовых аспектов в системе законодательства, то достаточно интересные результаты компаративных исследований в области социального права КНР и ФРГ проанализированы в работе коллектива немец-

ких авторов U. Becker, G. Zheng, B. Darimont «Ключевые вопросы и организация социального страхования в Китае и Германии (нем. «Grundfragen und Organisation der Sozialversicherung in China und Deutschland») [6], представляющей собой систематический обзор проблем социального обеспечения в Китае и Германии.

Весьма интересный взгляд на социальную составляющую в трудовых отношениях представлен в книге Yu Lou «Социальное страхование на случай болезни в Китайской Народной Республике: в сравнении с немецким обязательным медицинским страхованием» (нем. «Die soziale Krankenversicherung in der Volksrepublik China: Im Vergleich zu der deutschen gesetzlichen Krankenversicherung») [7]. Книга является результатом исследований политики реформ и открытости в Китае, а также соответствия китайской социальной политики международным стандартам. Так, следуя содержанию источника, работающие в Китае иностранцы с 01.07.2011 г. принимают участие в программах социального страхования в соответствии с законом КНР «О социальном страховании». Как отмечает автор, данный закон стал четкой правовой основой для участия работающих в Китае иностранцев в социальном страховании.

Особенности развития социальной политики Китая в городе и деревне раскрывает Jing Zuo в своей книге «Сравнительно-правовой анализ сельского социального страхования в КНР и Германии» [8]. Автор указывает на то, что система социального страхования в Китае развита слабо по сравнению с европейскими странами. Однако уже в наши дни Госсовет КНР принял решение об установлении единой городской и сельской системы базового пенсионного страхования, в соответствии с которой учреждается единая городская и сельская система базового пенсионного страхования на всей территории Китая.

Эволюцию правовых норм, регулирующих вопросы социального страхования в Китае, отражает работа В.

Darimont [9], демонстрирующая, что главной причиной быстрого развития страхования в КНР стало стремительное социально-экономическое развитие.

Строительству льготного жилья для малообеспеченных в КНР и ФРГ посвящена работа Chuanning Hu [10]. Тождественные правовые институты этих двух стран рассматриваются исследователем в микро- и макросравнении. Отдельно заметим, что в 2013 г. из государственного бюджета КНР было выделено около 8 млрд юаней (1,3 млрд долл.) на строительство доступного жилья для малообеспеченных граждан Республики.

Анализ вышеуказанных и иных источников, в частности, показал, что в ноябре 2013 г. Коммунистическая партия Китая (далее – КПК), приняв документ, официально именуемый «Решение по основным вопросам, относящимся к всесторонним и далеко идущим реформам», вновь стоит на пороге общественно-политических реформ, которые будут включать постепенное снятие ограничений на внутреннюю миграцию, ликвидацию трудовых лагерей, либерализацию политики в области планирования семьи и т. д. Таким образом, Китаю предстоит углубить реформу социальной системы с улучшением народного благосостояния и обеспечением социальной справедливости, построением так называемого среднезажиточного общества в рамках строительства современного социалистического государства. В частности, предполагается, что государство позволит семьям рожать второго ребенка при условии, что один из родителей является единственным ребенком в семье. Правительство Китая намерено добиться поставленных задач к 2020 г.

Для российского правоприменителя, безусловно, здесь может вызывать интерес правовая основа данного процесса, административные процедуры и механизмы регулирования и совершенствования социально-трудовых отношений и развития социалистического строя с китайской спец-

ификой, позиция китайского законодателя по продвижению модернизации системы государственного управления и способов управления социально-трудовой сферой.

Трудовое право в Китае регулируется сразу двумя нормативными документами – «Законом о труде» 1994 г. и «Законом о трудовом договоре» 2007 г., а также определенными Правилами, например, «Об оплачиваемом ежегодном отпуске рабочих и служащих». Общегосударственные вопросы труда определяет и разрешает ведомство трудовой администрации Государственного совета. Органы трудовой администрации народных правительств местных ступеней – уездной, окружной, районной, провинции и города центрального подчинения решают вопросы труда своих административных единиц.

Социально-рыночная ориентация экономики Китая и решение проблем повышения уровня жизни населения – главные направления деятельности китайского руководства с момента провозглашения «политики реформ и открытых дверей» в КНР, согласно которой Китайская Республика разрешила международную торговлю и прямые иностранные инвестиции. За последние десятилетия Китай наглядно продемонстрировал положительный образец успешного совмещения роста многоукладной экономики страны с постепенным повышением уровня благосостояния своего населения и укреплением международных позиций [11].

Социальные гарантии в Китае обеспечивает государство, при этом предлагает их в виде увеличения числа рабочих мест, в форме инвестиций в конкурентоспособную экономику, в развитие инфраструктуры, что автоматически влечет за собой повышение доходов населения. И всё больше китайских граждан в состоянии финансировать личные социальные программы. В этом и заключается «китайская мечта»: к 100-летию юбилею КПК в 2021 г. – построение среднезажиточного общества и создание среднего класса, к

2049 г. – создание современного, процветающего, демократического, модернизированного и гармоничного государства.

В свою очередь, 82-миллионная Германия является сегодня самой густонаселенной страной Европейского Союза, с наиболее стабильной и мощной экономикой в Европе – четвертой по величине в мире. Вместе с тем сегодня ФРГ относится к государствам с наименьшими барьерами для миграции квалифицированной рабочей силы из-за рубежа и останется главным ориентиром для трудовых мигрантов стран Центральной и Восточной Европы (далее – ЦВЕ) [12]. Немецкие исследователи установили, что на региональном уровне интеграция успешна там, где рынок труда способен принять как можно больше работников. И, наоборот, интеграция наталкивается на проблемы в местах проживания большого числа низкоквалифицированных мигрантов с недостаточным уровнем образования. Анализ изученных источников и литературы показал, что за последние десять лет государственная политика Германии в области трудовой миграции шаг за шагом, а вместе с тем большими темпами, подвергалась реформированию. Основными движущими силами этой масштабной реформы стали демографические изменения и возникшая в связи с этим нехватка квалифицированной рабочей силы. Эти изменения уже оказали влияние на немецкий рынок труда, и, как ожидается, в ближайшие десять лет оно будет только усиливаться [13].

Число источников трудового права Германии велико. Показательно, что привычный трудовой кодекс как таковой отсутствует, а действующие правовые акты о труде сгруппированы в несколько групп, и их общее количество достигает около ста документов. Среди их числа для России может вызывать интерес, в частности, вступивший в силу 01 апреля 2012 г. «Закон об оценке и признании професси-

ональной квалификации, полученной за рубежом», расширяющий возможности для мигрантов и других желающих работать в Германии.

В свою очередь, социальная политика современной Федеративной Республики складывалась на протяжении XIX–XX вв. В настоящее время основным нормативным правовым актом, регулирующим отношения по социальному обеспечению, является Социальный кодекс Германии, который представляет собой также собрание законов и состоит из 11 частей. Изучая социальное законодательство Германии можно оценивать правильность выбранных немецким правительством законодательных и управленческих подходов, что, в свою очередь, представляет особый исследовательский интерес для мировой общественности, в том числе и российской, в контексте решения аналогичных социальных проблем [14].

В эволюции трудового и социального законодательства Китая и Германии можно констатировать появление ряда приоритетных направлений и стратегических целей, и, в первую очередь, повышение эффективности социального обеспечения населения посредством проведения реформ социальной ориентированности, содействие обеспечению достойных условий труда, включая, прежде всего, охрану труда и институт заработной платы, борьбу с безработицей, преодоление разрыва между сильными и слабыми в социально-экономическом плане регионами.

Китайская правовая система последние десятилетия динамично развивается, что представляет для российских исследователей немалый теоретический и практический интерес, поскольку открывает тем самым оптимальные возможности для синтеза юридических ценностей и правовых культур представителей восточных и западных цивилизаций, занимающих высокий статус среди высокоразвитых стран двух континентов.

Наблюдая за успехами Китая в этой области и отслеживая накопленный таким образом прогрессивный опыт, полезно учитывать его при выработке принципиальных направлений и форм осуществления реформы социально-трудовых отношений, процесс трансформации которых в нашей стране значительно активизировался за последние годы.

Полагаем, практическая значимость компаративных исследований правовой системы Китая и Германии определяется тем, что подобные контрастные научные изыскания в области правовых проблем социально-трудовых отношений представляют собой не только теоретический, но и практический интерес как для России, так и для всех участников Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС), а также недавно созданного Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), начавшего свою работу в полномасштабном формате с 01 января 2015 г.

Список литературы

1. Лушникова М. В. Теория и методология сравнительного трудового права и права социального обеспечения // Трудовое право в России и за рубежом. 2011. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=20&art=2295> (дата обращения: 07.01.2015).
2. Williams Je. Jo. Arbeitsrecht in China: Die Auswirkungen des neuen Arbeitsvertragsgesetzes und des Arbeitsgesetzes auf die Arbeitgeberrolle ausländischer Unternehmen. Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller, 2010). S. 72. Нем. яз.
3. Lauffs A. Das Arbeitsrecht in der Volksrepublik China: Entwicklung und Schwerpunkte. Hamburg: Institut f. Asienkunde Verlag, 1990. S. 269. Нем. яз.
4. Souheur S. Arbeitsrecht der Volksrepublik China. München: Grin Verlag GmbH, 2013. S. 64. Нем. яз.
5. Meyer H. Rechtsvergleich des Arbeitnehmerschutzes zwischen Deutschland und China. München: Grin Verlag GmbH, 2013. S. 36. Нем. яз.
6. Becker U., Zheng G., Darimont B. Grundfragen und Organisation der Sozialversicherung in China und Deutschland. Baden-Baden: Nomos Verlag, 2005. S. 322. Нем. яз.
7. Lou Yu. Die soziale Krankenversicherung in der Volksrepublik China: Im Vergleich zu der deutschen gesetzlichen Krankenversicherung. Frankfurt: Peter Lang Verlag, 2011. S. 274. Нем. яз.

8. Zuo Jing. Ein Rechtsvergleich der agrarsozialen Sicherung zwischen der VR China und Deutschland. Hamburg: Dr. Kovac Verlag, 2011. S. 612. Нем. яз.

9. Darimont B. Sozialversicherungsrecht der V. R. China: Unter besonderer Berücksichtigung der Rentenversicherung und ihrer Reformfragen. Baden-Baden: Nomos Verlag, 2004. 243. S. Нем. яз.

10. Hu Chuanning. Der soziale Wohnungsbau im Vergleich zwischen Deutschland und China. Hamburg: Dr. Kovac Verlag, 2014. S. 210. Нем. яз.

11. Антропов Р. В. Заработная плата как институт трудового права КНР и ФРГ: компаративный подход // Современные проблемы науки и образования: сб. материалов междунар. науч. междисциплинар. семинара: вып. 1 / ЗИП СибУПК; отв. за выпуск Н. А. Антропова. Чита: Изд-во ЗИП СибУПК, 2013. С. 16–22.

12. Антропов Р. В. Новые стратегии миграционной политики Германии в контексте социальной интеграции трудовых мигрантов: достижения, проблемы и перспективы в эпоху глобализации // Гражданственность в России и Евросоюзе: сб. науч. ст. / под ред. И. Б. Кузнецовой, О. И. Донецкой, Д. Шульца. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2014. С. 29–41.

13. Антропов Р. В. Новые стратегии миграционной политики Германии в контексте социальной интеграции трудовых мигрантов: достижения, проблемы и перспективы в эпоху глобализации // Гражданственность в России и Евросоюзе: сб. науч. ст. / под ред. И. Б. Кузнецовой, О. И. Донецкой, Д. Шульца. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2014. С. 29–41.

14. Антропов Р. В. Социальное законодательство Германии: прошлое, настоящее, будущее // Проблемы гражданского общества и правового государства: сб. ст. и материалов. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2013. С. 112–120.

УДК 338.467.6(394.912)

Оксана Ивановна Бодрова

*канд. ист. наук, старший преподаватель
кафедры восточных языков и лингвокультурологии
ИМОМИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского
E-mail: oksana-rul@yandex.ru*

Предпосылки формирования и перспективы развития «индустрии культуры» КНР в условиях глобализации международного культурного пространства

В статье рассматриваются факторы внешнего влияния создаваемые «культурной индустрией» Китая, которые становятся основой формирования внешнеполитического имиджа страны в XXI веке. Перспективы развития рынка внешней культуры были оценены на основе документов Коммунистической партии Китая.

Ключевые слова: культурная индустрия, культура деловых, культурных товаров, внешний культурного рынка, «культурный дисбаланс».

Oksana Ivanovna Bodrova

*PhD in Historical Sciences, Senior Teacher
of the Chair of Oriental Languages and Linguistics
Institute of International Relations and Worlds History
Nizhniy Novgorod State University named by Lobachevsky,
E-mail: oksana-rul@yandex.ru*

Prerequisites for Formation and Development Prospects of China's "Cultural Industry" in the Conditions of Globalization of International Cultural Space

The article examines the factors of foreign influence, that creates "cultural industry" of China, that has become one of the approaches to form the foreign-political image of the country in the 21 century. The prospects of development of the external cultural market were evaluated on the base of the Documents of the Communist party of China.

Keywords: cultural industry, culture business, cultural goods, external cultural market, «cultural disbalance».

Особое внимание в современном Китае к развитию рынка культуры объясняется осознанием возможности для практической реализации важнейшей партийной директивы по «выходу культуры вовне» в рамках концепции усиле-

ния «мягкой силы» страны. Данный процесс воспринимается как существенный элемент в системе воспрепятствования западному варианту глобализации.

Российский философ Н. А. Бердяев еще в начале XX в. характеризовал культуру масс как «...продукт цивилизации, космополитизма и нивелирующего европеизма и американизма» [1]. В период нарастающей глобализации коммерческим успехом пользуется культурная продукция массового спроса, а успех определяется не художественной ценностью предлагаемой продукции, а уровнем развития потребителя. Появление новых технических средств, позволяющих более эффективно (масштабнее и за более короткий срок) распространять произведения искусства, привело к соединению понятий «культура» и «индустрия», а возникновение термина «культурная индустрия» в негативном контексте оправдано временем его появления: в послевоенной Америке понятие «культурной индустрии» ввели немецкие философы Т. Адорно и М. Хоркхаймер. Информационная эпоха, внося коррективы в контекст понимания термина «культурные индустрии», сделала «культурный продукт» объектом массового потребления и его производство ориентировано на рыночный спрос. Данный факт позволяет рассматривать культурную деятельность в качестве неотъемлемой части мировых государственных экономических систем и изучать «индустрию культуры» как сферу национальной экономики КНР.

Заимствуя современный опыт Запада, культура рассматривается Китаем как предмет экспорта, приносящий прибыль, поскольку «культура – ... «фирменный знак» и «визитная карточка» любого государства» [2]. Начало XXI в. характеризуется усилением следующих тенденций в культурной среде: «...интенсивное развитие инфраструктуры «гуманитарного предпринимательства», производство и экспорт «культурного продукта» (cultural goods), которые

создают позитивный имиджевый фон для достижения стратегических целей государств в мировой политике и отстаивания национальных интересов» [3].

Тенденции активного развития «индустрии культуры» оказывают влияние как на внутренний культурный рынок КНР, так и на реализацию ее внешней культурной политики. В официальной лексике КНР разделяются два понятия: «дело культуры» (文化事业 *вэньхуа шие*) и «индустрия культуры» (文化产业 *вэньхуа чанье*). «Дело культуры» находится под контролем государства и направлено на решение духовных некоммерческих задач в рамках всего государства, а «индустрия культуры» относится к сфере рыночных отношений. Подобное разделение понятий было зафиксировано на XVI съезде КПК, а двойственность в определении культурной сферы соотносится с традиционным китайским дуализмом («инь»-«ян»).

В последующих документах КПК и правительства КНР каждым из терминов обозначены вполне определенные ниши культурной сферы государства. Значительная активизация исследований по развитию и реформированию современной культуры КНР, стремление обозначить четкую грань между «делом культуры» и «индустрией культуры» определяют необходимость выявить различия в характеристиках данных терминов, что позволит оценить эффективность заявленного «выхода вовне» китайской культуры сообразно с её текущим состоянием в самом Китае.

«Дело культуры» относится к сфере общественных интересов, т. е. представляет те меры и действия, производящиеся в области культуры Китая, которые направлены на общественное благо во имя строительства социализма с китайской спецификой. Тогда как «индустрия культуры» представляет собой рыночные интересы культурной сферы, что предполагает обязательное извлечение прибыли, производство «культурного продукта» массового потребления для определенной целевой аудитории.

Разграничение культурной сферы на «дело культуры» и «индустрию культуры» четко отражено в докладе председателя КНР Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК в части доклада, посвященной реформам культурной системы, где отмечена твердая позиция государства в направлении развития «индустрии культуры»: «предстоит совершенствовать политику относительно индустрии культуры, поддерживать развитие последней, умножать в целом ее реальные силы и конкурентоспособность», в связи с чем следует «усилить строительство инфраструктуры в области культуры и продолжать развитие массовой культуры во всех ее видах», «продолжить совершенствовать политику развития общественно полезных отраслей культуры» [4].

В «Конвенции об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения» (20.10.2005 г., Париж) ЮНЕСКО, отмечается, что «...культурная деятельность и культурные товары и услуги носят как экономический, так и культурный характер, поскольку они являются выражением форм самобытности, ценностей и смысла, и поэтому к ним нельзя относиться как к чему-то, имеющему только коммерческую ценность» [5]. Сравнительный анализ рекомендаций ЮНЕСКО и документов, разработанных в ЦК КПК и Министерстве культуры КНР, доказывает, что направление развития внешней политики Китая в сфере распространения продукции «индустрии культуры» соотносится с мировым уровнем, однако это не означает, что китайские «культурные продукты» в действительности соответствуют мировому уровню настолько, чтобы быть конкурентоспособными во всех регионах мира.

Анализируя труды современных китайских исследователей в культурной сфере [6], определено, что при измерении культурной силы Китая объемом экспортируемой культурной продукции обнаруживается ее существенная нехватка, а неоправданно высокое наличие в «индустрии

культуры» Китая иностранных технологий и культурной продукции может привести к тому, что китайские технологии и культурные продукты окажутся под влиянием зарубежной «мягкой силы». Для преодоления зависимости от зарубежного влияния, по мнению Чжао Югуана (Институт международной экономики и торговли, Аньхой), следует уделить больше внимания «...элементам национальной культуры, которые хорошо заметны внешнему наблюдателю (литература и искусство, исторические рукописи, национальная одежда, исторические достопримечательности, традиционные праздники, каллиграфия и др.), продвигать их во внешней торговле и через них пропагандировать дух китайской нации» [7].

Несмотря на обеспокоенность относительно избыточного присутствия на внутреннем рынке иностранного культурного продукта, руководством КНР и соответствующими ведомствами приветствуется проведение в Китае Международных ярмарок индустрии культурных инноваций, на которых наблюдается регулярное увеличение объемов сделок. О приоритетных направлениях современной «индустрии культуры» можно судить по основным группам товаров [8], представляемых на подобных мероприятиях: художественные произведения искусства, современное искусство, цифровое кино, ТВ, музыка, игры и мультфильмы, электронные видеоигры, изделия креативного дизайна, обучение и образование, туризм, пресса и публикации, подарки, сувениры, товары ремесленного производства и др.

На фоне меняющихся приоритетов, как политических, так и экономических, немаловажным фактором выхода на мировую арену является и индустрия культуры. Заместитель председателя ВК НПКСК Ли Увэй после мировых экономических событий 2008 года подчеркнул, что, «...несмотря на финансовый кризис, темпы роста культурных индустрий уже намного превышают темпы экономического роста в

Китае» [9]. Преимущества «индустрии культуры» перед другими сферами экономики очевидны: высокотехнологичность, минимальная степень загрязнения окружающей среды, большой потенциал развития, низкое потребление ресурсов, что соответствует государственным требованиям промышленной реструктуризации. Влияние финансового кризиса на традиционные экспортные предприятия Китая заключалось в создании возможности «выхода за рубеж» китайской культурной продукции, а появление новых СМИ и новых культурных форматов обеспечило благоприятные условия для быстрого развития, что и позволяет индустрии культуры постепенно становиться одной из опорных отраслей национальной промышленности. Развитие «индустрии культуры» с ее высокой добавленной стоимостью и высокой доходностью рассматривается руководством страны в качестве серьезной задачи в рамках общегосударственного регулирования индустриальной системы Китая.

Сделан вывод, что принимаемые китайским правительством меры финансовой поддержки подтверждают значимость культурной индустрии как стратегической сферы общего экономического развития страны. Вопросы финансирования и состояния предприятий культуры отражены в Белой книге «Доклад о развитии государственных предприятий культурных индустрий» (31.12.2012 г.), где утверждается, что такие предприятия уже стали новой составляющей частью государственного сектора экономики: на конец 2011 г. в Китае насчитывалось всего 10365 госпредприятий культурных индустрий с общими активами 1 трлн 596 млрд 644 млн юаней, общие доходы от текущей деятельности предприятий выросли на 17,1 % по сравнению с 2010 г., общий объем прибыли возрос на 21,7 %, общие активы – на 18,7 % [10], [11]. Также подчеркивается, что после XVIII съезда КПК «индустрия культуры» КНР

вступила в новый этап развития, на котором синтез теории «индустрии культуры» и инновационной политики в данной сфере приобретает особое значение.

Ставшее традиционным разграничение вопросов, связанных с «делом культуры» и «индустрией культуры», позволяет выделить четкие задачи развития коммерческой культурной индустрии КНР на современном этапе: построение её современной системы; развитие концепции инновационной культуры, поощрение культурных начинаний; всемерное развитие разнообразных форм собственности «индустрии культуры» при общественной форме собственности как основной, установление межотраслевых связей; обеспечение конкурентоспособности на внешнем рынке.

Для выполнения поставленных задач предполагается построить разумную структуру функционирования «индустрии культуры», для чего необходим широкий спектр соответствующих мер: осуществление реформирования предприятий культуры; создание высокоэффективной системы государственного управления и механизмов производства культурных продуктов; обеспечение синтеза культурной и технологической инноваций с опорой на соответствующие национальные программы развития; увеличение государственного финансирования культурной сферы; привлечение частного инвестирования в разрешенные государством сферы; развитие новых индустрий культуры (анимационные и игровые, издательское дело, мультимедиа, культурный туризм и др.); привлечение зарубежных культурных достижений; обеспечение поддержки СМИ в целях пропаганды китайских культурных продуктов.

Развитие «индустрии культуры», экспорт культурного продукта за рубеж, изучение эволюции культурных отраслей в Китае, применение международного опыта неизбежно отражаются на внешнеполитическом имидже страны, поскольку позволяют руководству КНР, опираясь на разработки китайских ученых и ведущих научно-исследователь-

ских центров, проводить в качестве политического курса стратегии «культурной индустрии» как внутрисударственной, так и внешней направленности.

В качестве выводов нами определено, что проведенный на основе документов КПК и ведомственных постановлений анализ эволюции «индустрии культуры» в КНР показал, что в стране разрабатывается собственная уникальная система развития культурной сферы, внешняя направленность «индустрии культуры» прослеживается с начала проведения реформ в данной сфере: от указаний XVI съезда КПК о необходимости усиления внешней направленности культурного сектора до современных требований обеспечения конкурентоспособности китайского «культурного продукта» на внешнем рынке, утвержденных XVIII съездом КПК.

Государственные программы финансирования и развития «индустрии культуры» Китая определяют стратегическое значение культурной сферы, что соотносится с курсом международных организаций (ЮНЕСКО), увеличение объема инвестиций в культурную отрасль страны также соотносится с гуманитарной политикой ООН. Принимаемые правительством КНР меры способствуют повышению показателя доли валовой продукции «индустрии культуры» КНР, что, однако, не ставит Китай в ряд стран с достаточно высоко развитой культурной отраслью. В официальных документах КПК «индустрия культуры» безоговорочно ставится на службу китайскому народу, обеспечивая процветание социалистической культуры, тогда как конкурентоспособность отрасли на мировом рынке вызывает сомнения. В настоящее время развлекательный сектор «индустрии культуры» набирает обороты в своем развитии, что отражено в соответствующих отраслевых отчетах, однако новые культурные индустрии пока не способны полноценно конкурировать с западными образцами.

Стабильный ежегодный прирост доли «индустрии культуры» в ВВП Китая, увеличение активов предприятий культуры, многочисленные ежегодные мероприятия по привлечению зарубежных покупателей и инвесторов в данный конкретный сектор экономики, а также все более пристальное внимание государства к проблемам культурной сферы и активизация культурных реформ, в том числе по реорганизации управленческих структур, стремление к высокотехнологичному производству «культурного продукта» с применением инновационного потенциала, позволяет предположить, что в ближайшее время КНР успешно преодолет период становления и развития «индустрии культуры», и ожидается выход страны на главенствующие роли на мировом глобальном рынке культуры.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. С. 69–70.
2. Шмагин Е. Культура и дипломатия // Международная жизнь. 2002. № 3. С. 67.
3. Сухарев А. И., Кореньков А. В. Гуманитарное измерение внешнеполитической деятельности: внешняя культурная политика – цели, ресурсы, перспективы // Безопасность Евразии. 2008. № 2. С. 359.
4. Цзян Цзэминь цзай Чжунго гунчандан ди шилю сы цюаньго дайбяо дахуэй шан дэ баогао = Доклад Цзян Цзэминя на XVI Съезде КПК [Электронный ресурс]. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/> (дата обращения: 10.12.2014 г.). Кит. яз.
5. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения от 20 октября 2005 г. Париж: ЮНЕСКО, 2005. 16 с.
6. Пан Чжуньин. Фачжань Чжунго жуаньлилян = Развитие мягкой силы Китая // Ляован синьвэнь чжоукань. 2006. № 1. С. 63. Кит. яз.
7. Чжао Юган. Вого дуйвай взньхуа маои нича цзици юань фэньси = Анализ причин пассивного баланса внешней культурной торговли Китая // Гоцзи маои. 2006. № 10. С. 32. Кит. яз.
8. Международные ярмарки в Китае [Электронный ресурс]. URL: <http://china-hao.ru/educationculture> (дата обращения: 03.12.2014).

9. Бай тумин чжуньця таньтао жэньвэй цзиньжун вэйци чжун вэньхуа чанье мяньлинь синь цзюй = Сотни экспертов полагают, что перед лицом финансового кризиса у индустрий культуры появляются новые возможности // Жэньминь жибао. 2009. 12 января. С. 11. Кит. яз.

10. В Китае опубликован первый доклад о состоянии государственных предприятий культурных индустрий [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2012-12/31/content_27559500.htm (дата обращения: 18.12.2014).

11. Гою вэньхуа цие шоу бу «Байпи шу» = Вышла первая «Белая книга» о государственных предприятиях культурной индустрии [Электронный ресурс]. URL: http://news.ifeng.com/gundong/detail_2013_01/10/21023433_0.shtml (дата обращения: 18.12.2014). Кит. яз.

УДК 327.7.122.129

Ольга Андреевна Борисенко

*канд. филос. наук, доцент кафедры философии
Забайкальский государственный университет*

E-mail: olenka_rabota@mail.ru

Политический диалог России и Китая:

культурный диалог в экономике двух стран

В статье рассматриваются направления российско-китайского сотрудничества в области экономики. Делается вывод о том, что основу долговременных дружественных контактов двух стран составляют их культуры.

Ключевые слова: политический диалог, культурный диалог, Россия, Китай.

Olga Andreevna Borisenko

*PhD (Philosophy Sciences), Associate Professor,
Department of Philosophy*

Transbaikal State University

E-mail: olenka_rabota@mail.ru

Political Dialogue Between Russia and China:

Cultural Dialogue in the Economy of the Two Countries

In the article we can see the directions of Chinese-Russian cooperation are considered in the economics. The conclusion is drawn that the basis of long-term friendly exchanges between the two countries is their culture.

Keywords: political dialogue, cultural dialogue, Russia, China.

Диалог в мировом сообществе в настоящее время является тем способом разрешения глобальных проблем, который не только показывает путь отказа от конфронтации, но и подтверждает целесообразность решения вопросов мирного сосуществования разных культур и цивилизаций, представляя собой такую систему ценностей, которая, как отметил В. С. Степин, «...изменит ныне действующую стратегию развития» [1].

В последнее время отношения Китая и России укрепляются, их политическое доверие друг к другу возрастает, а отношения формируют прочную основу и выходят на новый этап развития.

Основные принципы, на которых выстраивается политический диалог России и Китая, заключаются в следующем: признание равенства и взаимное уважение при ведении политических вопросов. Стратегическое партнерство России и Китая – это один из тех примеров, который основывается на дружбе и устойчивых стабильных отношениях современности. Исторический опыт, культурное сходство и притяжение, ресурсы, влияние двух держав на международной арене являются предпосылками, а также инструментами для активного взаимодействия и дальнейшего сотрудничества. России и Китаю необходимо выработать совместные ответы на вызовы глобализирующегося мира. Наблюдается тенденция, что политический диалог России и Китая необходимо сохранять и развивать не только в рамках региона Центральной Азии, но и в целом на международной арене.

Политический диалог как вид культурного диалога между Россией и Китаем выстраивается по нескольким позициям: экономическая, политическая и общественная.

В июле 2001 г. главы государств Китая и России подписали в Москве Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, которое стало правовой осно-

вой взаимодействия между странами. «Договаривающиеся Стороны, с удовлетворением отмечая отсутствие взаимных территориальных претензий, преисполнены решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение, и прилагают для этого активные усилия» [2].

Экономическая и политическая сферы между собой переплетаются, а в рамках ШОС есть ряд расхождений во мнениях между Россией и Китаем. Во время российско-китайского семинара «Россия и Китай в новой международной среде» (22.03.2009 г.), бывший посол КНР в России Ли Фэнлинь отметил: «Интересы и ожидания России от ШОС, несколько отличаются от Китая. Россия в некотором смысле по-прежнему рассматривает регион Центральной Азии как зону своих особых интересов, сосредоточивает основное внимание на ОДКБ и ЕврАзЭС, в которых Россия занимает доминирующие позиции, а ШОС для России представляет собой лишь «дополнительный канал для сохранения своего влияния в ЦА и поддержания отношений с Китаем» [3].

Условия глобализации, выход на рыночные отношения открыли для стран восточной культуры также возможность изучения нового образа жизни и нового образа мышления. К примеру, Поднебесная открылась глобализации двояко – с одной стороны, это развитие рыночных отношений, а с другой – сохранение самобытности. Как отмечает эксперт МГИМО А. Мочульский, «в китайском экспертном сообществе превалирует мнение, что ШОС как организация все еще находится в состоянии поиска экономической составляющей своей деятельности, и реальное развитие экономического сотрудничества в рамках Организации потребует политической воли руководства стран-членов» [4].

Возможности России воздействовать на ситуацию в Центральной Азии через Шанхайскую организацию со-

трудничества, а также место этой структуры во внешней политике России во многом зависят от позиции Пекина. Реально ведущая роль в ШОС принадлежит не России, а Китаю. Растущий год от года экономический потенциал КНР по многим важнейшим показателям многократно превосходит аналогичные показатели других членов ШОС.

По мнению казахстанского аналитика Аджара Куртова, «растущий экономический потенциал КНР по многим важнейшим показателям многократно превосходит аналогичные показатели других членов ШОС» [5]. Возможно, России следует стремиться более настойчиво предлагать в рамках ШОС реализацию проектов на собственной территории с участием КНР и государств Центральной Азии. Например, по доставке, хранению и переработке сельскохозяйственной продукции или производству промышленной продукции в кооперации стран-членов ШОС для ее реализации на территории этих стран (пример – сельскохозяйственное машиностроение). В качестве усиления привлекательности таких проектов российская сторона могла бы разработать систему привлечения иностранной рабочей силы из стран Центральной Азии и Китая для строительства и последующей эксплуатации подобных сооружений.

Однако наблюдается новый шаг в развитии отношений Китая и России. По завершении саммита в Екатеринбурге, а также проходившей на следующий день встрече глав государств группы БРИК, 17 июня 2009 г. Россия и Китай заключили беспрецедентное соглашение в энергетике на сто миллиардов долларов. О самой крупной в истории двусторонних отношений России и Китая сделке объявил президент России Дмитрий Медведев после переговоров с лидером КНР Ху Цзиньтао. Первые лица договорились разработать механизм взаиморасчетов в рублях и юанях. Пока все сделки между Россией и Китаем оцениваются в долларах. Но если будет реализована инициатива КНР и РФ, она

может повлиять не только на российско-китайские отношения, но и на всю мировую торговлю. Москва и Пекин намерены заменить доллар юанем и рублем [6].

Ежегодно проводится работа в области приграничных вопросов, так как Китай – не только глобальный, но и региональный партнер России. Для ряда восточных регионов (Читинская, Амурская, Еврейская автономная области) не остальная часть России, а именно Китай – основной торговый партнер, важнейший фактор благосостояния населения. На долю Сибири и Дальнего Востока приходится более 70 % всего российского экспорта в Китай и около четверти импорта [7]. Общая протяженность границы Китая с Россией составляет 4300 км, со странами ЦА – 3700 км.

В целях координации усилий по реализации стратегий регионального развития России и Китая разработана Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы). Участниками данной программы с российской стороны стали Забайкальский край, Иркутская область, Амурская область, Еврейская автономная область, Хабаровский край, Республика Бурятия, Приморский край, Сахалинская область, Магаданская область, Камчатский край, Чукотский автономный округ. С китайской стороны – Автономный район Внутренняя Монголия, провинция Хэйлуцзян, провинция Цзилинь и провинция Ляонин. Программа состоит из восьми разделов: «Обустройство пунктов пропуска, строительство и реконструкция приграничной инфраструктуры», «Сотрудничество в сфере транспорта», «Развитие зон сотрудничества», «Укрепление российско-китайского сотрудничества в сфере трудовой деятельности», «Сотрудничество в сфере туризма», «Ключевые проекты регионального сотрудничества», «Сотрудничество в гуманитарной сфере», «Межрегиональное сотрудниче-

ство в области охраны окружающей среды», а также приложения – «Список ключевых проектов сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики».

Умение выстраивать политический диалог, соблюдая равноправие и взаимное уважение, в будущем даст свои «плоды». Россия и Китай имеют разногласия в вопросах сбыта, электроэнергетики и инвестпроектах. В любом случае, при переговорах и ведении дел достигаются взаимовыгодные результаты. К примеру, в один из последних официальных визитов Председателя Правительства РФ В. Путина в КНР с 11 по 12 октября 2011 г., были приняты решения об углублении сотрудничества. В преддверии этого события посол КНР в России Ли Хуэй сделал заявление, в котором, в частности, отмечается, что всестороннее укрепление и развитие китайско-российского стратегического партнерства и взаимодействия остается твердым и неизменным приоритетом внешней политики Китая. В интервью агентству Синьхуа В. Путин отметил необходимость совместного развития высокотехнологических сфер производства. «Он предложил развивать сотрудничество России и Китая в коммерческом пуске ракет. “Мы остаемся абсолютными мировыми лидерами в пуске ракет в коммерческих целях. Как мы понимаем, это одна из самых высокотехнологичных сфер производства. Если мы будем трансформировать это в наши совместные программы по освоению космоса, то, безусловно, уровень технологический и Китая и России будет только повышаться”, - сказал Путин. Но, продолжал он, это не только производство ракет и коммерческие пуски для интересов других стран, с этим связана целая цепочка других производств, например, космическое зондирование земли. У России и Китая нет проблем в политической и гуманитарной сферах, подчеркнул премьер-министр, отметив, что обе

стороны достигли действительно беспрецедентно высокого уровня сотрудничества в данной сфере» [8].

Как отмечает эксперт МГИМО А. Мучульский, «нельзя исключать, что для российско-китайского тандема в ШОС ощутимую позитивную роль могли бы сыграть проекты банковского и финансового профиля (к примеру, Банк развития ШОС, валютные схемы Китая, синхронизация таможенно-тарифной сферы и т. п.). Если не запустить уже сегодня процесс многостороннего экономического сотрудничества в центральноазиатских государствах — членах ШОС, причем не без Китая, а совместно с Китаем, то высока вероятность того, что Россия может опоздать, причем не в столь отдаленной перспективе» [9].

Россия и Китай в целом представляют устойчивые культурные системы, которые сохранили по большей своей части, несмотря на влияние глобализации, свою самобытность и целостность. Любая культура находится в постоянном развитии и взаимодействии с окружающими ее народами. В диалоге культур значимую роль играет образ страны. Когда Россия и Китай начали осуществлять реформы, им еще предстояло преодолеть на своем пути их исторически сложившиеся образы, которые мешают формированию стабильных рыночных отношений.

Впервые суть политического диалога прозвучала в последней речи Сократа перед афинскими гражданами, а в последующем – перед его учениками, когда он одновременно признавал несовершенство афинских законов и силу морали, которая не позволяла ему их нарушить.

Проблема исследования роли диалога в глобализирующемся мире в настоящее время может быть отнесена к одной из основополагающих как в отечественной, так и в зарубежной социогуманитарной науке, а в последние годы она приобрела особое «звучание» в контексте философского осмысления проблем общества эпохи глобализации.

С одной стороны, глобализация акцентирует вопросы толерантности, с другой стороны, принципы политического диалога культур могут быть осмыслены лишь через проблему толерантности. В связи с этим проведенное автором теоретическое моделирование политического диалога как вида диалога культур приобретает особую практическую значимость в контексте решения проблем различных политических и общественных организаций и структур.

Ход исследования развития диалога культур в современных условиях уже не раз подводил многих ученых к тому, что сегодня диалог культур – это не только мировоззренческое, межкультурное, межконфессиональное и прочее взаимодействие. Это диалог мнений, позиций; это совместный поиск оптимально-реальных, рационально-взвешенных решений объединившегося в ходе диалога множества, результатом чего являются общественные движения, международные организации, межгосударственные организации.

Современные межгосударственные отношения в мировом пространстве строятся благодаря той стратегии, которая представляет собой оптимальный вариант для урегулирования межгосударственных отношений, формирования политики межцивилизационного и межкультурного взаимодействия, планирования и прогнозирования результативности международного взаимодействия. Поэтому механизм стратегического взаимодействия, т. е. партнерства, – традиционный, но с элементами модернизации. Его можно рассмотреть в следующей системе «поиск оптимального пути разрешения существующей проблемы – убеждение стратегических партнеров в целесообразности совместных действий – обоснование стратегической программы действий – анализ результатов – прогнозирование последствий». И как бы не расширялось поэтапное поле механизма взаимодействия, способ реализации стратегического партнерства остается один – диалог. Это проявляется и в

ШОС, и в БРИКС, что дает основание говорить о политическом диалоге как форме проявления механизма стратегического взаимодействия. Политический диалог представляет собой реализацию взаимообусловленных интересов различных обществ (цивилизаций) через конкретные политические действия [10].

В условиях глобализации диалог выходит за пределы одной культуры и одной реальности (культурного пространства), вовлекая в свое пространство людей с разными религиозными, мировоззренческими, политическими установками, объединяя их целесообразностью и необходимостью решения вопросов, которые перерастают границы одной нации или государства и становятся общечеловеческими, тем самым стирая политические границы.

Диалог культур выполняет миссию парламентария доброй воли, реализуясь через институционально организованные формы Форумов, Центров, Обществ, Институтов, Организаций, которые формируют пространство межкультурного диалога культур.

Современный глобализационный процесс актуализирует особый вид диалога культур, отличающийся конструктивной практико-ориентированной направленностью – политический диалог. Реальным воплощением его является ШОС, мировоззренческим основанием которой является так называемый «шанхайский дух» как выражение интенций культурного сотрудничества и интеграции [11]

Политический диалог возможен только в контексте решения реальных практических проблем, которые, зарождаясь в отдельно взятом государстве, становятся глобальными по своей природе распространения и силе. Данный вид культурного диалога формирует и выражает наднациональные интересы.

Список литературы

1. Борисенко О. А. Политический диалог как вид диалога культур в условиях глобализации (на примере Шанхайской организации сотрудничества): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Чита, 2011. С. 3.
2. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. Российская газета. 17.07.2001; Пробл. Дал. Востока. 2001. № 5. С. 6–11.
3. Сайт «Совет по внешней оборонной политике» Стенограмма семинара [Электронный ресурс]. URL: <http://svop.ru/news/88> (дата обращения: 22.03.09).
4. Мучульский А. Подход КНР к ШОС: экономический аспект [Электронный ресурс] // Официальный сайт МГИМО. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document150812.phtml> (дата обращения: 23.04.10).
5. Куртов А. Неоднозначность активности Китая в Центральной Азии АПН Казахстан. URL: <http://www.apn.kz/publications/article7422.htm> (дата обращения: 07.12.06).
6. Петров Д. Россия и Китай заключили «сделку века» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Вести. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=294361> (дата обращения: 17.06.09).
7. Михеев В. Роль Китая в глобализирующемся мире дата обращения [Электронный ресурс] // Центр Азия. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1228614480> (дата обращения: 07.12.08).
8. Российский премьер завершил свой визит в КНР [Электронный ресурс] / Официальный сайт ИнфоШОС. URL: <http://infoshos.ru/ru> (дата обращения: 12.10.11).
9. Мучульский А. Подход КНР к ШОС: экономический аспект [Электронный ресурс] // Официальный сайт МГИМО. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document150812.phtml> (дата обращения: 23.04.10).
10. Борисенко О. А., Сухарев Д. В. Анализ механизма стратегического партнерства Китая в условиях глобализации // Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. «Наука и инновации 2013» Часть 8. Философия. Политология. Польша, 2013. С. 67–70. URL: <http://www.rus-nauka.com/> (дата обращения: 07.12.14).
11. Культурный диалог в бизнесе и в политике: учеб. пособие / О. А. Борисенко; Забайкал. гос. ун-т. Чита: ЗабГУ, 2014. С. 149.

УДК 341.01

Анна Михайловна Бянкина
ст. преподаватель кафедры
гражданского права и гражданского процесса
юридического факультета,
Забайкальский государственный университет
E-mail: eleon-84@mail.ru

**Федеральная концепция
в развитии приграничного сотрудничества:
значение для субъектов Российской Федерации**

Статья посвящена значению Концепции приграничного сотрудничества России. Концепция включает основные задачи и направления развития приграничного сотрудничества. Основные положения Концепции нашли отражение в региональных нормативных актах по развитию приграничного сотрудничества.

Ключевые слова: концепция, сотрудничество, задачи и направления, стратегия развития, органы государственной власти.

Anna Mikhaylovna Byankina
Senior Teacher
Chair of the Civil Right and Civil Process, Law Faculty
Transbailal State University
E-mail: eleon-84@mail.ru

**Federal Concept in Development
of Cross-Border Cooperation:
Importance for Regions of the Russian Federation**

The Article is dedicated to importance of the Concept cross-border cooperation to Russia. The Concept includes the primary tasks and directions of the development of cross-border cooperation. The Main positions to Concepts have found the reflection in regional normative acts on development of cross-border cooperation.

Keywords: concept, cooperation, problems and directions, strategy of the development, organs state authorities.

Единственным правовым актом, в комплексе определяющим цели, принципы и приоритеты в вопросах приграничного сотрудничества различных субъектов, определяя их права и обязанности, устанавливая виды и формы при-

граничного сотрудничества, является Концепция приграничного сотрудничества (далее – Концепция) в Российской Федерации, утвержденная Правительством России от 9 февраля 2001 г. [1]. Центральным понятием Концепции является определение приграничного сотрудничества, под которым понимаются согласованные действия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, направленные на укрепление и взаимодействие России и сопредельных государств, для которых основной целью должно являться решение вопросов устойчивого развития приграничных территорий РФ и сопредельных государств, повышение благосостояния населения приграничных регионов России и сопредельных государств, укрепление дружбы и добрососедства с этими странами. Принимать участие в развитии приграничного сотрудничества могут федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов России, органы местного самоуправления в рамках своей компетенции, а также физические и юридические лица согласно законодательству Российской Федерации. Приграничное сотрудничество должно быть комплексным, то есть не только в отношении вопросов государственной безопасности, но и торгово-экономических отношений, отношений в сфере туризма, культуры и т. д.

Данная Концепция также раскрывает задачи и основные направления реализации государственной политики по развитию приграничного сотрудничества России. В частности, к таким задачам относятся: создание обстановки доверия, взаимопонимания и добрососедства между органами власти, деловыми кругами и населением приграничной территории Российской Федерации и сопредельных государств; развитие и укрепление хозяйственных, культурных и гуманитарных связей между приграничными территориями России и сопредельных государств; содействие взаимо-

пониманию и дружбе между народами; упрощение взаимного общения заинтересованных органов власти, деловых кругов и групп населения, проживающих на приграничных территориях. Помимо этого совместное создание и эффективное развитие экономических и социальных инфраструктур на приграничных территориях; совместное решение проблем на приграничных территориях (социальных, экономических, экологических и иных); создание условий, способствующих прохождению экспортных и импортных товаров через приграничную территорию Российской Федерации.

Кроме того, приграничное сотрудничество призвано служить развитию не только социального роста и экономического развития сопредельных государств, но и развитию внешней и внутренней политики, защите национальной безопасности России на рубежах, а также взаимным мерам по противодействию современным угрозам, в частности, терроризму.

К видам приграничного сотрудничества Концепция относит проведение встреч уполномоченных органов государственной власти по вопросам приграничного сотрудничества; создание уполномоченными органами государственной власти совместных координирующих органов по приграничному сотрудничеству и рабочих групп при них; заключение в установленном порядке соглашений о приграничном сотрудничестве России с иностранными государствами; заключение российскими юридическими лицами с зарубежными партнерами гражданско-правовых договоров. Для развития приграничного сотрудничества Концепция рекомендует семь направлений деятельности, включающих сотрудничество в приграничной торговле, представляющее собой наиболее раннюю и самую простейшую форму; сотрудничество при осуществлении инвестиционных проектов и производственно-техническое сотрудничество; сотрудничество в области транспорта и

связи; сотрудничество в сфере рационального использования природных ресурсов и охраны природной окружающей среды; сотрудничество в правоохранительной деятельности; сотрудничество в сфере регулирования миграции населения и регулирования рынка труда; научное и гуманитарное сотрудничество [2].

Практически все направления успешно реализуются на примере Забайкальского края Российской Федерации, который в силу уникального географического расположения представляет собой приграничный регион, осуществляющий сотрудничество с сопредельными регионами Китая и Монголии в различных областях и сферах деятельности. Из примитивных торговых отношений приграничное взаимодействие сопредельных государств вышло на новый уровень и в настоящее время охватывает широкий спектр интересов. Кроме того, жители сопредельных государств стали больше интересоваться социально-культурной сферой, что также благоприятно сказывается на развитии различных направлений приграничного взаимодействия и снижению социальных рисков вдоль государственных границ.

Приграничные российские регионы индивидуальны, каждый характеризуется лишь ему присущими особенностями. В связи с этим Концепция закрепляет ряд основных факторов, которыми следует руководствоваться органам государственной власти и местного самоуправления при выборе форм приграничного сотрудничества. В частности, к ним относятся: общий характер межгосударственных, в том числе военно-политических отношений России с сопредельными странами; исторически сложившиеся связи с сопредельными государствами, традиции и обычаи населения, проживающего на приграничных территориях; природно-ресурсные, социально-экономические и градостроительные условия развития приграничных территорий; характер влияния приграничного сотрудничества на развитие межрегиональной экономической кооперации с сопредель-

ными государствами; особенности режима государственной границы; влияние миграционного фактора на социальные процессы на приграничных территориях, включая нелегальную миграцию; этнополитические факторы; состояние охраны общественного порядка на приграничной территории России и особенности его поддержания; особенности осуществления государственного контроля за ресурсами приграничной территории; наличие природных и техногенных условий для возникновения чрезвычайных ситуаций, имеющих трансграничные последствия; особенности обеспечения национальной безопасности на приграничной территории [3].

Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. в пункте V также определяет задачи и направления приграничного сотрудничества субъектов Российской Федерации с северо-восточными провинциями Китая и Монголии, а также экономическое взаимодействие с другими странами Северо-Восточной Азии [4]. Кроме того, Стратегия социально-экономического развития Забайкальского края РФ на период до 2030 года в п. 12.8 также закрепляет, что в стратегической перспективе основным приоритетом развития внешнеэкономических связей определено приграничное сотрудничество с Монголией и Китаем и активное включение региона в систему широкохозяйственных связей в Северо-Восточной Азии, АТР, Евросоюзе с целью максимально эффективного использования конкурентных преимуществ региона [5]. Тем более что на фоне нестабильности «европейской платформы» государства Азиатско-Тихоокеанского региона укрепляют взаимосвязи между собою, а сам Азиатско-Тихоокеанский регион все чаще становится центром притяжения геополитических сил. Это, в свою очередь, предполагает, что интегрирование Байкальского региона и регионов дальнего Востока в восточную зону будет лишь усиливаться.

Однако при этом чтобы положения федеральной Концепции не были лишь зачастую значительной декларативной нормой, необходимы развернутые нормативные правовые акты по каждому направлению деятельности, как на федеральном, так и на региональном уровне. В связи с этим было бы целесообразно, в частности, принять нормативный акт о транспортной деятельности в приграничной территории. Данный акт мог бы включать в себя общие положения по координации и развитию транспортных отношений в целом на таких территориях, что тем более необходимо в ключе создания мультимодальных транспортно-логистических парков, так как транспорт – это «кровеносная система» любого государства. Региональные власти на основе федерального акта в последующем могли бы принять региональные нормативные акты по регулированию транспортных отношений в приграничных территориях с учетом специфики таких территорий, и в первую очередь их географического расположения. Принятие данных актов позволило бы улучшить транспортное взаимодействие на таких территориях, способствуя упрощению и улучшению движения товарооборота, а также иных сфер общественной деятельности.

Таким образом, расширение направлений приграничного сотрудничества и более эффективное их использование в настоящее время крайне важны и необходимы в условиях мобильно меняющегося мира и смещения геополитических взглядов на восток.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 09.02.2001 № 196-р «Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 8. Ст. 764.
2. Распоряжение Правительства РФ от 09.02.2001 № 196-р «Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 8. Ст.764.
3. Распоряжение Правительства РФ от 09.02.2001 № 196-р «Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 8. Ст.764.

4. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 № 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 4. Ст. 421.

5. Постановление Правительства Забайкальского края от 26.12.2013 № 586 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Забайкальского края на период до 2030 года» // Азия-Экспресс. 2013. № 52/1.

УДК 398.8 + 785

Полина Владимировна Гайдай

канд. пед. наук, доцент

доцент кафедры теории, истории музыки

и музыкальных инструментов

Забайкальский государственный университет

E-mail: gaydpol@mail.ru

**Экспликация этнического многообразия
Китая в инструментальных сочинениях
национальных композиторов**

В статье рассматриваются вопросы воссоздания этнической культуры Китая в инструментальных сочинениях китайских композиторов. Показана экспликация характерных для народов Китая песенно-танцевальных традиций в академической музыке.

Ключевые слова: этническое многообразие, народы Китая, фортепианная музыка, музыкальный фольклор.

Polina Vladimirovna Gaidai,

PhD. in Pedagogy, Associate Professor

Department of Theory and History of Music

and Musical Instruments

Transbaikal State University

E-mail: gaydpol@mail.ru

**Explication of the Ethnic Diversity of China's
in Instrumental Music of National Composers**

The article deals with the reconstruction of the ethnic culture of China in instrumental music of Chinese composers. In article implemented explication of characteristic features of Chinese folk traditions in academic music.

Keywords: ethnic diversity, nations of China, piano music, folk music.

Одной из важных проблем современного глобализирующегося мира, безусловно, выступает задача сохранения национально-культурной идентичности населения планеты. Поддержание и развитие народных традиций, сохранение национальной самобытности актуализируются сегодня на уровне вопросов государственной политики. В подобном контексте, очевидно, небезынтересным может стать обращение к опыту решения названных проблем в такой полиэтнической стране, как Китайская Народная Республика. В настоящей работе хотелось бы осветить достаточно специфичный аспект этого опыта, который в то же время является оригинальной формой сохранения культурного своеобразия в многонациональном государстве.

Речь пойдёт об инструментальном искусстве Китая как уникальном примере интеграции профессионального и народного направлений музыкального творчества. Современная китайская культура в целом носит, как указывает Н. А. Абрамова, инновационный характер, воплощая «сплав культурных традиций и инноваций культурного строительства КНР» [1]. Созидая и развивая искусство своей страны, китайские композиторы и музыканты обеспечивают вхождение государства в мировое культурное пространство при условии сохранения самобытного облика, реализуя тем самым один из основных тезисов культурной политики, озвученных на XVII съезде КПК: «Широко распространять национальную культуру, строить общий духовный очаг китайской нации» [Цит. по: 2].

Китайское академическое искусство отражает два тесно переплетенных ракурса традиционной культуры – философско-религиозные воззрения и культурные установки народного творчества китайцев (песенного и инструментального фольклора, празднично-театральных традиций и др.). Инструментальные сочинения китайских композиторов являют миру яркую картину многообразия национальных

культур. В музыкальных произведениях воссоздаются обряды и праздники, отражаются географические и природные особенности регионов, преломляются песенные и танцевальные мелодии больших и малых народностей.

Основополагающую роль в китайском инструментальном искусстве занимает обращение композиторов к богатейшему пласту народно-песенного творчества, что объясняется глубокой связью песни и национального менталитета. Говоря словами выдающегося российского дирижера В. А. Чернушенко, «... песня есть хранилище души народной, а без неё – души – и народ исчезнет». Рассмотрение тематики инструментального творчества китайских композиторов, преобладающее число сочинений которых носит программный характер, позволяет утверждать, что народные напевы служат основой для множества произведений.

«Музыкальная география» инструментальных произведений китайских композиторов (в данной работе автор преимущественно обращается к фортепианной музыке) необычайно широка. Как известно, национальный состав Китая представлен 56 официально признанными этническими группами, в число которых входят так называемая «титупная нация» – ханьцы (более 90 % населения) и многообразии национальных меньшинств. Поэтому очевидна возможность дифференцирования музыкальных опусов по этому же принципу.

Так, к сочинениям, воплощающим традиции «северных» ханьцев (провинции Хэбэй, Шаньси, Хэйлунцзян) относятся такие произведения для фортепиано, как вариации на темы шэньбэйских народных песен «Синие цветы» Ван Лисана; цикл фортепианных миниатюр на темы девяти народных песен провинции Шаньси Ян Лицина; пьесе «Новый год по лунному календарю» Чжу Ванхуа; сочинения «Река Люян», «Сто птиц воспевают Феникса», «Вышивание над-

писи на золотом полотне» Ван Цзяньчжона; сюиту для фортепианного дуэта «Северо-восточный янгэ» Цуй Шигуана и мн. др.

В названном сочинении известного современного композитора Чжу Ванхуа «Новый год по лунному календарю» (1997) представлена аранжировка региональной разновидности китайской народной песни, именуемой «синтянью». Синтянью – горская песня, исполнять которую традиционно должны мужчины, при этом в пении широко используется высокое фальцетное звучание, что и придаёт специфичность этому локальному музыкальному жанру.

В фортепианной музыке самых различных композиторов можно выделить произведения, названия которых непосредственно указывают на их «музыкальное происхождение». Прежде всего, это циклы, связанные с конкретными провинциями. Например, таковы два крупных цикла сычуанского композитора Хуан Хувэя: фортепианная сюита на темы сычуанских песен «Картины Башу» и «Двенадцать сычуанских народных песен». К этой же группе можно отнести несколько фортепианных пьес Чэнь Пэйсюаня – гуандунская песенка «Дума о весне», вариации на гуандунскую тему «Летающие вдвоем бабочки», «гуандунская музыка» (авторское указание) «Гром в засушливую погоду» и «Осенняя луна отражается в спокойном озере».

В названиях ряда сочинений упоминается южная провинция Юньнань: это «Три детские песни из Юньнани» Ни Хонди, два одноименных цикла «Пять юньнаньских народных песен» Чжу Цзянь-эра и Го Чжихуна, и др.

Этническое многообразие Китая во всей полноте проявляется в произведениях, созданных непосредственно на материале песенного и танцевального фольклора «малых народностей»: мяо, и, чжуанов, туцзя, дунов, илийцев, хани, наси и др. Так, народность «И», проживающая преимущественно в провинциях Юньнань и Сычуань, насчитывает в наше время около 8 млн человек. Её песенная культура по-

служила источником создания нескольких сочинений: фортепианного цикла «Шесть народных песен нации И» Яна Бихая, пьесы «Загадка» Ван Цзяньчжона и «Песни любви» Чжу Цзянь-эра.

Представлена в инструментальном творчестве китайских авторов и народная культура более крупных этнических групп – монголов, корейцев, таджиков и др. Например, обращение к монгольской песенности можно услышать в цикле Сан Тона «Семь пьес на темы народных песен Внутренней Монголии» и в его же миниатюре «В далеком месте»; в сюите Ли Шинсяна «Местные нравы монгольского нагорья». Во Внутренней Монголии компактно проживают эвенки (Ни Хонди, эвенкийский танец «Радуга» для фортепиано), дауры (Сан Тон, «Даурская лирическая песня» для фортепиано), ороконы (китайское наименование «элунчунь») (Чжан Синьхуа, «Тема с вариациями на тему ороконской народной песни»).

Отметим, что особенно часто китайские композиторы обращаются к фольклорному материалу таких регионов, как Синьцзян-Уйгурский автономный район и юг Китая – провинции Юньнань и Гуанси-Чжуанский автономный район. Это связано, прежде всего, с многонациональным составом населения этих территорий, определяющих культурное многообразие местности.

Известный композитор Го Чжихун в своём творчестве активно обращался к музыкальной культуре Юга Китая. Говоря о цикле «Пять народных песен провинции Юньнань», музыкант указывает, что пьесы созданы на основе ряда напевов национальных меньшинств, проживающих в провинции. Автор пишет: «Эти народные песни настолько богаты и разнообразны, интересны и притягательны, их полифоническая структура так уникальна, что они оказали на меня глубокое впечатление. Юго-запад Китая – это центр вечнозеленых широколиственных лесов Восточной

Азии, колыбель рисоводства, там обитает большинство национальных меньшинств. Эти этнические группы обладают богатейшими традициями народного творчества» [3].

В комментариях к своему другому фортепианному сочинению – «Четыре эскиза» (2001), Го Чжихун подробно раскрывает содержание каждой из песен, ставших прообразом пьес. Примечательно, что в этих четырёх миниатюрах композитор воссоздал традиционный мир разных народностей: в первом номере – «Угорь» («Песня крестьян на полях») – используется шуточная песня южных меньшинств Дун и Хани; вторая пьеса – «Цветущий ночью цереус» («Ночная песнь») – написана на основе народной мелодии Туцзя; в третьей миниатюре – «Цикада» («Лесная песнь») – цитируется любовная песня народности Мяо (автор подчеркивает, что не нужно путать этот напев с «Песней цикад», которая бытует у Дун). В четвертой пьесе описывается картина праздника в селении так называемых «жёлтых уйгуров» (югуров) – народности, родственной хакасам и монголам, которая проживает преимущественно в провинции Ганьсу. Их численность составляет всего около 14 тыс. человек. На этом весеннем празднике люди поют песню, посвященную маленьким полевым птицам. Изображая их в танце, участники действия считают, что призывают удачу: «В пьесе отражается праздничная сцена и счастливая атмосфера между людьми, с радостью хлопающими руками подобно птицам» [4].

Уникальный фольклорный материал собран в фортепианной сюите Чжу Цзянь-эра «Образы юга» (1992). Автор указывает, что в первой пьесе – «Танец цветов» – используется песня народности Буи, проживающей в провинции Гуйчжоу; во втором номере сюиты – «Колыбельная» – звучит напев народности Ва (провинция Юньнань); в третьей пьесе – «Детские забавы» – используется мелодия Хани (Юньнань); четвертая пьеса – «Песня любви» – воссозда-

ёт мотив песни народности И; в последнем номере – «О, Лили» – звучит танцевальная мелодия национального меньшинства Наси.

Синьцзян-Уйгурский автономный район – та территория Китая, где, как известно, нередко происходят этнические конфликты. Вместе с тем в музыкальном искусстве китайских композиторов эксплицированы яркие образы самобытной культуры казахов и уйгуров, китайцев и дунган, узбеков и таджиков, сибо, татар и других народностей, что позволяет говорить о возможности культурного диалога. Национальный колорит «земли песен и танцев» воспроизведён во множестве произведений танцевального жанра: название «Синьцзянский танец» мы встретим у Дин Шаньдэ, Го Чжихуна, Ши Фу, Дэн Эрбо, Цзэн Гуана, Чжуан Чюи и у других композиторов.

Помимо этих сочинений известность в Китае получили и другие сочинения, воссоздающие природу синьцзянского региона, культуру и быт населяющих его людей. Среди них: миниатюры на темы четырех народных таджикских песен «Веселый Дапу» Юй Цзинцзюня (1980); концерт для кларнета и фортепиано «Голос Памира» Ху Бидина (1981); фортепианная пьеса Ма Сунминя «Таджикский фантастический плясовой напев» (2001) и его же прелюдия «Снежная гора Памир» (1992); фортепианная сюита Чжоу Синьхуа «Звуки и картины Памира: ночь, танцы, горы» (2004) и др.

Изучение национальных основ музыкальной культуры своей страны являлось и является основным вектором становления и развития профессиональной школы китайских композиторов. Исследование народной песенной, инструментальной и танцевальной музыки – одна из традиций китайского музыкального образования. Известный композитор Го Чжихун вспоминает: «Я соприкоснулся с китайской национальной и фольклорной музыкой, как только переступил порог Китайской центральной консерватории осенью

1949 года. Руководство консерватории, придавая большое значение национальному фольклору и музыке, старалось заинтересовывать их изучением студентов» [5].

Широко используя народные мотивы при создании инструментальных сочинений, китайские композиторы одним из принципов своего творчества выдвигают достоверность отражения фольклорного материала. Многие музыканты участвовали во всевозможных фольклорных экспедициях, как правило, в районы проживания национальных меньшинств с целью сбора и изучения образцов народного музыкального творчества. Так, композиторы Чжу Ванхуа и Чжу Гунъи, создавая Концерт для фортепиано «Дети Южного моря» (1974), для подлинности отражения в музыке жизни рыбаков некоторое время жили в одном из прибрежных районов провинции Гуандун, изучая быт и фольклор местного населения [6]. Автор концерта для кларнета и фортепиано «Голос Памира» (1981) Ху Бидин в конце 70-х гг. длительное время находился в экспедиции в различных синьцзянских районах, впоследствии воплотив в своём произведении песенно-инструментальный фольклор памирских народностей – сарыкольцев и ваханцев. Го Чжихун пишет о том, что для создания новых направлений китайской музыки, он вместе с группой композиторов под руководством Ву Дзучана наблюдал и исследовал подлинную жизнь в приграничных районах провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся-Хуэйского автономного района [7].

Таким образом, можно говорить о том, что экспликация (как метод раскрытия сущности явления через многообразие других явлений) этнического многообразия Китая реализуется в музыкальном творчестве национальных композиторов путём изучения и воссоздания в произведениях для академических, не народных инструментов, специфичных для различных этнических групп особенностей их песенно-танцевального и празднично-обрядового фольклора.

Китайская профессиональная инструментальная музыка, обладая ярко выраженными национальными чертами, «характеризуется высокой степенью этноцентричности: ценности национальной культуры нашли в ней абсолютное воплощение, став первоосновой и базовым материалом для развития китайского искусства» [8]. Осуществленное в рамках настоящей работы рассмотрение некоторых аспектов воплощения музыкального фольклора в инструментальном искусстве Китая свидетельствует о том, что опора на традиции национальной культуры позволяет китайским композиторам в значительной мере воссоздавать и сохранять традиционную культуру своего древнего и многонационального государства. Данный процесс, очевидно, может трактоваться и как процесс трансляции китайскими авторами культурных ценностей своей страны, и как их вклад в создание художественной картины мира. Китайские музыканты не только вносят особую лепту в мировое инструментально-исполнительское искусство, но и существенно расширяют представления о культурном и этническом многообразии своего древнейшего государства.

Список литературы

1. Абрамова Н. А. Региональное измерение социокультурного пространства современного Китая (автономный район Внутренняя Монголия) // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2014. С. 14.
2. Турушева Н. В. Позиция КПК КНР по реформированию культурной сферы (конец XX – начало XXI вв.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 107.
3. Го Чжихун. Ганчин цзопхинсюань = Избранные произведения для фортепиано / Серия «Фортепианные сочинения выдающихся китайских композиторов». Шанхай: Шанхайское муз. изд-во, 2010. С. 72. Кит. яз.
4. Там же. С. 73.
5. Там же. С. 13.
6. Цюй Ва. Из истории коллективного творчества китайских композиторов в 60–70-е годы XX века // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2013. № 1. С. 32.

7. Го Чжихун. Ганчин цзопхинсюань = Избранные произведения для фортепиано. С. 13.

8. Гайдай П. В. Роль традиционной музыкальной культуры в развитии фортепианного искусства Китая // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 3 (88). С. 62.

УДК 323 (510)

Ольга Александровна Гомзякова
аспирантка кафедры востоковедения
Забайкальский государственный университет
E-mail: helga-osa@mail.ru

Проблемы и перспективы «построения могущественного культурного государства»

В данной статье рассматриваются возможные перспективы и проблемы практической реализации китайской концепции «построения могущественного культурного государства». Делается вывод о том, что настоящая стратегия требует необходимой корректировки и более сознательного подхода к ее воплощению со стороны правящей элиты.

Ключевые слова: могущественное культурное государство, культурная мягкая сила, сердцевина социалистических ценностей, глобальная культурная политика

Olga Alexandrovna Gomzyakova
Post-Graduated Student of Oriental Studies Department
Transbaikal State University
E-mail: helga-osa@mail.ru

The Prospects and Problems of “Powerful Cultural State Building”

The prospects and problems of practical realization of the Chinese concept “Powerful cultural state building” are described in this article. It is concluded that, this strategy requires necessary adjustments and more prudent approach under the leadership of ruling elite.

Keywords: Powerful cultural state, soft cultural power, heart of social values, socialist core values, global cultural policy

Построение «могущественного культурного государства» предполагает всестороннюю масштабную реализацию внутренней и глобальной культурной политики, которая выражается в культурной модернизации общества и формировании государственности инновационного типа. Основным механизмом реализации этого глобального политического проекта является стратегия «выхода вовне» культурной «мягкой силы». Теоретическим обоснованием этой концепции является укрепление позиций на международном культурном рынке, усиление культурного влияния, защита национального культурного самосознания и сохранение стабильного общественного развития.

Китайские исследователи, занимающиеся глубоким исследованием динамики процесса становления «могущественного культурного государства» уделяют внимание перспективам практического осуществления данной стратегии. Особый интерес для исследования этой темы представляет предложенный Хуа Цзянем форсайт реализации ранее изложенной теоретической концепции, именуемой как стратегия «трех шагов»:

«Первый шаг, с XX века 80-х годов до начала XXI века была заложена основа системы китайской культуры.

Китай уже основал национальную культурную систему, соответствующую своей эпохе и обладающей китайской спецификой. В результате стало возможным удовлетворять элементарные культурные запросы населения, кроме того в определенных международных кругах удалось сформировать культурный образ Китая,двигающегося по мирному пути развития.

Второй шаг, с начала XXI века до 2020 года построить могущественное культурное государство.

Китай создаст не только воплощение китайской специфики в культуре, но и придаст особое значение идеям об основных человеческих ценностях. В основу этих ценно-

стей должно быть положено представление о мире, гармонии, терпимости, а также демократии, верховенстве закона, свободе прав человека, науки и интеллекте.

Таким образом, китайская культура будет представлена как постоянно совершенствующая конструктивная сила в существующей международной системе.

Третий шаг, с 2020 года до середины XXI века стать глобальным могущественным культурным государством.

Китай воплотит универсальную комплексную культурную силу, которая станет вектором развития человеческой цивилизации, а культурная система станет составной частью международной системы. Культурная «мягкая сила» Китая станет не только духовной опорой великого возрождения китайской нации, но и непрерывно движущей силой, которая будет продвигать человечество XXI века по пути мирного развития» [1].

Китайские исследователи Чжоу Хэпин, Хуа Цзянь, Чжан Сяопин едины во мнении относительно того, что сегодня Китаю удалось приблизиться ко второму этапу построения «могущественного культурного государства». Особые успехи ученые отмечают в повсеместном распространении Институтов Конфуция, где посредством преподавания китайского языка как носителя и передатчика культуры происходит транслирование ценностей китайской цивилизации.

Помимо этого, по их мнению, произошел коренной перелом в позиционировании Китая на международной арене посредством создания «пекинского консенсуса», пропаганды идей мирного существования, многообразии путей развития, мультикультурного мира и гармоничного развития.

О. Борох считает, что «Китай предлагает создать универсальную систему идеологических ценностей, ориентированную на интеграцию с мировыми культурами. В противовес капиталистическим ценностям: свободы, равенства, братства и прав человека, Китай предлагает миру

социалистические ценности с китайской спецификой – народное благосостояние, человек как основа, справедливость, развитие и гармония» [2].

Внутри китайского региона происходят существенные сдвиги в сторону культурной модернизации. Китайские специалисты в последнее время отмечают быстрые темпы развития культурных индустрий.

По словам Чжан Шаофэна, объем вложений в культурные индустрии Китая увеличился на 2,85 %. Более того, ученые обращают внимание на то, что концептуальное содержание стратегии «могущественного культурного государства» постоянно совершенствуется и дополняется новыми идеями и предложениями.

Несмотря на глубокое содержание теоретического положения, богатый культурный потенциал и заметный успех в продвижении и укреплении культурной мягкой силы, китайские исследователи выделяют ряд серьезных проблем, препятствующих практическому осуществлению концепции построения «могущественного культурного государства».

Чжоу Хэпин, Лиу Дэдин в качестве главной проблемы отмечают несбалансированное развитие. По их мнению, стремительное развитие экономики, рост ВВП привели к большим проблемам. Во-первых, в Китае ощущается острая проблема нехватки ресурсов и постоянное ухудшение экологической ситуации.

Хотя Китай добился внушительных экономических успехов, тем не менее, масштаб предпринимательской деятельности оценивается как небольшой, а техническое оснащение – как недостаточно современное, по-прежнему существует огромная потребность в энергоресурсах. «Стремительный рост экономики привел к экологической катастрофе, постоянный выброс производственных отходов в сточные воды наносит тяжкий вред экосистеме и здоровью городских и сельских жителей» [3].

Следующей проблемой, которую отмечают ученые, является постепенное расслоение общества. По их словам, в условиях непрекращающегося развития экономики, роста благосостояния населения, увеличивается разрыв между бедными и богатыми слоями населения, между деревней и городом, между Западным, Центральным и Восточным регионом, что вызывает недовольство и может даже привести к социальным конфликтам и массовым беспорядкам.

Кроме того, ухудшение ситуации специалисты комментируют как следствие перемен, возникших на рынке труда. По их словам, прогрессивный процесс урбанизации, внедрение современных высоких технологий оказывает существенное воздействие на человеческие ресурсы.

Так, Лиу Дэдин полагает, что «массовое переселение сельского населения в город и повсеместное открытие учебных заведений ведет к снижению качества образовательных услуг. По его словам, в настоящее время внутри системы образования существует еще множество недостатков, поэтому трудно обеспечить рынок труда высококвалифицированными кадрами» [4].

Помимо существующих угроз внутри китайского общества, исследователи отмечают усиление внешнего вмешательства со стороны западных стран, которые инициируют идеологическое вторжение в социокультурное пространство КНР. По их мнению, становление мировой культуры становится неизбежной тенденцией, и главная проблема в том, что движущей силой этого направления является западная культура.

По словам Чжоу Хэпина, сегодня в условиях доминирования западной культуры прогрессивное развитие передовой культуры социализма с китайской спецификой стоит перед серьезными вызовами, среди которых он выделяет следующие:

– суверенитет, независимость, территориальная целостность традиционного национального государства испытывают угрозу со стороны глобализационных процессов;

– глобализация воздействует на внутренние процессы и местную культуру, вследствие чего происходит разобщение внутри общества, вплоть до активизации террористической деятельности;

– самобытность ценностных ориентаций и своеобразие традиционной национальной идентичности подвергается вызовам структурного переосмысления и изменения;

– культурная экспансия и подражание Западу ставит под угрозу сохранение национальной культуры.

Чжан Шаофэн, Лиу Дэдин, Чжан Цзы полагают, что Китай пока нельзя назвать «могущественным культурным государством» по нескольким причинам:

– культурные предприятия не имеют собственного бренда;

– в списке стран, которые успешно внедряют культурные инновации в жизнь общества, Китай занимает 29-е место (данные на 2013 г.);

– расход на культурные индустрии занимает менее 10 % от ВВП, что меньше показателей в развитых странах.

Китай пока что не занимает лидирующих позиций на культурном рынке.

Особое внимание учеными уделяется вопросу «выхода во вне» культурной мягкой силы. По их мнению, в настоящее время эта стратегия требует корректирования и поправки, поскольку от этого зависит масштабная реализация построения «могущественного культурного государства».

По мнению Лиу Дэдина, «современные проблемы «выхода вовне» заключаются в следующем:

– несбалансированное развитие мягкой и твердой силы;

– отсталое развитие культурных инноваций и системы общественного культурного обслуживания;

- слабая разработка культурных ресурсов;
- недостаток эффективности в управлении ценностями и интеграции сердцевинных ценностей социализма с китайской спецификой;
- нехватка сильной конкурентоспособности культурной «мягкой силы»;
- отсутствие последовательной передачи традиционной культуры;
- низкий уровень трансляций культурных ценностей» [5].

Китайские исследователи считают, что в настоящее время уделяется мало внимания укреплению мягкой силы, а именно развитию культурных индустрий, разработкам современных культурных инноваций, которые должны включать в себя не только многочисленные лозунги, теоретические концепции, но и пользоваться популярностью у населения.

Помимо всего прочего, они выделяют пассивное участие правительственных организаций, образовательных, научно-исследовательских структур, средств массовых информационных, некоммерческих предприятий в создании и продвижении культурной «мягкой силы». По их словам, не хватает крупномасштабных проектов, куда могли бы вкладываться значительные средства по обогащению и развитию культурных ресурсов.

В результате, на фоне внутрирегиональных проблем, нехватке государственного финансирования, поддержки со стороны различных организаций, слабого развития культурных индустрий, сильно сказывается на конкурентоспособности культурной «мягкой силы». По мнению Лиу Дэдина, культурная «мягкая сила» еще не способна осуществлять передачу традиционных ценностей, развивать и вбирать в себя инновации. Культурной «мягкой силе Китая не хватает главного преимущества на мировой арене – «право голоса». Отсутствуют средства массовой пропаганды, которые

могли быть адекватно восприняты западной аудиторией. В итоге остается воспринимать ценности западной культуры, несовместимые с социалистической системой» [6].

Культурную концепцию китайского руководства скептически оценивают американские ученые. Например, автор теории «мягкой силы» Джозеф Най в своих публикациях приходит к выводу, что вложенные огромные средства в целях укрепления «культурной мягкой силы» не привели к успеху. По его мнению, «положительный образ и дружелюбное позиционирования Китая преобладает в основном в странах Африки, Латинской Америки, в то время как в Америке, Европе, Японии, Индии, Южной Корее господствуют негативные отклики. Добавить к этому можно недавние события, связанные с локальными конфликтами в регионе Юго-Восточной Азии, где в последнее время возникают столкновения Китая с Вьетнамом и Филиппинами» [7].

Российские исследователи О. Борох и А. Ломанова наоборот позитивно оценивают шансы Китая стать «могущественным культурным государством». Они считают, что Китай учится бороться за «право слова» на мировой арене, создает каналы передачи информации и влияния на зарубежное общественное мнение.

Китай опасается повторения истории, когда СССР не смог противопоставить свою систему ценностей внешнему пропагандистскому давлению Запада. По мнению Чжан Гоцзо, Чжоу Хэпина, СССР вовремя не укрепил идеологическую линию обороны, основные ценности были искажены, в результате «мягкая сила» культуры была утрачена.

Другие китайские исследователи, Ли Дэдин и Чжан Сяопин, подчеркивают, что, несмотря на вовремя предпринятые меры, существующую систему сердцевинных ценностей и руководствующей идеологии нельзя считать совершенной. «Влияние западных ценностей становится все более ощутимой. Образование и передовая линия культур-

ной доктрины не способны выполнять соответствующую роль по пропаганде и передаче идеологии и сердцевинных ценностей» [8].

В результате китайские ученые приходят к выводу, что в связи с перечисленными проблемами необходимо уделять повышенное внимание практической реализации по продвижению культурной «мягкой силы», оценивая возможную степень развития событий после внесения необходимых поправок.

Закономерным является поиск практических решений указанных проблем. Например, Хуа Цзянь, призывая к всестороннему укреплению культурной «мягкой силы», предлагает опираться на основные преимущества и базовые ресурсы сложившейся социалистической системы. Ученый выделяет «шесть направлений успешной реализации культурной политики:

- создание ключевой концепции, обладающей высокой степенью притягательной силы, формирование благоприятного образа для гражданского населения и союзников;
- формирование благоприятной обстановки в целях разработки, освоения культурных ресурсов, подготовки необходимых специалистов;
- определение механизма непрерывного развития инноваций, рост производительности культурной мягкой силы;
- строительство индустрий мирового уровня, обладающих конкурентоспособностью;
- основание универсальной мультикультурной системы;
- развитие системы общественного культурного обслуживания, усиление культурного спроса, повышение качества жизни и духовного уровня населения» [9].

Особый интерес представляет взгляд деловой и культурной элиты, которые принимают непосредственное участие в строительстве государства с инновационной культу-

рой. Например, Чжан Цзы предлагает ввести следующие корректирующие меры в стратегию реализации «культурной мягкой силы»:

- сосредоточить силы на поддержку предпринимательства в сфере культурных индустрий;
- оказывать государственную поддержку, которая должна заключаться в уважении коммерческого права;
- разработать генеральный план действий по реализации стратегии «выхода вовне» китайской культуры.

Чжан Цзы полагает, что для осуществления общего управления и контроля над культурным «выходом вовне» необходимо сосредоточиться на долгосрочной перспективе, а не мгновенном результате, увеличить финансовые затраты из расчета на получение эффективного результата. Необходимо сосредоточить усилия на всестороннем выполнении стратегии в провинциях, городах, селах» [10].

На основании исследований китайских ученых, мы приходим к выводу, что китайское правительство приступает ко второму шагу реализации всеобъемлющей концепции построения «могущественного культурного государства», которая ставит перед собой следующие задачи:

- укрепление «ядра ценностей» социалистической системы, направленной на сплочение китайского народа, создание системы ценностей, которая станет общепризнанной и будет включена в систему мировой культуры;
- основание системы общественного культурного обслуживания, удовлетворение культурных потребностей, обеспечение культурной безопасности;
- развитие культурных индустрий, внедрение передовых культурных инноваций, производство конкурентоспособных продуктов;
- выход на международный культурный рынок, завоевание симпатии основной аудитории за рубежом за счет экспорта продукции, ориентированной на удовлетворение спроса потребителя;

– обладание правом голоса за счет увеличения международного влияния, формирования имиджа ответственной страны, ориентированной на политику добрососедства и мирного сосуществования;

Практическое выполнение стратегии будет зависеть от решения следующих проблем:

– неравномерное региональное функционирование китайского общества, которое выражается в несбалансированном развитии Западных, Центральных, Восточных регионов, постепенным расслоением общества, обострением межэтнических конфликтов;

– дисбаланс соотношения мощи мягкой и твердой силы, дихотомия сильной экономики и слабой культуры;

– низкая производительность культурных индустрий, которая препятствует внедрению культурных инноваций и становлению системы общественного культурного обслуживания;

– малоэффективное «управление ценностями», которое проявляется в слабой интеграции «ядра ценностей» социализма с китайской спецификой, последовательной передаче традиционной культуры;

– недостаточная поддержка предпринимателей региональными органами власти, отсутствие генерального плана и скоординированности действий центрального и местного правительства, поощрение зарубежной продукции;

– отсутствие собственного бренда, низкий уровень трансляции традиционной культуры «вовне», слабая конкурентоспособность культурной мягкой силы.

Воплощение стратегии «могущественного культурного государства» ориентировано на долгосрочную перспективу и требует своевременной корректировки. Китай постепенно переходит ко второй стадии исполнения данной стратегической установки. В условиях трансформации общества китайскому руководству необходимо укреплять единую си-

стему ценностей, способную сплотить китайскую нацию, заниматься финансированием и поддержкой культурного предпринимательства, контролировать выполнение поручений на всех административных уровнях, планировать комплексную культурную политику в соответствии с возникающими проблемами.

Перспектива построения «могущественного культурного государства» будет зависеть от проведения грамотной культурной политики и совершенствования механизмов ее реализации. Только тогда, когда общество достигнет высокого уровня гармоничного развития, культурная «мягкая сила» совершит истинный «выход вовне» и культурное самосознание нации будет сплочено единой мыслью – построение процветающего социалистического «могущественного культурного государства». Только тогда осуществится мечта всей китайской нации о великом возрождении и произойдет коренной передел в структуре «сильный Запад, слабый Китай».

Список литературы

1. Хуа Цзянь. Вэньхуа жуаньшили цюаньцюхуа бэйцзинься дэ цянго чжили = Культурная «мягкая сила», путь могущественного культурного государства на фоне глобализации. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2013. С. 118. Кит. яз.
2. Борох О. Н., Ломанов А. В. От «мягкой силы» к «могущественному культурному государству» [онлайн журнал] // Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643> (дата обращения: 01.03.2014).
3. Чжоу Хэпин. Вэньхуа цянго чжанлюэ = Стратегия могущественного культурного государства. Бэйцзин: Сюэси чубаньшэ, хайнань чубаньшэ, 2013. С. 170. Кит. яз.
4. Лиу Дэдин. Дандай чжунго вэньхуа жуаньшили яньцзю = Исследование культурной «мягкой силы» Китая. Бэйцзин: Жэньминь чубаньшэ, 2013. С. 159. Кит. яз.
5. Хуа Цзянь. Вэньхуа жуаньшили цюаньцюхуа бэйцзинься дэ цянго чжили = Культурная «мягкая сила», путь могущественного культурного государства на фоне глобализации. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2013. С. 162. Кит. яз.

6. Лиу Дэдин. Дандай чжунго вэньхуа жуаньшили яньцзю = Исследование культурной «мягкой силы» Китая. Бэйцзин: Жэньминь чубаньшэ, 2013. С. 165. Кит. яз.

7. Борох О. Н., Ломанов А. В. От «мягкой силы» к «могущественному культурному государству» [онлайн журнал] // Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643> (дата обращения: 01.03.2014)

8. Чжан Сяопин. Чжунго вэньхуа цзяньшэ дэ лилунь юй шицзянь = Теория и практика строительства культуры Китая, 2012. С. 42. Кит.яз.

9. Хуа Цзянь. Вэньхуа жуаньшили цюаньцюхуа бэйцзиньшэ дэ цянго чжили = Культурная «мягкая сила», путь могущественного культурного государства на фоне глобализации. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2013. С. 173. Кит. яз.

10. Ли Лян чжунго – вэньхуа гунцзочжэ тань вэньхуа = Сила Китая – размышления о культуре Китая / под ред. журнала «Партия» центрального отдела пропаганды. Бэйцзин: Жэньминь чубаньшэ. 2012. С. 209. Кит. яз.

УДК 39(571.54/55)

Артём Вадимович Жуков

д-р филос. наук,

профессор кафедры философии

Забайкальский государственный университет

e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Алена Алексеевна Жукова

канд. филос. наук,

научный сотрудник музейного центра

Забайкальский государственный университет

e-mail: kazarbina_a@mail.ru

Надежда Алексеевна Соловьева

аспирант кафедры философии

Забайкальский государственный университет

e-mail: nadezd.c@yandex.ru

Особенности методологии этнологических исследований в современном Китае

В статье проводится попытка анализа методологической базы современных китайских публикаций, посвященных исследованию этнической культуры в Китае. Авторы выделяют ряд концептов, характерных

для китайского этнологического дискурса, такие как «единая китайская нация», «национальность», «малая национальность», «срединное государство», и доказывают, что этнология в Китае является элементом информационной стратегии государства.

Ключевые слова: «единая китайская нация», «национальность», «малая национальность», инструментализм, примордиализм, конструктивизм, информационная стратегия.

Artem Vadimovich Zhukov

Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department

Transbaikal State University

e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Alyona Alekseevna Zhukova

PhD in Philosophy, Scientific Employee of Museum

Transbaikal State University

e-mail: kazarbina_a@mail.ru

Nadezhda Alekseevna Solovyova

Graduate Student of Philosophy Department

Transbaikal State University

e-mail: nadezd.c@yandex.ru

Features of Methodology Ethnological Studies in Modern China

In article attempt of the analysis of methodological base of the modern Chinese publications devoted to research of ethnic culture in China is carried out. Authors allocate a number of concepts, characteristic for the Chinese ethnological discourse, such as “the uniform Chinese nation”, “nationality”, “a small nationality”, “the median state”, and prove that the ethnology in China is an element of information strategy of the state.

Keywords: “the uniform Chinese nation”, “nationality”, “a small nationality”, instrumentalism, primordializm, constructivism, information strategy.

Китай является крупным многонациональным государством, которое, подвергаясь воздействию процессов распространения глобализирующей культуры, влияющей на культурное развитие титульной нации и на судьбу множества малых групп, стремится к устойчивому развитию и определяет для себя путь построения гармоничного общества, в котором национальный вопрос является одним из важных. В 90-е гг. XX в. перед наукой этой страны была

поставлена задача проведения исследований трансформационных процессов, которым оказались подвержены этнические культуры, являющиеся объектом национальной программы гармоничного развития [1]. Это привело к появлению значительного количества публикаций и к осознанию необходимости анализа методологической базы китайских этнологических исследований, которые не могли не испытывать влияние со стороны устоявшихся направлений этнологии, однако имеют свою специфику.

В традициях западной и отечественной науки изучению динамики этнической культуры, в которых значительное место занимают вопросы происхождения, развития, распространения, а также деградации и ассимиляции этносов, уделяется большое внимание. Исследование этнической культуры в XIX–XX вв. было связано с традициями эволюционизма, социологического направления, функционализма, этнопсихологии и другими направлениями, в рамках которых сформирована теоретическая база, посвященная обоснованию того, каким образом происходят изменения в культуре этноса и что собой представляет динамика этнической культуры. Не меньшее значение имеют теории формирования этноса, рассматриваемого с разных позиций, среди которых выделяется примордиализм, инструментализм и конструктивизм, разница между которыми вызывает дискуссии и порождает различные объяснительные модели в видении сущности процесса формирования этноса.

В целом применение описанных подходов долгое время описывало этническую действительность, однако со второй половины 60–70-х гг. XX в. в структуре этнологического знания произошли большие перемены. В связи с усилением дезинтеграции мирового сообщества по принципу этнической принадлежности в этнологии была поставлена проблема определения природы этнической солидарности и межэтнического взаимодействия. Ее анализ

имел политический контекст и отвечал задаче сохранения национального (гражданского, политического) единства в каждой многонациональной стране. Постановка этой проблемы привела к методологическим трансформациям. Если до 60-х гг. главенствующие позиции занимало направление социальной интеграции, то затем влияние дезинтеграционных процессов в науке сделало популярной «теорию конфликта сил». Ее внедрение дало толчок для развития разных направлений, часть из которых, оставаясь в рамках научного мировоззрения, отмечала появление новой тенденции, синтезируя свои положения с принципами системно-функционального анализа [2].

Другая часть, напротив, включилась в действия «конфликтующих сторон» и использовала научно-теоретическую базу для обоснования своих этно-национальных и политических убеждений. Китайскими учеными было выбрано второе направление, которое отличается тем, что при использовании некоторого объема теоретической базы западной и российской науки оно направляет свои усилия на разработку методологии, которая бы защищала точку зрения государства, ставящего задачи интеграции и консолидации населения Китая в рамках единого целого. Инструментальное применение методологии этнологических описаний в современном Китае, где этнокультурным особенностям придается большая значимость, зависит не только от науки, но и от правящих элит. Учитывая бурные манифестации этничности последних десятилетий, руководящие структуры КНР понимают методологию преподнесения информации об этносах исключительно в контексте идей, синтезирующих политические и научные концепции. Такой подход, не предполагает возможности дополнительной рефлексии, но при этом нацеливается на проведение эффективного распространения определенных идей [3].

Сегодня в содержании китайских исследований этноса распространенным является стремление к конструирова-

нию образа единой общности, в которой этническая идентичность подчинена политической идентичности. В рамках этого подхода формируется такое объяснение природы этноса, которое синтезирует элементы примордиализма и конструктивизма, однако фиксирует внимание на первичности природы государства, культуртрегерская сущность которого конструирует попадающие под его влияние народы. Эти идеи формируют государственную концепцию социальной консолидации, которой чужды идеалы гражданского общества и близки ценности, связанные с патриархальными установками, характерными для конфуцианства. Необходимо отметить, что в основе такого отношения к науке лежат архетипы исторического сознания китайцев, для которых такие понятия, как «богатство истории» и «историческая память», являются ценностью, выполняющей функции идентификации, интеграции, консолидации, психологической защиты и развития патриотизма [4].

История китайской политики убеждает в том, что традиция управления народами здесь с древности включала методики конструирования образов государства, понимаемого как «чжунго», «срединное государство», по сравнению с которым государства соседних народов – это «земля варваров». Характерным является то, что образ «чжунго» не касался какой-то избранной территории, употребление его со временем расширялось и по мере присоединения «варварских» земель они становились землями «чжунгожень», принадлежащими гражданам Поднебесной. Поэтому, когда в начале XX в. китайское общество реформировалось по европейским образцам, правителям Китайской Республики понадобилось такое название для подвластного им государства, которое бы подчеркивало его извечный характер, они воспользовались понятием «чжунго». Сегодня оно способствует не только постепенной «китаизации» малых национальностей КНР, оно и создает основу для китаецентристского мировоззрения жителей этой страны. По мне-

нию А. В. Меликсетова, традиция менять смысл истории, конструировать образы и представления о государстве, культуре, о населении в Китае сохранилась с древности и широко используется сейчас [5].

Особенностью современной китайской научно-политической мысли является стремление направлять итоги переосмысления недавнего прошлого в нужное на настоящий момент для поддержания мировоззренческих ориентиров общества русло. К примеру, согласно мнению У. Каллахана, в Китае начала XXI в. идентичность формировалась как результат сложного взаимодействия между позитивным и негативным образами, рисующими прошлое и настоящее государства, которое формировало образ «народа жертвы», пережившего столетия национального унижения с начала «опиумных войн» до образования КНР, что было очень удобно, когда речь шла о необходимости поиска дипломатических ответов на требования независимости Тибета и обвинения в попрании прав человека в этом районе [6]. Необходимо заметить, что в рамках стратегии, направленной на создание образа Китая, как мощного центра силы и кандидата на мировое лидерство, факты с использованием комплексов «национального унижения» оказываются почти не объяснимыми. Тем не менее, практика распространения двух образов этнической культуры, один из которых противоречит другому, является специфичной для китайской информационной политики. Многие исследователи зафиксировали, что образы, презентуемые «вовне», «для других», отличаются от тех, которые распространяются «внутри» «для себя».

В первом случае государственная власть КНР направляет усилия на распространение интенсивных патриотических чувств. Политика конструирования этих образов основывается на повсеместном и настойчивом подчеркивании величия древних традиций и их преемственности. Она вписывается в стратегии, использующие арсенал так

называемой «мягкой силы», способствующей конструированию положительного образа Китая в мире. Однако эта тенденция имеет противодействие как со стороны «малых национальностей», так и представителей титульной нации. Это приводит к выступлениям, оцениваемым в контексте современной китайской методологии как «рецидивы и всплески архаичности». Поэтому по отношению к хань, с одной стороны, и к «малым национальностям», с другой, властям приходится использовать методы контроля и сдерживания, которые и проявляются в формировании второй тенденции конструирования этнических образов, характерных для внутренней политики [7].

Принцип конструирования прослеживается в формировании образов культуры, этнической культуры, культуры «малых национальностей». Базовым в китайской науке о народах является понятие культуры. Культура понимается, с одной стороны, как совокупность продуктов и результатов производства, появившихся в результате человеческой деятельности, и с другой – как духовное наследие. Конструируя понятие культуры, китайские ученые обращают внимание на такую ее особенность, как региональное разнообразие, формирующее уникальность локальных этнических типов культур. О том, что это мнение учитывается в политике, говорят решения КПК о том, что «необходимо расширить культурное производство и воспроизводство... развитие культуры удовлетворяет интересам народа в коллективном духе (самосознании) и стимулирует развитие всех сфер жизни» [8].

Наиболее значимым признаком, выделяющим представления о культуре в китайской этнологии, является то, что китайские исследователи рассматривают культуру как общий образ мышления и мироощущения каждого члена государства, а не какой-то этнической группы. Отражая распространенные в Китае представления о структуре культуры, современный автор, Чжоу Миньфу, предлагает пред-

ставить ее структуру, выделив четыре уровня: культура человечества, культура эпохи, национальная культура и культура национальных меньшинств. Выделяются два уровня культуры: национальная культура и культура этнических групп. Под национальной культурой понимается традиционная китайская культура, а под культурой этнических групп – локальное проявление элементов этнической культуры национальных меньшинств. Мнение Чжоу Миньфу о структуре культуры совпадает с точкой зрения руководства КПК, которое указывает, что «необходимо усилить строительство культуры социализма с китайской спецификой, создавать соответствующую социализму с китайской спецификой рыночную экономику, соответствующую этому систему правил и законов, срастить традиционные и моральные ценности нации с ценностями социализма с китайской спецификой, сформировав тем самым национальный дух, что послужит новым толчком реформ и развития» [9].

Современная структура этнической культуры КНР сложилась в 50-е гг. XX в., когда в стране с преобладающим ханьским населением были признаны права других национальных групп. С этого времени в Китае принято разделять такие понятия, как нация или национальность («миньцзу») и малая национальность («шаошу миньцзу»). Под национальностью понимается стабильная группа, обладающая общим языком, территорией, экономическими отношениями, а также общими психологическими качествами, сформировавшимися в процессе исторического развития и закрепленными в общей культуре. Это примордиалистское определение, однако, используется как инструмент конструирования этнической реальности, так как согласно ему все жители Китая – это, прежде всего граждане КНР, которые вне зависимости от национальности составляют единую нацию «чжун хуа». В этом контексте каждый гражданин КНР в первую очередь чувствует себя носителем общенациональной культуры, вместе с этим он представляет какую-либо нацию. Таким

образом, «национальная культура» и культура «малых национальностей» это разные понятия, специфика которых состоит в том, что в китайских источниках термин «малая национальность» используется как обозначение только одного понятия – неханьские народы [10].

Общая численность этих народов намного меньше, чем ханьцев, поэтому их принято называть «малыми». Признаком, который отличает неханьские народы от ханьцев, является их этническая культура. Для китайских ученых важно, что именно культура, а не генетическая наследственность, определяет природу этничности. Причина заключается в том, что, в Китае взгляд на этничность основывается на вере в то, что все неханьские народы по происхождению и генетике едины с народом хань. Согласно мнению современной китайской исследовательницы Ли Суцзе, «малые национальности» представляют собой не что иное, как составные части единой китайской нации, которые выделились из нее в результате процесса исторического развития культуры [11]. С этой точки зрения, в которой синтезированы как примордиалистские, так и конструктивистские представления, и хань и «малые национальности» являются составными элементами единого целого – «единой китайской нации». Чем они различаются, так это особенностями исторического развития, которые привели к их обособленному существованию, и специфическими чертами культуры, которые появились в результате этого исторического обособления. Таким образом, методология этнологических описаний в Китае не исключает ни конструктивистского, ни примордиалистского подхода, которые используются в зависимости от конкретных задач, ставящихся перед каждым описанием.

В целом в системе этнологического знания сконструированными признаются все современные этнические группы, как «малые национальности», так и хань, которые выступают как результат влияния локальной истории и куль-

туры. Однако на общем фоне этнических конструкторов в этнологическом знании Китая существует примордиальный образ изначально существующего этноса – «единой китайской нации», который и является ключевым для всей системы этнологической мысли Китая. В этой системе культура «малых национальностей» является структурным элементом культуры «единой китайской нации». Она характеризуется тем, что, во-первых, вносит вклад в формирование, развитие ее уникальности за счет привнесения национальных мотивов, элементов, идей из частных культур в общую культуру. Во-вторых, она поддается конструирующему воздействию со стороны «единой китайской нации», которое олицетворяется действиями КПК.

При этом руководство Китая, проводя политику, направленную на укрепление единства многонационального государства, не стремится к немедленному переконструированию основ культуры «малых национальностей», а пытается сохранить национальные особенности. Для этого они предпринимают усилия, направленные на поддержку, сохранение и развитие культур «малых национальностей». Так, на XVII съезде ВСНП был объявлен курс, целью которого было развитие национальных культур. После этого в 2009 г. были опубликованы «Предложения о последовательной работе по развитию культуры малых национальностей» [12], имеющие целью разработку программ по сохранению самобытности культуры национальных меньшинств, развитие этнографического туризма, создание национальных парков, музеев под открытым небом, фольклорных ансамблей.

В то же время из анализа концепций структуры культуры национальных меньшинств можно заключить, что в китайской науке не считают, что их уровень отражает подлинно глубинный смысл, который является сущностным выражением культуры «единой китайской нации». К примеру, в концепции культуры, представленной Чжоу

Миньфу, этническая культура национальных меньшинств включает в себя три уровня: базисный уровень – материальная культура и технологии; сердцевина – общественная организация; высший уровень – ценности и формы мышления, которые, имея характер этнического эгоизма и сепаратизма, могут не совпадать с ценностями «единой китайской нации». Именно на этот уровень, по мнению, выраженному в решениях ЦК КПК, необходимо оказывать воздействие, для того, чтобы влиять на процессы трансформации этнической культуры. Так, например, член ПК ЦК КПК, председатель комитета Народного политического консультирования совета Китая Цзя Цинлинь говорит о важности влияния на культуру «малых национальностей» следующее: «Необходимо в современных условиях придать мощный импульс для развития районов проживания малых национальностей. На сегодняшний день ЦК КПК уделяет особое внимание национальной работе, нацеленной на консолидацию населения». Однако в утверждениях партийного функционера о том, что «в национальной работе, необходимо бороться со всеми видами сепаратистской деятельности, защитить единство государства и сохранить социальную стабильность», четко прослеживается двойственный характер китайских практик распространения образов культуры «малых национальностей» [13]. Таким образом, практика распространения двух различных образов этнической культуры является специфичной для китайской информационной политики, органической частью которой является китайская этнологическая наука. Ее специфика заключается в том, она является инструментом формирования этноса и используется в целях централизации государства и представляется не только этнологическим анализом, но и предметом анализа, ее как инструмента распространения определенных этнополитических образов и идей. Этнологическая наука в Китае понимается как наиболее корректный, легко

понимаемый и эффективно действующий метод убеждения населения, нацеленный на конструирование мировоззренческих взглядов и этнических идеалов.

Подведем итоги:

1. Современные процессы конструирования образов этнической идентичности в Китае идут в русле, которое формирует государство, тесно взаимодействующее с наукой, поставляющей ему не только идеологически выверенные тексты, но и методологию проведения этно-культурной политики, нацеленной на получение максимально эффективного результата. Инструментальное применение этнологической науки, использующей элементы примордиалистских (идея «единой китайской нации») и конструктивистских (идеи «малых национальностей») концепций, порождает двойственный контекст образов этнических групп. Одни из образов направлены «вовне», и распространяют образы полиэтничного государства. Другие направлены «вовнутрь» для конструирования образа единого государства, сплоченного вокруг идеи «единой китайской нации».

2. На сегодняшний день в Китае гражданская идентичность, то есть идентификация себя с «единой китайской нацией», превалирует над этнической, однако для руководства КНР важно заявлять, что идентичность «малых национальностей» не утратила своей значимости. Это утверждение подтверждает китайская этнологическая наука, доказывая, что культура «малых национальностей» – это богатство китайской и мировой цивилизации, и что их взаимовлияние усиливает китайскую культуру, что способствует повышению привлекательности китайской культуры и формированию имиджа китайской нации в мире. При этом на фоне сохранения внимания к этническому «я», поддержки различий, таких как самоназвание, физический облик, географическое происхождение, хозяйственная специализация, религия, язык и такие черты, как одежда и пища, в Китае предпринимается максимум усилий для преодоления мен-

тальной оппозиции «мы-они» и дифференциации групп, которые выводятся на уровень единой гражданской идентичности – более широкого, чем этническое, поля социального взаимодействия.

Список литературы

1. Фан Пэн. Хайнань дао лиши миньцзу вэньхуа (История, народности и культура острова Хайнань) / Фан Пэн. Хайкоу: Наньфан чубаньшэ, 2003. С. 12.
2. Семененко И. Национальные практики формирования гражданской идентичности: опыт сравнительного анализа [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/nacionalnyje_praktiki_formirovanija_grazhdanskoj_identichnosti_opyt_sravnitelnogo_analiza.htm (дата обращения: 24.01.2015).
3. Connor W. Ethnonationalism. The Quest for Understanding. Princeton, 1993. P. 28.
4. Корсун А. Н. Идентичность с «китайской спецификой» // Полис. 2008. № 3. С. 68–79. С. 71.
5. Меликсетов А. В. История Китая. М.: МГУ, 2002. 736 с. С. 26.
6. Callahan W. A. China: The Pessoptimist Nation. Oxford: Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 29.
7. Цзын Цзюньци. Жан гэ миньцзу вэньхуа «Мэй мэй юй гун» (Позволить культурам каждого народа «Процветать и объединяться») [Электронный ресурс]. URL: http://www.wenming.cn/wmpl_pd/zlzs/201206/t20120613_704922.shtml (дата обращения: 19.10.2014).
8. Гоцзя дуй шаошу миньцзу дэ чжэнцэ (Политика Китая в отношении национальных меньшинств) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.douban.com/group/topic/1204433> (дата обращения: 21.01.2015).
9. Чжоу Миньфу. Чжунго шаошу миньцзу вэньхуа цзяньлунь (Культура национальных меньшинств Китая. Краткое обсуждение) / Гос. комитет по делам национальностей. Бейцзин: Миньцзу чубаньшэ, 2006. 318 с.
10. У Цзинхуа Этническая ситуация и политика КНР в отношении нацменьшинств // Расы и народы. М.: Наука, 1998. Вып. 24. С. 120–121.
11. Ли Суцзе. Шаошу миньцзу чуаньгун вэньхуа чжун дэ хэсе юаньсу цзи сяньтай цзячжи (Основные элементы гармоничного развития и их современное значение для традиционной культуры национальных меньшинств) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.docin.com/p-362527035.html> (дата обращения: 24.01.2015).
12. 让各民族文化“美美与共” (Предложения о последовательной работе по развитию культуры национальных меньшинств) [Электронный ресурс]. URL: http://www.wenming.cn/wmpl_pd/zlzs/2012 (дата обращения: 25.12.2014).

13. Цзя Цинлинь: «Необходимо в современных условиях придать мощный импульс для развития районов проживания национальных меньшинств» [Электронный ресурс] // Газета «Женьминь жибао online». URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7600714.html> (дата обращения: 15.01.2015).

УДК 332.12

Ирина Александровна Забелина

канд. экон. наук, научный сотрудник, доцент

Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН

Забайкальский государственный университет

E-mail: i_zabelina@mail.ru

Сравнительный анализ структуры валового регионального продукта в приграничных регионах КНР*

В статье выполнен сравнительный анализ структуры валового внутреннего продукта (ВВП) Китая и валового регионального продукта (ВРП) приграничных регионов КНР (провинции Хэйлуцзян и Внутренняя Монголия). Показано, что за период с 2004 по 2012 годы произошли некоторые изменения в структуре ВВП и существенные трансформации ВРП приграничных с РФ регионов.

Ключевые слова: экономическое развитие, валовой внутренний продукт, валовой региональный продукт, Китай, регионы, приграничное сотрудничество.

Irina Alexandrovna Zabelina

Candidate of Economic Sciences, Researcher, Associate Professor

Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS,

Zabaikalsky State University

E-mail: i_zabelina@mail.ru

Comparative Analysis of the Structure in the Border Regions of China

The paper considers the structure of the gross domestic product of China and the gross regional product of the transboundary regions (Heilongjiang province and Inner Mongolia). According to the article, the comparative analysis shows some changes in the structure of GDP and significant transformation of GRDP of regions.

* Работа выполнена при поддержке Проекта СО РАН IX.88.1.6.

Keywords: economic development, gross domestic product, gross regional domestic product, China, regions, transboundary cooperation.

В последние годы экономика Китая развивается достаточно быстрыми темпами. Она растет существенно быстрее мировой. Также китайская экономика опережает по скорости экономическое развитие многих стран, включая и Российскую Федерацию. На протяжении последнего десятилетия ежегодный прирост валового внутреннего продукта (далее – ВВП) КНР составлял от 8 до 14 % (рис. 1). Кроме того, в отличие от многих других развитых стран Китаю удалось сохранить положительные темпы экономического роста даже в период мирового финансового кризиса. Так, в 2008 и 2009 гг. темпы роста валового внутреннего продукта Китая несколько снились относительно предыдущего периода, однако его рост составил 9,6 % и 9,2 % к предыдущему году соответственно [1].

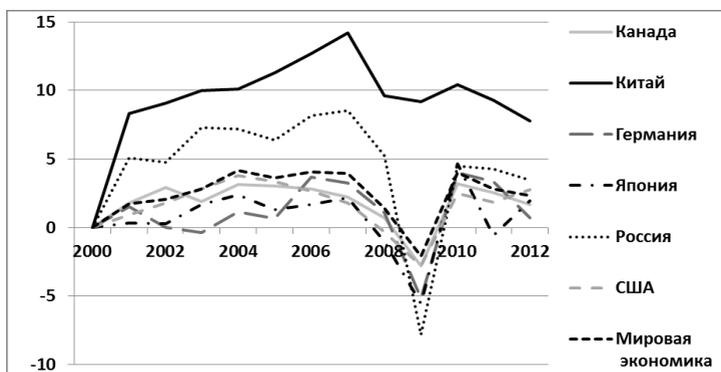

Рис. 1. Рост ВВП, 1990–2012 гг. (в процентах к предыдущему году)

За период с 1990 по 2012 гг. наблюдался устойчивый рост и подушевых показателей Китая. На рис. 2 представлена динамика ВВП и ВВП в расчете на душу населения в постоянных ценах 2005 г., рассчитанных по паритету по-

купательной способности. За рассматриваемый временной интервал ВВП в Китае вырос на 760 %, а подушевой ВВП – на 623 % (рис. 2).

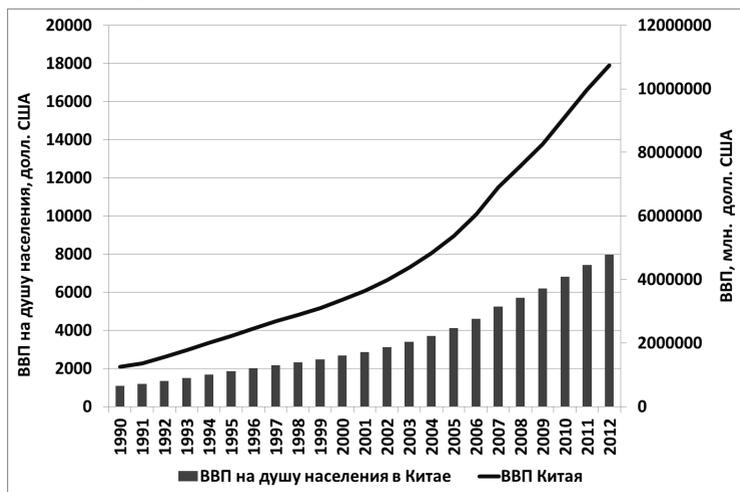

Рис. 2. Динамика ВВП и подушевой ВВП (в постоянных ценах 2005 г. по паритету покупательной способности), 1990–2012 гг.

Для поддержания высоких темпов экономического роста Китай вынужден вовлекать в свою экономику огромное количество ресурсов. Собственных возможностей для удовлетворения растущего спроса со стороны различных отраслей промышленности недостаточно и страна заинтересована в импорте топливно-энергетических, минерально-сырьевых и лесных ресурсов для промышленного производства [2]. Обозначенные тенденции развития Китая в той или иной мере оказывают влияние на характер российско-китайских экономических отношений.

В работах [2– 4] детально исследованы аспекты приграничного сотрудничества сопредельных государств, а также выполнен подробный анализ совместных проектов [2], реализация которых предусмотрена основным страте-

гическим документом межрегионального взаимодействия приграничных субъектов России и Китая [5]. Авторы отмечают наличие следующей негативной тенденции: большая часть сырьевых проектов (направленных преимущественно на добычу минерально-сырьевых и лесных ресурсов) сосредоточена на территории приграничных регионов России (в частности, в Забайкальском крае), в то время как в приграничных регионах Китая (в частности, в провинции Хэйлунцзян) преобладают инициативы, направленные на развитие обрабатывающей промышленности и туристической отрасли.

Таким образом, в контексте развития российско-китайского сотрудничества важным аспектом является анализ динамики вкладов основных видов экономической деятельности в ВВП. Кроме того, необходимо исследовать структуру добавленной стоимости на уровне регионов. В данной работе была изучена структура ВВП Китая и ВРП приграничных с Россией регионов (провинции Хэйлунцзян и Внутренняя Монголия) в разрезе следующих видов экономической деятельности [6]:

- 1) добывающая промышленность;
- 2) обрабатывающая промышленность;
- 3) строительство;
- 4) транспорт, складирование и почтовая связь;
- 5) оптовая и розничная торговля;
- 6) гостиницы и общественное питание;
- 7) финансовые услуги;
- 8) операции с недвижимостью;
- 9) другие услуги.

За период с 2004 по 2012 гг. произошли некоторые изменения в структуре валового внутреннего продукта Китая и существенные трансформации валового регионального продукта приграничных с РФ регионов (рис. 3–5). На национальном уровне зафиксировано сокращение доли до-

бывающей и обрабатывающей промышленностей на 3,3 % и 2,4 % соответственно. Также незначительно снизился вклад видов деятельности «Транспорт, складирование и почтовая связь» (на 1,1 %) и «Гостиницы и общественное питание» (на 0,3 %). Вместе с тем за рассматриваемый временной интервал отмечен рост доли следующих видов экономической деятельности:

- «Строительство» – 1,4 %;
- «Оптовая и розничная торговля» – 1,7 %;
- «Финансовые услуги» – на 2,1 %;
- «Операции с недвижимостью» – 1,2 %;
- «Другие услуги» – 0,6 %.

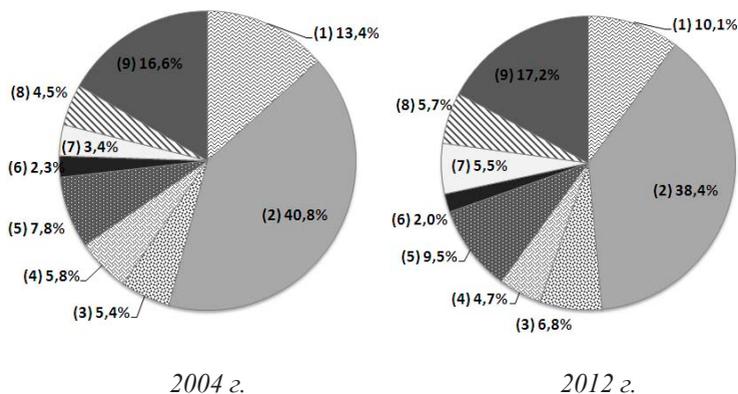

Рис. 3. Структура ВВП Китая

В провинции Хэйлуунцзян наблюдалась тенденция роста доли практически всех видов экономической деятельности (за исключением обрабатывающих производств). Наибольшее увеличение было отмечено для видов экономической деятельности «Добывающая промышленность» (2,6 %), «Финансовые услуги» (2,8 %) и «Оптовая и розничная торговля» (1,7 %). Снижение в структуре добавленной стоимости доли обрабатывающих производств весьма существенно – составило 8,9 %.

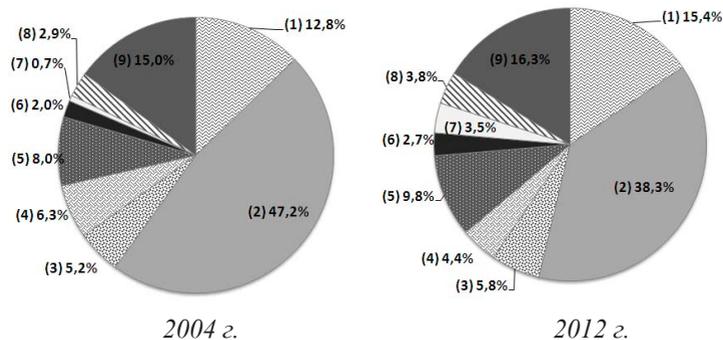

Рис. 4. Структура ВРП провинции Хэйлунцзян

Анализ изменений структурных пропорций добавленной стоимости в провинции Внутренняя Монголия показал наличие следующей позитивной (с точки зрения ослабления сырьевой направленности региональной экономики) тенденции. Наряду с ощутимым снижением доли добывающих производств (почти в 2 раза) существенно выросла доля обрабатывающей промышленности – на 15,3 %. Остальные виды экономической деятельности (за исключением вида «Финансовые услуги») характеризуются незначительным снижением вклада в добавленную стоимость по отношению к 2004 г.

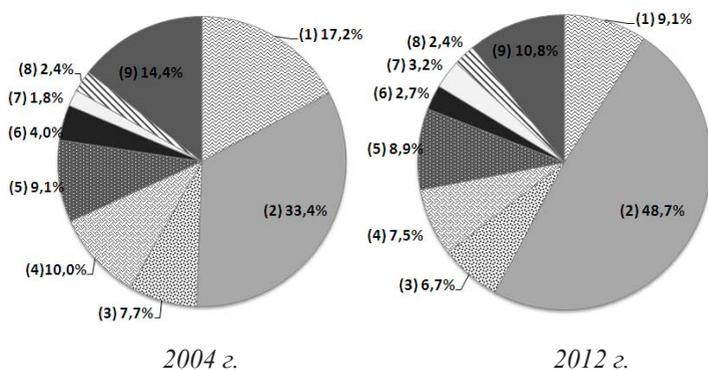

Рис. 5. Структура ВРП провинции Внутренняя Монголия

Таким образом, можно заключить, что усилия со стороны государства, направляемые на развитие высокотехнологичных производств (что в некоторой степени подтверждается результатами анализа изменения структуры основных макроэкономических показателей), наряду с активно реализуемой в последние годы экологической политикой, позволяют Китаю постепенно отказаться от модели преимущественно экстенсивного типа развития экономики [7].

Список литературы

1. The world bank. [офиц. сайт]. URL: <http://databank.worldbank.org/> (дата обращения: 12.01.2015).
2. Глазырина И. П., Забелина И. А., Клевакина Е. А. Экологическая составляющая экономического развития: приграничные регионы России и Китая // ЭКО. 2014. № 6. С. 5–24.
3. Глазырина И. П. Минерально-сырьевой комплекс в экономике Забайкалья: опасные иллюзии и имитация модернизации // ЭКО. 2011. № 1. С. 19–35.
4. Забелина И. А., Клевакина Е. А. Эколого-экономические аспекты природопользования и проблемы приграничного сотрудничества в регионах Сибири // ЭКО. 2011. № 9. С. 155–166.
5. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 годы) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minregion.ru/upload/documents/2010/04/dv-knr-programm.doc> (дата обращения: 01.04.2013).
6. National Bureau of Statistics of China [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/> (дата обращения: 12.01.2015).
7. Клевакина Е. А. Экономический рост и качество окружающей среды в приграничных регионах КНР в контексте экологической кривой Кузнецца // Записки Забайкальского отделения Русского географического общества. 2014. Вып. 133. С. 88–93.

УДК 327

Алексей Александрович Киреев

д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории

Благовещенский государственный

педагогический университет

E-mail: kir-blaga@mail.ru

Развитие стратегического сотрудничества России и Китая на современном этапе

Статья раскрывает основные направления и проблемы стратегического сотрудничества России и Китая в экономической и энергетической сфере на современном этапе. Анализируются последние договоренности и перспектива их воплощения в жизнь

Ключевые слова: российско-китайские отношения, стратегическое сотрудничество, энергетическое сотрудничество, международные отношения.

Alexsey Aleksandrovich Kireev

Doctor of History, Professor of Universal History

Blagoveshchensk State Pedagogical University

E-mail: kir-blaga@mail.ru

The Development of Strategic Cooperation Between Russia and China at the Present Stage

Article reveals major trends and issues of strategic cooperation between Russia and China in the economic and energy cooperation at the present stage. Analyses the recent agreement and their implementation.

Keywords: Russian-Chinese relations, strategic cooperation, energy cooperation, international relations

Российско-китайские отношения вот уже более двадцати пяти лет развиваются успешно. Они включают в себя интенсивные контакты на высшем уровне, торгово-экономические и гуманитарные связи, сотрудничество на международной арене, в том числе в Совете безопасности ООН, совместное участие в международных и региональных организациях (ШОС, БРИКС).

Тем не менее, в этом комплексе взаимоотношений политические контакты превалировали над экономическим сотрудничеством. В торговых отношениях России и КНР

существуют диспропорции. Китай заинтересован в поставках российского сырья (нефть, газ, металлы и др.), а также электроэнергии. В Россию из Китая ввозятся оборудование, продукция легкой промышленности и мн. др. [1]. Такое положение не делает сотрудничество равноценным.

Высказывались серьезные сомнения, что российско-китайское экономическое сотрудничество действительно выгодно и перспективно для российской стороны. Торговые отношения все больше устраивают интересы скорее Китая, чем России [2]. Западные эксперты и вовсе провозглашали превращение России в сырьевой придаток Китая, поскольку она не смогла развить соответствующим образом Дальний Восток, чтобы конкурировать со своим соседом [3]. Эксперты Европейского совета по международным отношениям также определили Китай как «развивающуюся супердержаву, которая во все большей степени рассматривает Россию как младшего партнера» [4].

В 2012 г. Российская Федерация занимала девятое место в списке десяти основных торговых партнеров КНР (в 2011 г. – 10-е место), при этом в отечественном экспорте по прежнему преобладали товары сырьевой группы, доля машинно-технической продукции была незначительна. В структуре импорта из КНР машины и оборудование занимали первое место. Оборот китайско-российской торговли в 2012 г. увеличился на 11,2 % по сравнению с предыдущим годом и составил 88,16 млрд. долл. США [5]. По темпам роста товарооборота Россия заняла пятое место среди основных торговых партнеров КНР (после ЮАР, Вьетнама, Филиппин и Гонконга) [6].

Тем не менее, несмотря на пессимистические замечания, отношения России и КНР продолжают развиваться и укрепляться.

В основе сближения двух стран две вещи: во-первых, огромные выгоды, которые сулит обеим странам наращива-

ние взаимной торговли и реализация совместных проектов в области транспорта и энергетики, а во-вторых, необходимость совместного противодействия внешней политике США и американской претензии на мировую гегемонию.

В Китае активность Запада прочно увязывается с памятью об опиумных войнах и их последствиями для страны. Не способствуют хорошим отношениям китайцев с Западом поддержка отдельными странами тибетского и уйгурского сепаратизма, а также попытки организовать цветную революцию в Китае, как это было в 1989 г. на площади Тяньаньмэнь в Пекине и в 2014 г. в Гонконге. На таком фоне имеющиеся между Россией и Китаем исторические противоречия теряют своё значение.

В начале 2014 г. официальные представители КНР заявили, что их страна собирается проводить «стратегически активную политику» продвижения в мире. Изложению основ этой политики была посвящена речь министра иностранных дел Китая Ван И «Новые этапы развития Китая – новые шансы для всего мира» на Всемирном экономическом форуме в Давосе [7].

Первой страной, которую собирался посетить с визитом председатель КНР Си Цзиньпин в 2014 г., была Россия [8]. Лидер Китая принял участие в церемонии открытия XXII зимних Олимпийских игр в Сочи 7 февраля. Это еще одно подтверждение того особого внимания, которое Пекин продолжает уделять отношениям с Москвой.

Китайцы считают Россию своим главным союзником и партнёром, а российский президент Владимир Путин является самым популярным иностранным политиком в Китае. Характерно, что на саммите АТЭС-2014 в Пекине праздничный стол, за которым собрались лидеры тихоокеанских стран, был украшен в цвета флага России — это явно показывало, кто для китайцев главный гость. На предыдущем саммите АТЭС-2013, проходившем на индонезийском

острове Бали, Китайский лидер Си Цзиньпин специально запланировал встречу с Путиным в день его рождения, который они отметили праздничным ужином.

В ходе развития украинского кризиса Китай долгое время молчаливо поддерживал действия России. 21 ноября 2014 года МИД КНР прямо заявил, что Китай поддерживает подход России к урегулированию украинского кризиса. Официальная позиция прозвучала так: Китай выступает против провозглашения независимости каких-либо народностей путём референдумов, однако это не относится к воссоединению Крыма с Россией ввиду особой истории Крыма [9]. С учётом наличия у Китая проблем с сепаратизмом Тибета и иных национальных вопросов, китайцы высказали самую большую поддержку России, какую могли.

20 мая 2014 г. состоялся государственный визит президента РФ В. В. Путина в КНР. В ходе переговоров между делегациями был подписан целый ряд стратегических соглашений (всего 46 документов) о сотрудничестве между Россией и Китаем. Наиболее значимыми являлись: Соглашение о стратегическом сотрудничестве российских и китайских железных дорог; Соглашение о сотрудничестве по вопросу использования национальных валют; Соглашение о создании российско-китайского широкофюзеляжного дальнемагистрального самолёта; Меморандум о совместном строительстве нового моста через Амур; Контракт купли-продажи сжиженного газа в рамках проекта «Ямал СПГ» между ОАО «НОВАТЭК» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC); Соглашения о реализации ряда инвестиционных проектов с участием Китая на Дальнем Востоке; Соглашения о совместных проектах и сотрудничестве в сфере машиностроения, химической промышленности и строительства инфраструктуры [10].

Китай заявил о готовности обнулить импортные пошлины на российский газ, а Россия – обнулить налог на добычу полезных ископаемых для газовых месторождений,

которые будут поставлять газ в КНР. Россия и Китай также договорились теснее координировать свои внешнеполитические шаги.

Однако главным событием этого визита стало подписание контракта на крупнейшую поставку газа. 21 мая 2014 г. российский «Газпром» и Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) заключили тридцатилетний договор на поставку газа – контракт предусматривает поставку до 38 млрд м³ газа в год с общей ценой 400 млрд долл. за 30 лет. Точная цена на газ не была названа, но известно, что она превышает 350 долл. за тысячу кубометров [11]. Контракт является крупнейшим за всю историю газовой отрасли СССР и России, и, по-видимому, крупнейшим соглашением о поставках газа за всю историю мировой газовой промышленности.

По словам главы Газпрома Алексея Миллера, Россия и Китай после подписания контракта по восточному маршруту начнут переговоры по западному маршруту. А это напрямую касается тех месторождений, с которых ведутся поставки газа в Европу. Таким образом, Россия также ищет пути диверсификации продажи своего сырья. Освоение альтернативного Европе китайского рынка (потенциально превышающего европейский) создаёт ситуацию, в которой, с одной стороны, Россия сохраняет влияние на Европу как крупнейший экспортёр газа (ключевого энергоресурса для половины европейских стран), а с другой стороны, Россия снижает свою собственную зависимость от европейского рынка [12].

В этой связи Президент России Владимир Путин заявил, что российско-китайский энергетический альянс станет опорой всего Азиатско-Тихоокеанского региона [13].

Особенностью контракта является, во-первых, то, что контракт рассчитан на 30 лет, тогда как Евросоюз пытается заставить Газпром отказаться от «кабальных» долго-

срочных контрактов и перейти на спотовый рынок (рынок точечных поставок), который подвержен манипуляциям со стороны западных энергетических компаний.

Во-вторых, контракт заключён по принципу «бери или плати», который европейцы также пытаются отменить в своём взаимодействии с Газпромом.

В-третьих, цена на поставку газа привязана к ценам на корзину нефтепродуктов – ещё один принцип, от которого ЕС пытается избавиться.

Еще одним знаковым событием российско-китайских отношений стали Московские соглашения. Они были подписаны в ходе визита в Россию с 12 по 14 октября премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна, который принял участие в 19-й регулярной встрече глав правительств двух стран.

Согласно подписанным соглашениям Китай обязался предоставить финансирование попавшим из-за украинского кризиса под западные санкции российским банкам. Тем самым Китай не просто отказался поддержать антироссийские санкции, но и недвусмысленно заявил, что поможет России справиться с ними.

Россия и Китай договорились осуществить валютный своп между своими центробанками на 150 млрд юаней (25 млрд долл.), теперь будет легче выдавливать доллар из взаимных расчётов (особенно из расчётов за энергоресурсы) [14].

«Роснефть» и китайская CNPC начали переговоры по поводу поставок сжиженного природного газа в Китай с месторождений проекта «Сахалин-1», для этого к 2018–2019 гг. в России планируется построить завод по сжижению газа мощностью в 5 млн т в год.

Кроме этого, Китай обязался предоставить кредит в 25 млрд долл. для развития месторождений углеводородов и для строительства газопровода «Сила Сибири»

Эти соглашения стали логичным продолжением договоренностей, заключенных в мае текущего года. Они сим-

волизировали выход российско-китайских отношений на новую высоту взаимовыгодного сотрудничества. Значимым является то, что это произошло в момент политического кризиса между Россией и Западом, а также что соглашения имеют долгосрочный характер.

Список литературы

1. Структура российского экспорта в Китай и китайского экспорта в Россию в 2013 году [Электронный ресурс]. Бизнес-журнал. № 6. 2014. URL: <http://b-mag.ru/2014/kitayskaya-gramota/kradushhiysya-medved-zataivshijsya-dragon/> (дата обращения: 15.01.2015).
2. Храмчин А. Специфика партнерства. О некоторых аспектах российско-китайских экономических отношений [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. 25.11.2008. URL: http://www.chaskor.ru/article/spetsifika_partnerstva_1297 (дата обращения: 15.01.2015).
3. Blank S. J. Toward a New Chinese Order in Asia: Russia's Failure [Электронный ресурс] // The national bureau of Asian research, march 2011. URL: <http://www.nbr.org/publications/4> (дата обращения: 15.01.2015).
4. Артемьев А. Брежневизация вместо модернизации. Европейские эксперты исключили Россию из списка быстроразвивающихся стран [Электронный ресурс] // Газета.ru, 03.12.2011. URL: <http://www.gazeta.ru/politics/2011/12/02> (дата обращения: 15.01.2015).
5. Главное таможенное управление КНР: Объем китайско-российской торговли в 2012 г. достиг 88 млрд. долларов США. 12.01.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/>(дата обращения: 15.01.2015).
6. Смена лидера. Китай обошел США по важнейшему экономическому показателю [Электронный ресурс] // Взгляд. 11.02.2013. URL: <http://www.vz.ru/economy/2013/2/11/619758.html> (дата обращения: 15.01.2015).
7. 2014 diplomatic strategy outlined at Davos [Электронный ресурс] // CHINADAILY Europe. 26.01.2014. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/china/2014-01/26/content_17258499.htm (дата обращения: 15.01.2015).
8. Си Цзиньпин примет участие в церемонии открытия Олимпиады в Сочи [Электронный ресурс] // GBTIMES BEIJING. 20.01.2014. URL: <http://ru.gbtimes.com/novosti/si-czinpın-budet-prisutstvovat-na-ceremonii-otkrytiya-olimpiady-v-sochi> (дата обращения: 15.01.2015).
9. МИД КНР: Китай поддерживает подход России к урегулированию украинского кризиса [Электронный ресурс] // ТАСС. Информационное агентство России. 21.11.2014. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama> (дата обращения: 15.01.2015).

10. Документы, подписанные в рамках официального визита Президента Российской Федерации В. В. Путина в Китайскую Народную Республику [Электронный ресурс] // Президент России. 20.05.2014. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1643 (дата обращения: 15.01.2015).

11. Газпром и CNPC подписали контракт на поставку газа в Китай [Электронный ресурс] // ТАСС. Информационное агентство России. 21.05.2014. URL: <http://itar-tass.com/ekonomika> (дата обращения: 15.01.2015).

12. Миллер: Соглашение с Китаем повлияет на цены на газовом рынке [Электронный ресурс] // RUSEVIK.RU. 23.05.2014. URL: <http://rusevik.ru/ekonomika/84772-miller-soglashenie-s-kitaem-povliyaet-naceny-na-gazovom-gynke.html> (дата обращения: 15.01.2015).

13. Владимир Путин: Россия и Китай будут увеличивать долю национальной валюты в двусторонней торговле. 26.05.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn> (дата обращения: 15.01.2015).

14. Визит Ли Кэцзяна успешен, но новые соглашения предстоит реализовать [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ, 15.10.2014. URL: <http://ria.ru/moscow/20141015> (дата обращения: 15.01.2015).

УДК 332.12

Екатерина Александровна Клевакина

канд. экон. наук, научный сотрудник, доцент

Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН

Забайкальский государственный университет

E-mail: bedew@yandex.ru

Оценка динамики производства ВРП приграничных регионов в контексте общенациональных трендов*

Статья акцентирует своё внимание на структуре валового регионального продукта в приграничных с КНР регионах РФ и её динамике в контексте развития приграничного сотрудничества. Установлено, что в приграничных регионах наблюдается рост доли добывающих отраслей в структуре ВРП, в то время как вклад обрабатывающих отраслей снижается. В восточных регионах по-прежнему наблюдается отставание в социально-экономическом развитии от общероссийского уровня.

Ключевые слова: приграничные регионы, ВРП, КНР, отраслевая специализация.

* Работа выполнена при поддержке Проекта СО РАН IX.88.1.6.

Ekaterina Alexandrovna Klevakina

Candidate of Economic Sciences Reseacher, Assistant Professor

INREC SB RAS, ZabGU

E-mail: bedew@yandex.ru

Estimation of GRDP Trends in Transboundary Regions in Context of National Tendencies

Paper considers structure of GRDP in transboundary regions which situated near China and its dynamics in the context of transboundary cooperation development. As result, author concluded that share of mining sector in GRDP structure increased and share of industry decreased in transboundary regions during last years. The eastern regions demonstrate lag in the socio-economic development from national level.

Keywords: transboundary regions, GDP, China, industrial structure.

В настоящее время к основным программным и стратегическим документам социально-экономического развития регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, занимающих приграничное с КНР положение, относятся:

- Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г. [1];
- Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. [2];
- Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. [3].

В стратегических документах определены цели достижения среднероссийского уровня социально-экономического развития в обозначенных регионах, опирающиеся на ускоренный рост экономического потенциала этих территорий. На рис. 1 представлена динамика ВРП в приграничных с КНР регионах, в большинстве из которых скорость экономического роста ниже, чем по стране в целом. При этом в посткризисный период (с 2009 г.) показатели в Забайкальском и Приморском краях незначительно, но все же превысили национальные.

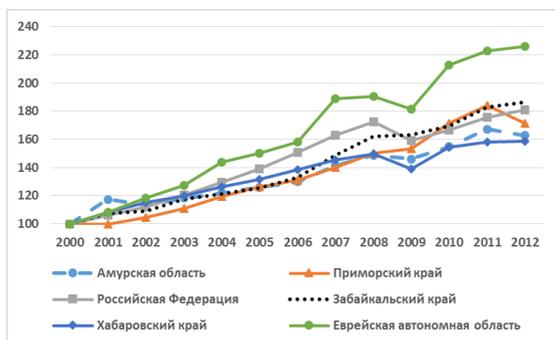
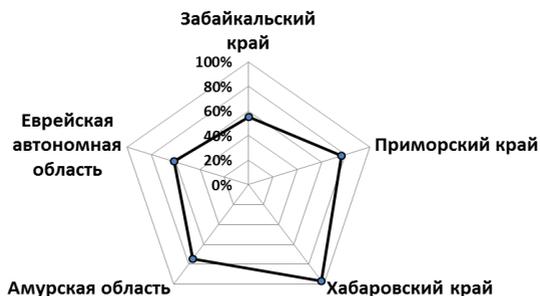
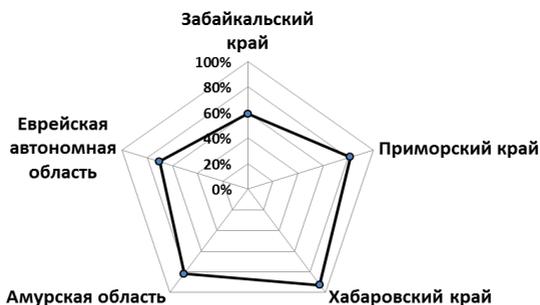

Рис. 1. Динамика ВРП в приграничных с КНР регионах, 2000–2012 гг. (100 % – уровень 2000 г.) [4]

Восточные регионы по-прежнему отстают в экономическом отношении от общероссийского уровня, при этом наибольшее отставание наблюдается в Забайкальском крае и Еврейской автономной области (рис. 2 б). Обозначенная ситуация почти не изменилась с 2004 г. (рис. 2а).

а) 2004 г

б) 2012 г.

Рис. 2. ВРП на душу населения в регионах, граничащих с КНР, по отношению к средней величине в РФ за 2012 г., % [5]

Рассмотрим, какие изменения произошли в отраслевой структуре ВВП страны за последнее время (табл. 1). С 2004 г. сократилась доля сельского хозяйства и базовых отраслей экономики, при этом наименьшее сокращение наблюдается для вида деятельности «Добыча полезных ископаемых», наибольшее (на 15 %) – для вида деятельности «Обрабатывающие производства». Произошедшие изменения в целом не согласуются с целями развития сильной диверсифицированной и инновационной экономики.

Таблица 1

Отраслевая структура ВВП России, % [6]

Виды экономической деятельности	2004	2012	Тенденция
Раздел А «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство»	6,0	4,2	↘
Раздел С «Добыча полезных ископаемых»	11,3	11,2	↘
Раздел Д «Обрабатывающие производства»	20,4	17,3	↘
Раздел Е «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды»	4,2	3,8	↘
Раздел I «Транспорт и связь»	10,9	10,4	↘

Рассмотрим, какие изменения произошли в отраслевой структуре основных секторов экономики приграничных с Китаем регионов СФО (табл. 2) и ДФО (табл. 3) за последнее время.

Таблица 2

Отраслевая структура ВРП Забайкальского края, % [7]

<i>Виды экономической деятельности</i>	<i>2004</i>	<i>2012</i>	<i>Тенденция</i>
Раздел А «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство»	7,4	5,5	↘
Раздел С «Добыча полезных ископаемых»	7,2	9,1	↗
Раздел D «Обрабатывающие производства»	3,3	6,0	↗
Раздел E «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды»	4,8	2,6	↘
Раздел I «Транспорт и связь»	28,0	23,7	↘

Из сибирских регионов, соседствующих с промышленно-развитыми регионами КНР, которые могут оказывать потенциальное влияние на экономику субъектов другого государства, граничит Забайкальский край. Отличительной особенностью экономической ситуации в регионе является рост доли вида деятельности «Добыча полезных ископаемых» (на 26 %), а также наметившийся с 2011 г. рост доли обрабатывающих производств, в остальном тенденции соответствуют положению в стране. Рост вклада добычи полезных ископаемых в ВРП края был обусловлен нарастанием объемов добычи золота (на 15 % за рассматриваемый временной интервал) и топливно-энергетических полезных ископаемых. Так, только в 2011 г. добыча угля в регионе возросла на 19,7 %, а производство концентрата каменного угля - в 1,9 раза по отношению к предыдущему году [8].

Во всех приграничных регионах Дальнего Востока также сократилась доля вида деятельности «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство», что особенно заметно в Амурской области и Еврейской автономной области. Также

во всех регионах сократилась доля обрабатывающих производств. Максимальное сокращение вклада обрабатывающих производств в ВРП наблюдалось в Хабаровском крае, где показатель снизился с 17,3 % в 2004 г. до 8,0 % в 2012 г., и в Еврейской автономной области, где показатель снизился с 9,6 % в 2004 г. до 4,8 % в 2012 г., то есть произошло сокращение добавленной стоимости данного вида деятельности в ВРП почти в два раза. В структуре добавленной стоимости Амурской области и Хабаровского края значительно увеличилась доля добывающего сектора: в 3,1 раза и 1,15 раза соответственно, благодаря чему в Амурской области этот вид деятельности занимает второе место в региональной специализации после услуг транспорта и связи.

Таблица 3

Отраслевая структура ВРП приграничных (с КНР) регионов, %

<i>Виды экономической деятельности</i>	<i>2004</i>	<i>2012</i>	<i>Тенденция</i>
Приморский край			
Раздел А «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство»	5,1	4,2	↘
Раздел С «Добыча полезных ископаемых»	1,4	1,2	↘
Раздел Д «Обрабатывающие производства»	10,0	8,8	↘
Раздел Е «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды»	5,8	3,7	↘
Раздел I «Транспорт и связь»	20,5	20,1	↘
Хабаровский край			
Раздел А «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство»	8,6	6	↘
Раздел С «Добыча полезных ископаемых»	5,7	6,6	↗
Раздел Д «Обрабатывающие производства»	17,3	8	↘
Раздел Е «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды»	5,1	4,7	↘
Раздел I «Транспорт и связь»	17,8	18,7	↗
Амурская область			
Раздел А «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство»	10,1	6,3	↘

Окончание табл. 3

<i>Виды экономической деятельности</i>	<i>2004</i>	<i>2012</i>	<i>Тенденция</i>
Раздел С «Добыча полезных ископаемых»	4,6	14,6	↗
Раздел Д «Обрабатывающие производства»	5,6	3,5	↘
Раздел Е «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды»	10,7	5,1	↘
Раздел I «Транспорт и связь»	25,2	21,7	↘
Еврейская АО			
Раздел А «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство»	14,5	8,9	↘
Раздел С «Добыча полезных ископаемых»	0,6	0,5	↘
Раздел Д «Обрабатывающие производства»	9,6	4,8	↘
Раздел Е «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды»	1,8	4,3	↗
Раздел I «Транспорт и связь»	28,5	15,8	↘

Неизменным за рассматриваемый период для всех регионов является лидирующая позиция вида деятельности «Транспорт и связь» в структуре региональной специализации. Также, несмотря на ввод в действие новых мощностей, почти во всех дальневосточных регионах и Забайкальском крае сократилась доля вида деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды». При этом развитию энергетики в программных и стратегических документах в связи с реализацией проектов приграничного сотрудничества уделяется достаточно большое внимание [9].

Таким образом, действующие на сегодняшний день цели реализации программ и стратегий в отношении социально-экономического развития регионов, входящих в состав Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, не согласуются с достигнутыми результатами. В соответствии с программными документами важными направлениями реализации приграничного сотрудничества являются сокращение экспорта необработанного природного сырья и диверсификация региональной экономики, но трансграничное сотрудничество, обозначенное в

«Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона» в качестве одного из основных путей достижения социально-экономического подъема в регионах [10], активно развивается в отношении освоения богатейшего природно-ресурсного потенциала территории, о чем свидетельствует подъем добывающего сектора экономики приграничных регионов. В частности, в Забайкальском крае, в настоящее время осуществляются совместные проекты преимущественно по освоению природно-ресурсного потенциала, а большинство инвестиционных проектов, заявленных в программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. [11], связано с добычей и первичной обработкой минерально-сырьевых ресурсов, более глубокая переработка которых запланирована на территории сопредельного государства [12]. Развитию же инфраструктуры, сферы услуг, а также производств, которые создают более высокую добавленную стоимость в регионе, не уделяется должного внимания.

Список литературы

1. Сибирский Федеральный Округ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php> (дата обращения: 12.01.2015).
2. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.minregion.ru/upload/02_dtp/strategies/dv-bajkal/text.rar (дата обращения: 12.01.2015).
3. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009 - 2018 годы) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minregion.ru/upload/documents/2010/04/dv-knr-programm.doc> (дата обращения: 12.01.2015).
4. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/din98-12.xls (дата обращения: 12.01.2015).
5. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/dusha98-12.xls (дата обращения: 12.01.2015).

6. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/otr-stru12.xls (дата обращения: 12.01.2015).
7. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/otr-stru12.xls (дата обращения: 12.01.2015).
8. Мониторинг социально экономического положения ЗК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.забайкальскийкрай.рф/economics/macro.html> (дата обращения: 12.01.2015).
9. Малышев Е. А., Забелина И. А., Подойницын Р. Г. Прогноз развития энергосистемы Забайкальского края в связи с реализацией инвестиционных проектов // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 9 (76). С. 9–15.
10. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.minregion.ru/upload/02_dtp/strategies/dv-bajkal/text.gar (дата обращения: 12.01.2015).
11. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 годы) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minregion.ru/upload/documents/2010/04/dv-knr-programm.doc> (дата обращения: 12.01.2015).
12. Глазырина И. П. Минерально-сырьевой комплекс в экономике Забайкалья: опасные иллюзии и имитация модернизации // ЭКО. 2011. № 1. С. 19–35.

УДК 339.9 (510)

Татьяна Владимировна Колпакова

*канд. филос. наук, доцент кафедры востоковедения
Забайкальский государственный университет*

E-mail: tataktv@mail.ru

Роль и место китайских инвестиций в экономическом развитии Байкальского региона РФ*

В статье представлен анализ роли и места китайских инвестиций в социально-экономическом развитии Байкальского региона России. Отмечается, что регион характеризуется пониженной инвестиционной привлекательностью, что обусловлено следующими факторами: высокий уровень инвестиционного риска, коррупция, бюрократическая составля-

* Работа подготовлена в рамках научного исследования, поддержанного Советом по грантам Президента РФ МК-4300.2014.6

ющая, высокие кредитные и налоговые ставки, значительный уровень экономической преступности, отсутствие быстро реализуемых инвестиционных проектов, низкий уровень социально-экономического развития региона. При этом среди субъектов Байкальского региона наиболее благоприятный инвестиционный климат сформирован в Иркутской области, гораздо хуже ситуация в Республике Бурятия, самые низкие показатели демонстрирует Забайкальский край. В заключение делается вывод о том, что в настоящее время роль китайских инвестиций в экономическом развитии Байкальского региона является незначительной, однако развитие инвестиционного сотрудничества между Байкальским регионом и КНР, увеличение объемов китайских инвестиций будут иметь решающее значение для его будущего развития.

Ключевые слова: инвестиции, Байкальский регион, Китай, российско-китайское сотрудничество, инвестиционная привлекательность, социально-экономическое развитие.

Tatiana Vladimirovna Kolpakova
PhD (Philosophy Sciences),
Associate Professor of Oriental Studies Department
Transbaikal State University
E-mail: tataktv@mail.ru

Role and Place of Chinese Investment in Economic Development of Baikal Region of Russia

The paper presents an analysis of the role and place of Chinese investment in the social-economic development of Baikal region of Russia. It is noted that the region is characterized by low investment attractiveness due to the following factors: high level of investment risk, corruption, bureaucratic component, high credit and tax rates, significant level of economic crime, the lack of readily achievable investment projects, low level of socio-economic development of the region. Moreover, among the subjects of Baikal region the most favorable investment climate formed in the Irkutsk region, much worse situation in the Republic of Buryatia, Transbaikal region demonstrates the lowest position. It concludes that currently the role of Chinese investment in the economic development of Baikal region is negligible, but the development of investment cooperation between China and Baikal region, the increase of Chinese investments will be crucial for its future development.

Keywords: investment, Baikal region, China, Russian-Chinese cooperation, investment attraction, social and economic development.

В современных условиях трансформации мирового порядка, сопровождающегося обострением противоречий между Российской Федерацией и западными партнерами, происходит усиление международной конкуренции. Как развитые, так и развивающиеся государства конкурируют в сферах освоения природных ресурсов, расширения рынков сбыта и, конечно же, в сфере привлечения финансовых ресурсов. Для большинства стран мира одной из наиболее актуальных задач сегодня является привлечение в национальную экономику прямых иностранных инвестиций, а также их эффективное использование. Более того, данная задача включена в число стратегических направлений экономической политики любого современного государства.

Одним из мировых лидеров по привлечению прямых иностранных инвестиций сегодня является Китай (второе место в мире после США, без учета инвестиций в САР Гонконг), эффективная инвестиционная политика которого стала одним из определяющих факторов беспрецедентного экономического развития страны на протяжении последних 30 лет. Однако в настоящее время в Китае наблюдается тенденция к снижению объемов иностранных инвестиций, поступающих в страну, и росту исходящих прямых инвестиций, объем которых на конец сентября 2014 г., по данным газеты Financial Times, вырос на 26 %, в сравнении с аналогичным периодом 2013 г., таким образом, по итогам 2014 г. данный показатель впервые превысил объем поступивших в Китай иностранных инвестиций [1].

Стремительный рост внешних китайских инвестиций в течение последних десяти лет (2002 г. – 2,7 млрд долл. США, 2013 г. – 108 млрд долл. США) обусловлен такими факторами, как: необходимость обмена накопленной огромной массы долларов и евро на материальные активы ввиду опасений за экономику США и Европы; курс на интернационализацию юаня; стремление Китая сккупить доли

в энергокомпаниях по всему миру, чтобы получить доступ к нефти, газу и даже углю; борьба за рынки сбыта в странах с высокими требованиями к уровням локализации производства [2].

Практика реализации Китаем инвестиционной политики представляет собой большой интерес и для России. Во-первых, речь идет о заимствовании китайского опыта по привлечению иностранного капитала в страну, а, во-вторых, об увеличении объема собственно китайских инвестиций в российскую экономику.

Несмотря на то, что по данным ЮНКТАД (конференция ООН по торговле и развитию), опубликованным в «World Investment Report» 2014, по объему поступивших прямых иностранных инвестиций по итогам 2012 и 2013 гг. Россия заняла третье место в мире (2012 г. – 79 млрд долл. США, 2013 г. – 51 млрд долл. США) [3], в 2014 г. этот показатель снизился в два раза. За три квартала 2014 г. объем прямых иностранных инвестиций в Россию составил всего 21,2 млрд долл. США, приблизившись к минимуму 2005 г. (18,4 млрд долл. США за три квартала) [4]. Основными негативными факторами, обусловившими снижение объемов поступления в российскую экономику зарубежного капитала, стали:

- общая тенденция снижения объемов инвестиций в связи с завершением ряда крупных инвестиционных проектов;
- высокий уровень коррупции и нецелевое использование средств;
- сложность ведения бизнеса, что обусловлено низкой защищенностью инвесторов, высокими кредитными и налоговыми ставками, противоречивостью и большим количеством законодательных актов, высоким уровнем экономической преступности и др.;
- антироссийские санкции США и ЕС, оказавшие наибольший отрицательный эффект.

В данных условиях вполне закономерным становится усиление азиатского вектора российской внешней политики. Особо значимым при этом является дальнейшее укрепление стратегического партнерства со стремительно развивающимся и укрепляющим свои позиции на международной арене Китаем. Подписание в мае 2014 г. целого ряда экономических соглашений и меморандумов выводит Россию и Китай на новый этап всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия.

Однако, несмотря на положительную динамику развития российско-китайских отношений, сотрудничество в сфере инвестиций на сегодняшний день развито слабо. Данный факт может быть подтвержден следующими цифрами. В случае реализации оптимистичного сценария инвестиционного сотрудничества России и Китая, к 2020 г. объем китайских прямых инвестиций в российскую экономику составит 12 млрд долл. США. При этом предполагаемый объем всех внешних инвестиций Пекина на 2014 г. составлял порядка 500 млрд долл. США, то есть в случае реализации прогноза уже в 2014 г. доля РФ в совокупной инвестиционной активности КНР составила бы всего 2,5 %. Кроме того, важно подчеркнуть, что более 90 % поступающего в Россию китайского капитала – это кредиты отечественным энергокомпаниям («Роснефть», «Транснефть») в обмен на строительство нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», тогда как число крупных несырьевых инвестиционных проектов очень невелико.

По мнению китайских экспертов, для увеличения объемов инвестиций в Россию необходимо «повысить прозрачность экономического законодательства и улучшить инвестиционный климат для китайского капитала». Кроме того, в качестве причины низкой инвестиционной активности Пекина в России часто называют недоверие российских

компаний и региональных властей китайским инвесторам и сравнительно небольшое число их попыток привлечь финансовые средства из КНР [5].

При этом Китай заявляет, что при общем улучшении инвестиционного климата он заинтересован во вложении капитала в реализуемые на территории России проекты. Так, по словам исполнительного директора Китайской инвестиционной корпорации Дин Сюэдуна, Китай намерен ускорить темпы инвестиций в российскую экономику. Прежде всего, Пекин заинтересован во вложении средств в сельское хозяйство, в сферу высоких технологий, в производство лекарств и т. д. Кроме того, весьма перспективными китайской стороне представляются сфера инфраструктуры, создание технопарков и промышленных парков в России [6].

При общем ухудшении инвестиционного климата в России на фоне санкций, введенных США и ЕС, еще менее оптимистичной представляется ситуация в области распределения прямых иностранных инвестиций по регионам. Лидерами рейтинга инвестиционной привлекательности регионов РФ 2014 г. являются Москва и Санкт-Петербург, еще 8 регионов обладают высокой инвестиционной привлекательностью, это такие регионы, как Ленинградская и Московская области, Сахалинская и Тюменская области, Республика Татарстан, Красноярский край, Самарская и Белгородская области. Однако больше половины всех российских регионов по своей инвестиционной привлекательности занимают позицию ниже среднероссийского уровня. К числу последних относится и Байкальский регион, в состав которого входят Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край.

С точки зрения стратегической значимости, Байкальский регион, будучи частью российско-китайского трансграничья, имеет большое значение для устойчивого социально-экономического развития России, для реа-

лизации ее геополитических интересов, обеспечения национальной безопасности, привлечения и закрепления на данной территории национальных и транснациональных корпораций, для продвижения своих интересов на международной арене и т. д. [7].

Байкальский регион обладает многими конкурентными преимуществами, необходимыми для всестороннего поступательного развития: выгодное географическое и геополитическое положение; богатые запасы ценных и стратегически значимых природных ресурсов; уникальные рекреационные ресурсы; выгодное транспортно-географическое положение. Однако, несмотря на все преимущества, регион характеризуется неэффективной структурой экономики; низким уровнем социально-экономического развития; слабо развитыми связями с внутренним национальным и внешним рынками. Совокупность всех перечисленных факторов обуславливает крайне низкую инвестиционную привлекательность региона.

По результатам рейтинга инвестиционной привлекательности регионов 2013 г., Иркутской области присвоен рейтинг 2В («средний потенциал – умеренный риск»). Среди субъектов РФ по инвестиционному риску регион занимает 29-е место, по инвестиционному потенциалу – 17-е место. Наименьший инвестиционный риск – финансовый, наибольший – экологический. Наибольший потенциал – природно-ресурсный. Республике Бурятия присвоен рейтинг 3В1 («пониженный потенциал – умеренный риск»). В рейтинге субъектов Российской Федерации по инвестиционному риску Республика Бурятия занимает 67-е место, по инвестиционному потенциалу – 49-е место. Наименьший инвестиционный риск – экономический, наибольший – социальный. Наибольший потенциал – природно-ресурсный. Забайкальскому краю присвоен рейтинг 3С1 («пониженный потенциал – высокий риск»). По инвестиционному риску край занимает 72-е место, по инвестиционному по-

тенциалу – 51-е место. Наименьший инвестиционный риск – управленческий, наибольший – криминальный. Наибольший потенциал – природно-ресурсный [8].

Таким образом, из трех субъектов, входящих в состав Байкальского региона, наиболее благоприятный инвестиционный климат сформирован в Иркутской области. За 2013 г. в регион из-за рубежа поступили инвестиции в объеме 169 млн долл. США, что составило 72,9 % к 2012 г. [9]. Китай вместе с США и Японией являются основными зарубежными инвесторами, на долю которых приходится более 60 % всего внешнеторгового оборота области. При этом, по данным Рэнкинга регионов России, по объему накопленных прямых иностранных инвестиций в расчете на душу населения доля Китая в прямых иностранных инвестициях в Иркутскую область в 2013 г. составила 59,84 % [10]. Однако даже в Иркутской области, характеризующейся сравнительно благоприятным инвестиционным климатом, уровень инвестиционного сотрудничества с КНР оценивается как весьма незначительный, особенно в сравнении с объемами инвестиций, которые ежегодно Китай вкладывает в другие регионы мира. Основными видами деятельности компаний-инвесторов являются мелкооптовая торговля, сфера услуг, лесозаготовка и производство лесоматериалов, строительство, разработка и добыча полезных ископаемых, ресторанный бизнес.

Во время презентации Иркутской области, проходившей 27 ноября 2014 г. в Пекине, были обозначены следующие перспективные направления развития инвестиционного сотрудничества:

- создание российско-китайских транспортных коридоров и усиление сотрудничества в области воздушных перевозок;
- создание транспортно-логистических комплексов международного уровня на территории Иркутской области в системе развития российско-китайских грузоперевозок;

- создание высокотехнологичных предприятий машиностроения;
- развитие туризма;
- энергетические и инфраструктурные проекты.

В рамках презентации китайским инвесторам также был представлен ряд наиболее интересных в плане вложения средств проектов. Это проекты, планируемые к реализации в рамках создания машиностроительного, нефтегазохимического и фармацевтического кластеров, в частности, по созданию газохимического комплекса, развитию медицинского туризма, созданию Российско-Китайского научно-исследовательского института в Иркутске [11].

Что касается Республики Бурятия, то согласно рейтингу инвестиционной привлекательности, ее позиция значительно уступает Иркутской области, но все же несколько лучше, чем у Забайкальского края. В целом республика характеризуется пониженным инвестиционным потенциалом, занимая лишь 49-ю позицию в общероссийском рейтинге. При этом основным инвестором Бурятии в 2013 г. стала Япония, на долю которой пришлось 95,71 % всех иностранных инвестиций в республику [12].

Несмотря на географическую близость и сравнительно высокие показатели внешнеторгового взаимодействия с КНР (53,5 % всего внешнеторгового оборота в 2013 г.), инвестиционное сотрудничество с Поднебесной развито крайне слабо. Так, в 2013 г. объем китайских инвестиций, поступивших в Бурятию, составил лишь 3,6 млн долл. США, при этом основными направлениями инвестиций стали строительство и обрабатывающие производства. По данным на конец 2013 г. на территории республики было зарегистрировано всего 19 предприятий с участием уставного китайского капитала [13]. Основой сотрудничества является Соглашение между правительствами регионов РФ и КНР о торгово-экономическом, научно-техническом и культур-

ном сотрудничестве. В сотрудничестве с Китаем у Бурятии имеются огромные потенциальные возможности. В первую очередь, это связано с привлечением китайских инвестиций в строительство объектов туристской инфраструктуры особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Байкальская гавань» и в создание совместных предприятий по жилищному строительству, глубокой переработке древесины, продукции сельского хозяйства [14].

В настоящее время для Бурятии особое значение приобретают разработка и реализация эффективных мер, направленных на повышение инвестиционной привлекательности региона и, соответственно, на увеличение объемов прямых иностранных инвестиций, в том числе и китайских, что в свою очередь позволит ускорить темпы социально-экономического развития республики в целом. По словам главы республики В. Ноговицына, приоритетными направлениями развития региона являются: добыча и переработка полезных ископаемых; агропромышленный комплекс; лесопромышленный комплекс; туризм; малый бизнес и крупная промышленность; транспортно-логистический комплекс. Для привлечения средств в обозначенные отрасли сегодня в республике разрабатывается нормативно-правовое обеспечение инвестиционной деятельности, гарантирующее защиту инвестиций, государственную поддержку реализации инвестиционных проектов, налоговые льготы для инвесторов. С мая 2009 г. на территории Бурятии действует закон «О господдержке инвестиционной деятельности в Бурятии», определяющий формы государственной поддержки инвесторов, в том числе и нефинансовые.

С точки зрения преимуществ геоэкономического положения, Забайкальский край, непосредственно граничащий с Китайской Народной Республикой, потенциально является наиболее перспективным субъектом Байкальского региона в плане привлечения иностранных, прежде всего китайских, инвестиций. Однако низкий уровень социаль-

но-экономического развития, слабая заселенность края, отсутствие необходимой инфраструктуры, высокий уровень криминогенности и ряд других факторов обуславливают тот факт, что Забайкалье, занимающее 51-е место по инвестиционной привлекательности и 72-е место по рангу инвестиционного риска, отстает и от Иркутской области (на 34! и 43! позиции соответственно), и от Республики Бурятия (на 2 и 5 позиций соответственно).

Однако, несмотря на столь низкие позиции в рейтинге, иностранные инвестиции в Забайкальский край все же поступают. Так, по данным, приведенным в Постановлении Правительства Забайкальского края «Об утверждении государственной программы Забайкальского края “Развитие международной, внешнеэкономической деятельности и туризма в Забайкальском крае (2014–2020 годы)”», общий объем прямых иностранных инвестиций, привлеченных в экономику края, в 2013 г. составил порядка 150 млн долл. США или 69,7 % к показателю 2012 г. При этом доля инвестиций, непосредственно направляемых в реальный сектор экономики края, составляет менее половины. Так, по информации, предоставленной инициаторами проектов с иностранными инвестициями, объем инвестиций на реализацию проектов в горнорудной и лесной отраслях по итогам 2013 г. составил 69,8 млн долл. США [15].

Таким образом, следует признать, что инвестиционный потенциал Забайкальского края реализуется сегодня слабо. Еще одним подтверждением данного факта является то, что при очевидном интересе китайской стороны к инвестиционным проектам, осуществляемым в Забайкалье, равно как и в других субъектах Байкальского региона, реально финансируются лишь единицы. Например, не увенчались успехом переговоры между Забайкальским краем и городом Маньчжурия с представителями ООО «Забайкало-Тяньцзиньская инвестиционная группа» о возможности от-

крытия на базе Дарасунского завода горного оборудования производства по сборке спецтехники для нужд горнодобывающей промышленности. Другим аналогичным примером может служить промышленный парк «Могойтуй», завершившийся постройкой офисного здания. Пожалуй, единственным успешным инвестиционным проектом сегодня можно назвать ЦПК «Полярная», в рамках реализации которого в настоящее время в Амазаре ведутся работы по строительству восьми производственных объектов, в том числе складских помещений, автотранспортного предприятия, базы ГСМ, ремонтно-механического завода, пожарной части. Предполагается, что целлюлозно-промышленный завод будет запущен в 2016 г., а еще через пару лет выйдет на проектную мощность в 240 тыс. т целлюлозы в год [16].

При всей значимости развития Дальнего Востока и Байкальского региона следует признать, что предпринимаемые сегодня российским руководством меры являются не достаточно эффективными. Ни создание Министерства по развитию Дальнего Востока, ни учреждение инвестиционных фондов (Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона, Российско-китайский инвестиционный фонд и др.), ни разработка закона о создании территорий опережающего развития на данный момент не оказали сколько-нибудь положительного влияния на изменение ситуации в регионе. По мнению Л. Бляхера, данная ситуация объясняется прежде всего нежеланием как российского бизнеса, так и государственных структур инвестировать колоссальные объемы средств в проекты, которые не смогут приносить прибыль ни в краткосрочной, ни даже в среднесрочной перспективе.

В данных условиях одним из наиболее перспективных источников инвестиций является Китай. Накопленный в стране избыточный объем золотовалютных резервов позволяет КНР вкладывать деньги в проекты, которые принесут

дивиденды еще очень не скоро. Китайская сторона понимает, что наличие коммуникационной инфраструктуры, дешевой энергии выгодно не только России, но и самому Китаю. Развитие Байкальского и Дальневосточного регионов позволит, с одной стороны, увеличить объемы поставок из западной части России в АТР, а, с другой стороны, благодаря удобным транспортным маршрутам расширит возможности по продвижению китайской продукции в Европу [17].

Подводя итог, следует отметить, что на сегодняшний день роль китайских инвестиций в социально-экономическом развитии Байкальского региона незначительна, даже несмотря на то, что Китай является одним из основных инвесторов в регионе. Общий уровень прямых иностранных инвестиций, поступающих в Байкальский регион, в настоящее время крайне низок, количество реально осуществляемых инвестиционных проектов также невелико. Однако следует признать и то, что без привлечения китайских инвестиций в регион его будущее развитие представляется малоперспективным. В подобных условиях особо значимым является усиление работы по повышению инвестиционной привлекательности и снижению уровня инвестиционного риска в Байкальском регионе, что в свою очередь предполагает снижение налоговых ставок, ослабление бюрократической составляющей, обеспечение государственной поддержки инвесторов, формирование общего положительного имиджа региона.

Список литературы

1. Королева А. Инвестиционная экспансия Китая // Expert Online [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2014/10/23/kitaj/> (дата обращения: 12.01.2015).
2. Буртовой Р. Инвестиции из Китая: ожидания и реальность // Бюджет. № 2(134). 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rccrt.ru/ru/analitika/> (дата обращения: 12.01.2015).
3. Быркова Е. Как изменилась инвестиционная привлекательность России // ИАИ ПРОВЭД [Электронный ресурс]. URL: <http://провэд.пф/analytics/research/> (дата обращения: 12.01.2015).

4. Калиновский И. Инвесторы готовы рискнуть // Expert Online [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2014/10/20/investoryi-gotovyi-risknut/> (дата обращения: 12.01.2015).
5. Буртовой Р. Инвестиции из Китая: ожидания и реальность // Бюджет. № 2(134). 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rcrt.ru/ru/analitika/143-investitsii-iz-kitaya-ozhidaniya-i-realnost.html> (дата обращения: 12.01.2015).
6. Деловой круглый стол. Россия – Китай: стратегическое экономическое партнерство [Электронный ресурс]. URL: http://www.forum-spb.com/bfx-cc/system/uploads/ files/site_session_attr/stenogram_ru/519/SPIEF_2014_24_ru_816.pdf (дата обращения: 12.01.2015).
7. Колпакова Т. В. Конкурентные преимущества развития Байкальского региона РФ в условиях российско-китайского трансграничья // Стратегия устойчивого развития регионов России: сб. материалов XIX Всероссийской науч.-практ. конференции / под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2014. С. 48–51.
8. Инвестиционная привлекательность регионов 2013: акцент на инфраструктуру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/2013> (дата обращения: 12.01.2015).
9. Ведомственная целевая программа «Повышение инвестиционной привлекательности Иркутской области» на 2015–2018 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://irkobl.ru/sites/economy/targeted/state/ВЦП%202015–2018.pdf> (дата обращения: 12.01.2015).
10. Рэнкинг регионов России по объему накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в расчете на душу населения (без учета инвестиций из офшорных территорий) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ra-national.ru/rankings/ru> (дата обращения: 12.01.2015).
11. Юдин Ю. Проекты Иркутской области представлены китайским инвесторам в Пекине // Областная газета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ogirk.ru/news> (дата обращения: 12.01.2015).
12. Рэнкинг регионов России по объему накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в расчете на душу населения (без учета инвестиций из офшорных территорий) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ra-national.ru/rankings> (дата обращения: 12.01.2015).
13. Готова ли Бурятия к смене внешнеэкономического курса России? // Информ Полис [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infpol.ru/glavnye-novosti/item> (дата обращения: 2.01.2015).
14. Вячеслав Наговицын: «Бурятия – толерантная республика» // Zabmedia.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://zabmedia.ru> (дата обращения: 12.01.2015).
15. Постановление Правительства Забайкальского края от 29.05.2014 № 314 «Об утверждении государственной программы Забайкальского края “Развитие международной, внешнеэкономиче-

ской деятельности и туризма в Забайкальском крае (2014–2020 годы)» [Электронный ресурс]. URL: <http://allregionz.ru/> (дата обращения: 12.01.2015).

16. Инвестиции в Забайкалье из Китая: есть ли перспективы? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.visitchita.ru/ru/news/> (дата обращения: 12.01.2015).

17. Китай готов инвестировать в инфраструктурные проекты Дальнего Востока и Байкальского региона: перспективы, риски, мотивация. Экспертное мнение [Электронный ресурс]. URL: <http://i38.ru/kommentariy-ekonomika/> (дата обращения: 12.01.2015).

УДК 338.47

Евгений Сергеевич Кудрявцев

аспирант Института Дальнего Востока РАН

E-mail: sinolog@msn.com

Развитие автодорожной сети КНР

Начиная с 1949 г., в Китае было развернуто масштабное дорожное строительство, продолжающееся по сей день. Согласно Генплану, протяженность общей сети автомобильных дорог в стране к 2030 г. должна возрасти до 5,8 млн км, из которых 401 тыс. км составят национальные магистрали.

Ключевые слова: КНР, экономика, транспорт, дорожная сеть, национальные дороги, скоростные автодороги

Evgeny Sergeevich Kudryavtsev

Post-Graduate Student of the Institute

of Far Eastern Studies RAS

E-mail: sinolog@msn.com

Chinese Road Network Development

The Chinese road network has witnessed rapid development since 1949 and the trend is set to continue in future. The country's 2030 Road Master Plan contemplates 5.8 million kilometers of total road network including 401,000 km of national highways.

Keywords: China, economics, transport, road network, national highways, expressways.

Общая протяженность шоссейных дорог в Китае в 1949 г. не превышала 80 тыс. км. За три последующих десятилетия в основном переделывались военные автодороги,

построенные в период Второй мировой войны, и к концу 1970-х гг. их общая протяженность возросла в десять раз и составила 890 тыс. км, при этом не было ни одной магистрали первого класса. До 1990-х гг. большая часть автодорог была плохого качества – лишь 25 % дорог имели асфальтовое либо бетонное покрытие, капитального ремонта требовало до 60 % всей сети.

С начала XXI в. общий объем капиталовложений в развитие транспортной отрасли КНР стал превышать 8 % ВВП, в том числе 2,5 % приходилось на развитие автомобильных дорог. В этот период темпы роста капиталовложений в развитие автодорожного транспорта превышали темпы прироста ВВП, а основная цель заключалась в ликвидации «инфраструктурного разрыва», сложившегося к концу 1990-х гг., т. е. разницы между существовавшими низко-классными автомобильными дорогами и развитой системой автомагистралей. Общий объем средств, которые Китай инвестировал в строительство скоростных автодорог, в целом сопоставим с объемами капиталовложений США и Японии в начальный период расширения собственных сетей скоростных автомагистралей. Однако США и Японии потребовалось более 40 лет на формирование национальных сетей скоростных автодорог. Ключевым фактором успешного дорожного строительства в КНР явилась его децентрализация при более полных полномочиях провинциальных властей. При росте частных и иностранных заимствований, государственные источники всех уровней (госбюджет, средства провинций и муниципальных образований) обеспечивали примерно 75 % всех капиталовложений в строительство скоростных автомобильных дорог. Приоритетность внимания к прокладке скоростных шоссе объясняется тем, что их пропускная способность в 5–10 раз превышает возможности обычных автомагистралей при общем превышении затрат материальных и земельных ресурсов на их прокладку втрое. Скоростные дороги обеспечива-

ют оптимальную с экологической и энергосберегающей точек зрения скорость движения. Создание сети скоростных автомагистралей сопровождалось резким ростом протяженности дорог I и II классов при финансовой поддержке центральной власти и бюджетном финансировании провинциальных правительств и муниципалитетов. Ни одной стране мира не удавалось за столь короткое время столь резко увеличить пропускную способность и улучшить качество покрытия национальной сети автодорог. Автомобильные дороги в Китае классифицируются либо по административному признаку – общенациональные, провинциальные (муниципальные, окружные) и сельские – уездные и волостные, либо по стандарту их пропускной способности. Обычно скоростные автомагистрали обладают пропускной способностью в пределах 100–120 тыс. транспортных средств/день, автодороги I класса – 10–25 тыс., II класса – 5–15 тыс., III – 2–8 тыс. и IV класса – менее 2 тыс. автомашин в день.

Основной каркас автодорожной сети КНР был создан в 1990–2000-е гг., а первая скоростная автомобильная дорога появилась в Шанхае в 1988 г. В 1993 г. с привлечением кредита ВБ были построены скоростные магистрали Пекин–Тяньцзинь, Тяньцзинь–Тангу, Гуанчжоу–Шэньчжэнь. В процессе развертывания нового дорожного строительства важнейшее значение приобрел вопрос об источниках финансирования. Эффективным средством инвестирования в строительство скоростных дорог в КНР явилось государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) в форме концессии (концессионных соглашений). Перераспределение правомочий собственности между государством и частным бизнесом в такой экономически непривлекательной (вследствие длительности сроков окупаемости вложений и значительной капиталоемкости проектов), но крайне необходимой для общества сфере как строительство автодорожной инфраструктуры, безусловно, требовало гарантий государ-

ства. При реализации проектов ГЧП в области строительства скоростных магистралей в Китае используются разнообразные механизмы сотрудничества государственных (провинциальных и местных) структур и частного бизнеса. Они дифференцируются в зависимости от объема передаваемых частному партнеру правомочий собственности, инвестиционных обязательств сторон, принципов разделения рисков между партнерами, ответственности за проведение различных видов работ. Наибольшее распространение в КНР получили механизмы партнерства в виде BOT, BOOT, BOMT и DBOOT. Источниками финансирования строительства и реконструкции автомагистралей являются, в первую очередь, банковские кредиты, составляющие более 70 % привлеченных средств. Стремительное автодорожное строительство в Китае привело к формированию в 2013 г. совокупной кредитной задолженности автодорожных акционерных компаний в объеме 3 трлн юаней. Основным источником возврата вложенных средств являются дорожные сборы, составляющие 30–40 % транспортных расходов владельцев автомобилей. Величина этих сборов является одной из самых высоких в мире и составляет в среднем около 1 юаня (0,16 долл.) за каждые 2 км проезда по скоростной автомагистрали. Источником привлечения инвестиций на строительство скоростных автодорог в Китае является также выпуск инфраструктурных облигаций, доходы от использования земельных участков в полосе отвода и придорожной полосе автомобильных дорог, переданных в управление автодорожных акционерных компаний. Дорожные сборы формируют свыше 90 % доходов основных девятнадцати компаний, управляющих скоростными магистралями. В 2012 г. общий объем их прибыли превысил 41,5 млрд юаней (6,57 млрд долл.), однако коэффициент рентабельности собственного капитала в автодорожной отрасли Китая составил всего 10,43 % – один из самых низких показателей по сравнению с другими отраслями. Это было вызвано

значительными объемами заемных средств, направленных на предыдущее скоростное автодорожное строительство, и, отчасти, амбициями местных властей. Местные правительства за счет массовых, не всегда оправданных займов постоянно расширяют масштабы прокладки скоростных магистралей, которые, с одной стороны, стимулируют развитие местной экономики и создают новые рабочие места, с другой, приводят к росту дорожных сборов, повышению логистических расходов и недовольству населения.

С начала 1990-х гг. протяженность сети скоростных автомагистралей увеличивалась относительно медленно, и лишь с 2000 г. по общей протяженности скоростных автодорог Китай вышел на четвертое место в мире. Рост сети скоростных автомагистралей ускорился в XXI в. В 2007 г. Китай вышел на второе место в мире по общей их протяженности (53,6 тыс. км), а в 2013 г. обогнал США и занял первое место в мире. Построив в 2013 г. 8 тыс. км новых автострад, страна создала в 2014 г. сеть скоростных автомобильных магистралей общей протяженностью более 100 тыс. км.

В течение 2000–2013 гг. более трети всех капиталовложений в развитие дорожного строительства пришлось на расширение Национальной сети скоростных магистралей (далее – НССМ). Национальная сеть скоростных магистралей превратилась в основу и главный элемент национального автодорожного транспорта – скоростные автомагистрали стали соединять Пекин и Шанхай со столицами всех провинций страны, объединили 200 главных городов с населением, превышающим 500 тыс. чел. Национальная сеть скоростных магистралей состоит из 12 основных скоростных автомобильных дорог, составляющих 5 коридоров север-юг и 7 коридоров восток-запад. В стране построено одно из самых протяженных высококлассных автомобильных шоссе в мире – автомагистраль «Тунсань»: Тунцзян (Хэйлунцзян)–Санья (Хайнань), протяженностью 5700 км.

В начале 12-й пятилетки правительство КНР одобрило планы по созданию к 2015 г. Национальной Скоростной Сети (НСС – иное название – «Сеть Скоростных Автодорог: 7–9–18»). Объединившись с НССМ и расширив ее, новая сеть из высококлассных скоростных автодорог протяженностью более 110 тыс. км в 2015 г. объединит 9 важнейших меридиональных магистралей в направлении север-юг и 18 широтных коридоров в направлении восток-запад, а также 7 лучеобразных автострад, берущих начало в Пекине: Пекин–Шанхай, Пекин–Тайпэй, Пекин–Сянган–Аомэнь, Пекин–Куньмин, Пекин–Лхаса, Пекин–Урумчи и Пекин–Харбин. Согласно «Плану развития урбанизации в КНР в период 2014–2020 гг.», основная цель создания НСС – к 2015 г. посредством транспортного соединения объединить столицы всех провинций страны и крупнейших городов Китая с населением в 500 тыс. жителей. К 2020 г. планируется соединить все города КНР, чье население превышает 200 тыс. чел., тем самым объединив более 1 млрд жителей Китая. Предполагается, что все жители восточных провинций получат возможность добираться до скоростных автомагистралей в течение получаса, центральных провинций – за час, а западных – за два часа. В каждом крупном городе КНР должна быть сформирована внутригородская сеть скоростных магистралей, что приведет к ускорению экономической интеграции провинций и формированию масштабного регионального пространства. За счет создания сети многополосных скоростных шоссе провинции получают значительные выгоды. Уменьшаются транспортные расходы предприятий всех отраслей экономики и возрастают скорость движения и оборачиваемость грузов и автотранспортных средств, снижаются необходимые запасы на складах. В результате повышается производительность труда, возрастает конкурентоспособность местных производителей, обеспечивается их выход на ранее недоступные региональные рынки. За счет эффекта «сообщающихся со-

судов» происходит выравнивание уровней социально-экономического развития соседних провинций, увеличивается интенсивность сообщений, активизируются международные связи. Улучшение транспортной доступности приводит к росту мобильности и повышению качества жизни населения.

В 2013 г. протяженность автомобильных дорог Китая превысила 4,3 млн км, из которых более 3,6 млн км приходилось на скоростные автомагистрали и дороги I–IV классов. Плотность автомобильных дорог в КНР составляла около 402,25 км/1 тыс. км² территории страны, увеличившись в четыре раза по сравнению с началом 1980-х гг. (для сравнения: плотность автомобильных дорог во Франции – 1820, Германии – 1800, США – 670, Бразилии – 200, Анголе – 40, РФ – 36,5). Автомобильные дороги с твердым покрытием составляли более 65 % протяженности всех автодорог КНР, а на каждого жителя страны в 2013 г. приходилось 11,3 м² таких автодорог (в западных странах этот показатель составлял 15–20 м² на человека).

За период с 2005 по 2013 гг. правительство Китая инвестировало более 250 млрд юаней в строительство сельских автодорог в стране, за счет чего было построено 1 млн км новых сельских автомобильных дорог, улучшено покрытие более 350 тыс. км уездных и волостных дорог. В 2013 г. общая протяженность автомобильных дорог в сельских районах Китая достигла 3,4 млн км, 90 % волостей и поселков КНР были охвачены автодорожной сетью. Согласно «Программе развития транспорта КНР на 12-ю пятилетку (2011–2015 гг.)», к концу 2015 г. общая протяженность действующих автомобильных дорог в сельской местности достигнет 3,9 млн км – таким образом, все поселки и 95 % деревень Китая будут охвачены автодорожной сетью.

Согласно плану ГКРР «О развитии сети национальных автодорог к 2030 г.» (2013 г.) в строительство автодорог в КНР будет инвестировано 4,7 трлн юаней (761,8 млрд

долл.), из которых 2,2 трлн будут использованы для строительства и реконструкции обычных дорог, а 2,5 трлн юаней – направлены на сооружение скоростных автомагистралей. Согласно плану, к 2030 г. протяженность общей сети автомобильных дорог в стране возрастет до 5,8 млн км, из которых 401 тыс. км будут составлять национальные магистрали. 265 тыс. км национальных автодорог будут бесплатными, а на 118 тыс. км скоростных магистралей будет взиматься пониженный дорожный сбор. В долгосрочной перспективе правительство КНР планирует довести протяженность бесплатных автомобильных дорог в стране до 97 %, а их строительство и ремонт будут осуществляться за счет централизованных государственных капиталовложений, банковских займов и средств социальных фондов.

УДК 338.130.2(510)

Валентина Сергеевна Морозова

*д-р филос. наук,
начальник управления международной деятельностью
Забайкальский государственный университет
E-mail: morozova1550@mail.ru*

Татьяна Аркадьевна Шаренкова

*канд. филос. наук, доцент
Читинский институт Байкальского
государственного университета экономики и права
E-mail: laoshi68@mail.ru*

**Приграничный социокультурный кластер
как механизм становления инновационного типа
партнерства в практике соразвития Дальнего Востока
и Забайкальского края РФ и Северо-Востока КНР**

В условиях усиленной трансляции китайской «мягкой силы», формирование приграничного социокультурного кластера – это единственный шанс для приграничных территорий России не допустить насильственного внедрения инородных культурных элементов и продвигать свою культуру в инокультурное пространство китайского приграничья.

Автор предлагает внедрить в концепцию приграничного социокультурного кластера т. н. модель «диалогичности региональных культур приграничья», которая станет основой функционирования кластеров в российско-китайском приграничье и выстроит схему дополняемости, но не выбора роли.

Ключевые слова: региональная культура приграничья, кластеризация, социокультурное пространство, приграничное взаимодействие РФ–КНР.

Valentina Sergeevna Morozova

Doctor of Philosophy

Head of Office for International Affairs

Transbaikal State University

E-mail: morozova1550@mail.ru

Tatiana Arkadievna Sharenkova

PhD (Philosophy Sciences), associate professor

Chita Institute of Baikal State University of Economics and Law

E-mail: laoshi68@mail.ru

Socio-Cultural Cluster of Borderland as a Mechanism for the Formation of Innovative Type of Partnership in the Practice of Co-Development of the Far East and Transbaikal region, Russia and Dongbei, China

In terms of Chinese “soft power” enhancing translation, the formation of cross-border sociocultural cluster is the only chance for Russian borderland to prevent the forcible introduction of foreign cultural elements and to promote our culture to the sociocultural space of Chinese borderland. The author proposes to implement to the concept of cross-border sociocultural cluster the so-called model of “the border regional cultures dialogicity”, which will be the basis of clusters functioning in the RussiaChina borderland and will line the complementarity scheme, but not the choice of roles.

Keywords: regional culture of borderland, clustering, sociocultural space, Russia-China cross-border cooperation.

Процессы интеграции культур являются традиционно актуальной тематикой культурфилософской рефлексии. Усиливающееся межкультурное взаимодействие стран и регионов повышает роль региональных культур, что обуславливает необходимость их исследования с учетом особенностей пространства функционирования, заданного не

только географическими рамками, но и рядом социокультурных характеристик [1]. В этой связи предметом философского осмысления оправданно становится практика формирования особых типов и форм взаимодействия региональных культур приграничных территорий в контексте их культурного взаимодействия и взаимовлияния. Культурфилософское осмысление социокультурного пространства приграничья РФ-КНР не только как места, но и как результата взаимодействия приграничных региональных культур, позволило определить его неоднородность, выражающуюся сконструированными по обе стороны границы региональными культурами, функционирование которых обуславливается контекстуальной характеристикой самой границы как детерминированной идеей движения и проницаемости.

Комплексный анализ столь сложно организованных пространств приводит к выделению культурно-цивилизационной специфики приграничных территорий, которая делает невозможным формирование единого социокультурного пространства приграничья, но формирует общее пространство приграничного взаимодействия [2], в котором актуальным становится формирование конкурентоспособных приграничных социокультурных кластеров и их инновационного типа взаимодействия. Социокультурное пространство российского и китайского приграничья структурировано культурами приграничных регионов. Это специфическое явление представляет собой два социокультурных пространства, разделенные границей, два «культурных мира» по обе ее стороны. В связи с этим актуальность темы исследования связана с необходимостью выделения культурной специфики российского и китайского приграничья не как единого социокультурного пространства, но как общего пространства приграничного межкультурного взаимодействия. Данный контекст требует не только ис-

следовательского внимания в аспекте выделения форм и механизмов взаимодействия приграничных территорий, но и, что немаловажно, анализу формирования тех специфических форм организации региональных культур приграничья, которые будут обладать высокой степенью конкурентоспособности в практике их соразвития.

Вместе с тем современная российская и китайская методология характеризуются не только отсутствием трактовки понятия «приграничный социокультурный кластер», но и отсутствием четкого определения понятия «региональная культура», что подтверждается постоянной трансформацией ее современной трактовки в силу появления соответствующих теоретических нововведений. Более того, научным коллективом констатировано полное отсутствие исследовательских работ по вопросам региональной культуры, осуществляющей свои функции в социокультурном приграничном пространстве. Вместе с тем, учитывая определение социокультурного пространства приграничья не как форпоста, но как своеобразного «культурного мира», опосредованного явлением границы, следует объективно признать необходимость выделения особой категории «приграничной региональной культуры», что не только дополняет существующие сегодня типологии культур по критерию «приграничье», но и позволяет ввести категорию «приграничный социокультурный кластер».

Обратим внимание на тот значимый факт, что в настоящее время китайская сторона активно использует преимущества приграничного региона, осуществляя продуманную кластерную политику с рациональным использованием культурных элементов [3]. Вследствие этого китайское приграничье характеризуется динамичным «культурным строительством» с активным включением некоторых элементов русской культуры в региональные практики социокультурного развития приграничных территорий. Более

того, сегодня очевидно усиленное воздействие глобализирующегося Китая на российское приграничье в контексте осуществления им политики повышения международного влияния своей культуры, что потенциально является угрозой социокультурной безопасности приграничных российских регионов. Одним из механизмов устойчивого развития китайской культуры и продвижения ее элементов за рубеж является формирование и успешное функционирование приграничных культурных кластеров (наглядным примером чему является динамичное развитие приграничного Северо-Восточного региона КНР). При наличии большой протяженности российских приграничных регионов и выполнении ими роли «главных ворот страны», где в первую очередь усиливается влияние «мягкой силы» Китая, в будущем может возникнуть реальная опасность трансформации всего социокультурного пространства России. Функционирование региональных культур России и Китая в общем социокультурном пространстве приграничного взаимодействия охарактеризовано как взаимодействие культур, принадлежащих разным цивилизационным типам. Данный контекст требует выработки специфичных форм их организации, в связи с чем авторским коллективом предлагается модель «приграничного социокультурного кластера», подразумевающего всестороннее развитие культур приграничных регионов при условии сохранения региональной культурной идентичности.

Главная задача в процессе моделирования приграничного социокультурного кластера – сохранение региональной культурной идентичности и использование ресурсов региональных культур приграничья как главного инструмента соразвития приграничных территорий РФ-КНР. В данном контексте авторский коллектив видит необходимым дополнение стратегии социально-экономического развития приграничных территорий России задачами социокуль-

турного соразвития приграничных территорий двух стран. Основой в этих процессах становится культурно-цивилизационный потенциал региональных культур приграничья, представленный как самобытный социокультурный феномен, позволяющий рассмотреть его в культурологическом измерении как специфическую целостность, интегрирующую субстанциональные характеристики: антропологические, социальные, культурные. В условиях усиленной трансляции китайской «мягкой силы», формирование приграничного социокультурного кластера с учетом ресурсного потенциала культуры региона – это единственный шанс для приграничных территорий России не допустить насильственного внедрения инородных культурных элементов и продвигать свою культуру в инокультурное пространство китайского приграничья. Авторский коллектив предлагает разработать так называемую модель «диалогичности региональных культур приграничья», которая станет основой функционирования приграничных социокультурных кластеров РФ-КНР на основе целостности региональных культур по обе стороны границы и выстраивающая схему дополняемости, но не выбора роли. Формирование приграничного социокультурного кластера является доминантной стратегией, обеспечивающей качественные изменения во всех сегментах жизни российского приграничья. При этом данная стратегия должна стать опережающей (по отношению к китайскому тренду) и ориентированной на обеспечение единства страны и ее регионов.

Необходимым правилом инновационного типа партнерства становится обретение «легитимного статуса» обеими культурами, признание региональной специфики каждой из них. Такой подход к осуществлению межкультурного взаимодействия региональных культур в пространстве приграничья способен не только нивелировать возможные негативные тенденции в приграничье, но и способствовать

трансляции культуры за рубеж как толерантного способа заявить о культурной силе региона. Уникальность региональной культуры российского приграничья актуализирует обращение к его культурно-цивилизационной специфике, представляющей потенциал для формирования российского приграничного социокультурного кластера не только как механизма развития приграничных территорий, но и как ресурса обеспечения социокультурной безопасности. В этой связи возникает необходимость дополнения стратегии социально-экономического развития приграничных регионов задачами социокультурного соразвития российского и китайского приграничья в контексте опережающей стратегии с выделением инновационных типов взаимодействия, что позволяет считать выбор заявленной темы оправданным и актуальным с позиций исследований в области философии культуры.

Список литературы

1. Морозова В. С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. Чита, 2013. С. 3.
2. Морозова В. С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. Чита, 2013. С. 9.
3. Морозова В. С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. Чита, 2013. С. 266.

УДК 338.47:656

Ксения Александровна Петрунко

аспирантка

Институт Дальнего Востока РАН

E-mail: petrunko-ksenia@yandex.ru

Сергей Леонидович Сазонов

канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник

Институт Дальнего Востока РАН

E-mail: jsazonova2010@mail.ru

Синьцзян превращается в важнейшее логистическое звено транспортной системы КНР

В статье обоснована привлекательность для КНР Центральной Азии как центрального звена евразийского транспортного коридора. На конкретных примерах рассмотрен процесс превращения Синьцзян-Уйгурского автономного района в важнейшее логистическое звено транспортной системы Китая.

Ключевые слова: транспортная система Синьцзян-Уйгурского автономного района, «Экономический пояс Шелкового пути», «Новая Шелковая автодорога», газопровод «Восток-Запад», транспортный коридор, хаб.

Ksenia Alexandrovna Petrunko

Postgraduate Student IFES RAS

E-mail: petrunko-ksenia@yandex.ru

Sergey Leonidovich Sazonov

Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher

IFES RAS

E-mail: jsazonova2010@mail.ru

Xinjiang is Becoming an Important Logistic Link of the Transport System of the PRC

The article proves the attractiveness of Central Asia as a focal point of the Eurasian transport corridor for China. Specific examples consider the process of turning Xinjiang into an important logistic link in the transport system of China.

Keywords: transport system of Xinjiang, the Economic zone of the Silk Road, the New Silk Road, the East-West pipeline, transport corridor, hub.

В конце 2013 г. в Астане Председатель КНР Си Цзиньпин выступил с программной речью, в которой предложил стра-

нам Центральной Азии, «занимающим приоритетное место во внешней политике КНР», совместно с Китаем реализовать план создания «экономического пояса Шелкового пути». План создания «экономического пояса Шелкового пути» предусматривает расширение строительства железнодорожных и автомобильных магистралей, которые свяжут страны Центральной Азии и Китай. В перспективе объединенная транспортная сеть позволит создать транспортный коридор от стран АТР до стран Западной Европы. Он объединит 18 азиатских и европейских стран общей площадью 50 млн км² с населением в 3 млрд человек.

В конце 2014 г. Правительство КНР приняло решение о создании совместно с ведущими китайскими коммерческими банками Фонда в размере 40 млрд долл. для развития инфраструктуры вдоль маршрутов «экономического пояса Шелкового пути», размер которого в будущем может возрасти. Инвестиции в первую очередь будут направлены на улучшение транспортной сети СУАР, по которому пройдет маршрут «экономического пояса Шелкового пути», а также на развитие инфраструктуры стран Центральной Азии и части европейских стран, по территории которых будут проходить транзитные евроазиатский и паназиатский маршруты. План создания «экономического пояса Шелкового пути» обеспечивает Китаю экономическое и, следовательно, политическое влияние в странах Центральной Азии (далее – ЦА), а активное внедрение КНР в ЦА явилось естественным результатом превращения этого региона в центральное звено евразийского транспортного коридора. Географическая близость Центральной Азии, относительная политическая стабильность в регионе, реальная возможность создания приемлемых по стоимости транспортных коридоров с учетом проводимого центрально-азиатскими государствами курса на диверсификацию экспортных поставок с усилением независимости от России – все это делает регион ЦА чрезвычайно привлекательным для Китая. КНР граничит

с Казахстаном, Киргизстаном и Таджикистаном и отдален небольшим расстоянием от Узбекистана и Туркменистана. В течение прошедших 12 лет объем торговли между КНР и пятью странам ЦА вырос в 26 раз, Китай уже стал главным торговым партнером Казахстана и Туркменистана, вторым по объему для Киргизстана и Узбекистана и третьим – для Таджикистана.

Главным центром сосредоточения всех евразийских транзитных маршрутов КНР через территорию стран ЦА является СУАР. Автономный район, занимающий 1/6 материкового Китая (1,66 млн км²), имеет 29 КПП [1]. В 2011 г. здесь был открыт крупнейший в КНР новый континентальный китайско-казахстанский международный центр пограничного сотрудничества Хоргос, общая площадь которого составляет 5,28 км² (площадь китайской части – 3,43 км², казахстанской – 1,85 км²). В 2013 г. объем внешней торговли автономного района составил 27,56 долл. В частности, объем торговли с пятью странами Центральной Азии превысил 19 млрд долл. (около четверти стоимости объема российско-китайского товарооборота) и составил 70 % от общего внешнеторгового оборота СУАР [2]. Результатом развития региональной международной торговли явилось предложение об учреждении в столице СУАР Урумчи международного регионального финансового центра и последующем создании зоны свободной торговли Китай – Центральная Азия, аналогичной модели сотрудничества Китай – АСЕАН.

Крупнейшим торговым партнером СУАР в 2013 г. стал Казахстан, на долю которого приходилось около 30 % внешней торговли автономного района. Именно Казахстан становится для Китая «основными транспортными воротами» в центрально-азиатский регион и рассматривается руководством КНР в качестве главного звена будущей евро-азиатской трансконтинентальной транзитной магистрали.

В течение долгого времени (с 1992 г.) КПП Алашанькоу (КНР) – Достык (Казахстан) был единственным железнодорожным переходом на китайско-казахстанской границе. Через этот пограничный переход, в основном, осуществляется транзит грузов автомобильным транспортом из Китая в страны Европы. В последние годы руководство СУАР стало уделять внимание перепрофилированию этого КПП на перевалку грузов в железнодорожном сообщении. Постоянно осуществляется обустройство железнодорожного пограничного перехода Алашанькоу–Достык на китайской территории. В 2014 г. на КПП было задействовано 22 перегрузочных линии, был построен крупнейший в Азии всепогодный закрытый перегрузочный центр, способный ежегодно обрабатывать более 200 тыс. ДФЭ. Количество железнодорожных контейнеров, следующих через КПП Алашанькоу, стало значительно превышать показатели перевалки грузов на других китайских железнодорожных переходах с сопредельными странами, а ежегодный объем грузооборота КПП Алашанькоу стал превышать половину совокупного объема грузооборота 16 КПП СУАР. В 2014 г. на КПП Алашанькоу–Достык ежедневно перегружалось около 500 контейнеров. КПП Алашанькоу превратился в крупнейший в Китае сухопутный континентальный международный порт – за двадцать лет после его открытия ежегодный объем обработки грузов увеличился со 160 тыс. т в 1991 г. до 29,83 млн т в 2013 г. (на общую сумму \$17,428 млрд) [3].

В 2012 г. был достроен 293-км участок железной дороги из Казахстана Жетыген–Алтынколь–Хоргос, и китайская железная дорога соединилась с казахстанской. Власти СУАР утверждают, что с открытием КПП Хоргос автономный район превратился в транспортный узел международного значения, объединяющий железнодорожный, автомобильный и трубопроводный виды транспорта, и ориентированный не только на Центральную Азию, но и Европу.

По сравнению с Алашаньюкоу КПП Хоргос, расположенный в 70 км от города Инин (СУАР) и в 378 км от г. Алматы, обладает более явными географическими преимуществами, поскольку он является центром кратчайшего расстояния от Западного Китая до одного из главных городов Центральной Азии. КПП Хоргос, ставший воротами новой дублирующей железнодорожной транзитной артерией на запад через казахскую территорию, позволил обеспечить в 2013 г. транспортировку железнодорожным транспортом 1,6 млн т грузов. С 2014 г. статус железнодорожного КПП Хоргос–Алтынколь был повышен с двустороннего до международного, и, по мнению китайских экономистов, новый КПП к 2015 г. и обеспечит увеличение объема транзита по казахстанской территории на 25 % до 5 млн т, а к 2020 г. – до 20 млн т [4].

Открытие *второго китайско-казахстанского железнодорожного пограничного перехода* позволило сократить расстояние транспортировки от Китая до южных областей Казахстана и стран Центральной Азии на 500 км [5]. Поскольку железнодорожный тариф на перевозку китайских грузов по железной дороге от границы СУАР до Алматы в пять раз ниже стоимости автомобильной транспортировки, то перевод большего грузопотока на железнодорожный транспорт, позволяющий интенсифицировать грузооборот, способствовал увеличению товарооборота между двумя странами. Дублирующий международный железнодорожный коридор позволит Китаю освоить среднеазиатский рынок с населением 60 млн человек, постепенно закрепиться на западно-азиатском и европейском рынках [6]. Одна из причин слабой конкурентоспособности континентальных евразийских транзитных железнодорожных перевозок (по сравнению с морскими) заключается в потере времени при смене колесных пар железнодорожных вагонов из-за разной ширины путей в КНР (1435 мм), РФ

и странах ЦА (1524 мм) и странах Европы (1435 мм). Для решения этой проблемы правительство КНР приняло решение о создании в Ланьчжоу крупного международного железнодорожного транспортного узла, откуда до китайско-казахстанской границы будут проложены железнодорожные пути с более широкой колеей, соответствующей российским (центрально-азиатским) стандартам. В конце 2012 г. Госсовет КНР одобрил план создания в стране третьего «нового экономического района развития Ланьчжоу» (подобно району Пудун в Шанхае и Бинхай в Тяньцзине). Административная площадь нового района будет составлять 806 км². В 2015 г. объем ВВП должен составить 50 млрд юаней (7,88 млрд долл.), а к 2020 г. возрасти до 270 млрд юаней [7].

Согласно прогнозам, ВВП СУАР к 2025 г. превысит совокупный ВВП всех стран ЦА. В этот период автономный район будет наиболее остро нуждаться в канале вывоза своей продукции в страны Европы по железной дороге, поскольку расстояние транспортировки товаров, произведенных в СУАР, до китайских портов на восточном побережье КНР превышает 4 тыс. км, а протяженность континентального железнодорожного маршрута из СУАР до Европы – менее 6 тыс. км.

В период 12-й пятилетки правительство КНР в целях улучшения положения с региональными перевозками, повышения транзитного потенциала ключевого транспортного узла Западного Китая приступило к активному развитию транспортной системы СУАР. Основная задача руководства Китая заключается в превращении к 2016 г автономного района в национальный и международный транзитный хаб и формировании веерной транспортной сети из 8 транспортных коридоров. На *северо-восточном направлении*: Урумчи–Иу–Эцзина–Хух-Хото–Пекин, Тяньцзинь–Таншань; на *восточном направлении*: Урумчи–Хами–Ланьчжоу–

Сиань–Шанхай; на юго-восточном направлении: Урумчи–Корла–Голмуд–Аба–Чэнду–Бэйхай; на южном направлении: Урумчи–Корла–Кашгар–Исламабад; на юго-западном направлении: Урумчи–Корла–Кашгар–Чэнду–Андижан–Ташкент–Тегеран; на западном направлении: Урумчи–Хоргос–Алматы–Атырау; на северо-западном направлении: Урумчи–Тачэн–Астана; на северном направлении: Урумчи–Канас (китайско-российская граница) – Новосибирск [8].

В конце 2014 г. была запущена в эксплуатацию 1776-километровая ВСЖД Ланьчжоу (Ганьсу)–Синин (Цинхай)–Цзягуань (Ганьсу)–Шаньшань (СУАР)–Урумчи, проходящая параллельно старой Ланьсиньской магистрали (построенной в период 1952–1962 гг.) через СУАР, Цинхай и Ганьсу, на которую приходится транспортировка всех железнодорожных грузов СУАР. Скоростная магистраль проходит через крайне ветреную и засушливую территорию пустыни Гоби, где скорость ветра 208 дней в году превышает 20 м/сек, а в остальные дни может достигать до 60 м/сек. Для минимизации негативных последствий разрушительных ураганов и смерчей китайским рабочим пришлось построить около 462 км защитных стен, экранов и искусственных покрытий вдоль 65 % протяженности полотна ВСЖД, поскольку без этих защитных сооружений поезда должны были прекращать движение при скорости ветра в 30 м/сек. В перспективе КНР планирует продлить эту высокоскоростную железную дорогу на запад – через Кыргызстан, Туркменистан, Иран и Турцию прямо до Болгарии.

В 2014 г. на западе СУАР началось строительство 308-километровой железнодорожной магистрали Карамай–Тачэн стоимостью более 5 млрд юаней (840 млн долл.), которая будет запущена в эксплуатацию в 2017 г. Магистраль, которая будет ежегодно перевозить 15 млн т грузов, станет составной частью национальной сети железных дорог,

соединяющей СУАР с соседними АРВМ и Ганьсу, значительно сократит расстояние транспортировки транзитных грузов до казахстанской границы и превратится в еще один маршрут транзитного грузооборота в Казахстан (через КПП Бакти на китайско-казахстанской границе) и Европу. Согласно расчетам, введение в эксплуатацию этой магистрали позволит на 30 % снизить стоимость транспортировки грузов [9].

В конце 2014 г. было начато строительство 2-х железнодорожных магистралей, которые обеспечат соединение СУАР с соседними провинциями и автономными районами. 1214-километровая магистраль Корла (юг СУАР)–Голмуд Цинхай) стоимостью 37 млрд юаней (6 млрд долл.) будет введена в эксплуатацию в 2019 г. Вторая – Хами (СУАР)–Эрджин (АРВМ). В северном направлении СУАР приступил к строительству железных дорог Чжуньдун–Фуюнь–Бэйтунь–КПП Цзимунай, Саньтанху–КПП Лаомяо, Фуюнь–Чингиль–КПП Такешикен и Карамай–Чугучак–КПП Бакэту. В западном направлении Синьцзян приступил к строительству китайской части железной дороги Китай–Киргизстан–Узбекистан, а железной дороги Китай–Пакистан, которая позволит связать СУАР с Индийским океаном.

Правительство КНР ведет интенсивное автодорожное строительство в западных районах страны с тем, чтобы к китайской границе подходила мощная и хорошо развитая автодорожная сеть. В 2004 г. была открыта Транскитайская автомобильная магистраль, которая начиналась в порту Ляньюньган на побережье Желтого моря и завершалась на КПП Хоргос на китайско-казахстанской границе. Дорога протяженностью 4393 км строилась с 1990 г., общая стоимость работ составила 131,7 млрд юаней (16,6 млрд долл.), а большая часть этой скоростной магистрали прошла вдоль автомобильной дороги, построенной советскими специали-

стами в 1939–1940 гг. Сегодня технические характеристики автобана позволяют двигаться по нему со средней скоростью в 120 км/час, а скоростная дорога сократила время в пути от восточных до западных границ Китая с 15 суток до 50 часов, то есть в 7,5 раза [10].

В 2010 г. Министерство транспорта КНР приняло решение «О развитии стратегии масштабного освоения Западного Китая». О масштабе запланированного дорожного строительства можно судить по тому факту, что в 2005 г. протяженность автомобильных дорог СУАР КНР с твердым покрытием составила 80,9 тыс. км, а по новому плану к 2020 г. протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием в СУАР должна составить 150 тыс. км, то есть фактически удвоиться [11]. В рамках реализации указанной стратегии предусмотрено приоритетное строительство на западе страны костяка автодорожной сети, представленной 8 магистралями в широтном направлении и 8 трассами – в меридиональном, создание 53 магистральных шоссе в основных экономических зонах и 18 скоростных автомобильных дорог для международных автоперевозок, которые свяжут Западный Китай со странами ЦА – Казахстаном, Киргизстаном, Узбекистаном и Таджикистаном. К 2015 г. в западных районах Китая общая протяженность скоростных автомагистралей достигнет 36 тыс. км. [12].

В 2013 г. в СУАР были введены в эксплуатацию два скоростных шоссе – 80,4-километровое Инин–Дуньмачжа и 132,2-километровое Карамай–Уэрхэ, являющаяся участком скоростной автострады Куйтунь–Алтай и соединяющая южные районы СУАР с северными, а в 2014 г. будет построена скоростная автомобильная 225,13-километровая магистраль Карамай–Тачэн. В рамках стратегии развития автодорожной сети в СУАР решается уникальная задача – строительство скоростных магистралей, пересекающих пустыни.

В конце 2013 г. в Урумчи (СУАР) на «Форуме по сотрудничеству в рамках формирования «Экономического пояса Шелкового пути» главы 24 городов из восьми стран подписали соглашение о сотрудничестве по организации транзитных грузоперевозок из Китая в западном направлении. Протяженность нового автомобильного коридора, который должен вступить в строй в 2017 г., должна составить 8445 км, из которых 2233 км будут приходиться на территорию РФ, 2787 км – территорию Казахстана, 3425 км – КНР. Грузовые перевозки по этому маршруту будут осуществляться из провинции Цзянсу–Хоргос–Алматы–Кордай–Тараз–Шымкент–Кызыл-Орда–Актобе–Оренбург–Казань–Нижний-Новгород–Москва–Санкт-Петербург. В дальнейшем маршрут будет продлен в Белоруссию, Польшу, Германию и Францию. Ожидается, что сроки доставки грузов по сравнению с судоходными маршрутами сократятся в 3,5 раза и составят 10–14 дней [13].

На очередном 14-м саммите ШОС (Душанбе, 2014 г.) было подписано Соглашение о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок, что позволит сформировать сеть транзитных автомобильных маршрутов, включая транспортный коридор «Западный Китай-Европа», соединяющий порты Желтого моря с портами Ленинградской области. Китайская пресса отмечает, что реализация данного проекта, прежде всего, соответствует интересам стран Центральной Азии, поскольку для обеспечения быстрого выхода своей продукции на международные рынки на восточном направлении они смогут использовать китайские порты, а на западном – российские.

По сообщениям китайской прессы, КНР планирует создать дополнительный автомобильный маршрут транзитных перевозок по маршруту АТР – Европа, дублирующий железнодорожный «Шелковый путь», ядром которого станет приграничный г. Кашгар (Каши). Новый проект, прозванный в стране по аналогии с ЕТМ «Новая шелковая авто-

дорога», связан с началом строительства в СУАР участка Кашгар–Иркештам – первой секции автомобильной магистрали между Азией и Европой, которая должна пересечь Памирское плато и обеспечить Китаю транзитный автомобильный маршрут в страны ЦА. Согласно плану 213-километровая автодорога должна вступить в эксплуатацию в 2015 г., а проект оценивается в 4,3 млрд юаней (660 млн долл.) [14].

В 2013 г. в автономном районе было 170 тыс. км автомобильных дорог, 5 тыс. км железнодорожных линий, 16 региональных аэропортов. В 2014 г. правительство КНР выделило 20 млрд юаней (3 млрд долл.) на реализацию 23 ключевых инфраструктурных проектов в СУАР, включая прокладку 5 железных дорог, 14 автомобильных шоссе (пять из которых будут введены в эксплуатацию в 2015 г.) и строительство 3 региональных аэропортов [15]. В 2015 г. правительство СУАР инвестирует 8,27 млрд юаней в строительство пассажирской и грузовой железных дорог на севере автономного района для повышения его пропускной способности. К 2016 г. за счет роста объемов государственных инвестиций в автономном районе будут проложены новые автомобильные дороги протяженностью 75–80 тыс. км, общая длина автомобильных скоростных магистралей превысит 4 тыс. км, протяженность ВСЖД достигнет 8,2 тыс. км [16]. В СУАР будет функционировать более 20 логистических центров в городах Урумчи, Каши (Кашгар), КПП Хоргос, Хами, Корла, Куйтунь, Инин. Они призваны облегчить процедуру формирования грузопотоков в страны ЦА и Европы, а их общая площадь составит 2.2 млн м².

В 2013 г. ГУТАК и правительство СУАР подписали протокол о развитии гражданской авиации, который предусматривает создание международного авиационного узла в аэропорту Урумчи (СУАР) – запланировано провести реконструкцию международного аэропорта «Дивопу», построить вторую взлетно-посадочную полосу, обновить тер-

минал и вспомогательные сооружения. Руководство СУАР рассчитывает, что пассажиропоток в воздушной гавани Урумчи возрастет с 13,35 млн в 2013 г. до 30 млн человек в 2020 г. [17] В 2014 г. через СУАР проходило 45 авиационных маршрутов, из которых 15 международных приходилось на крупнейшую китайскую авиакомпанию China Southern Airlines. В 2015 г. руководство авиакомпании планирует открыть в СУАР еще 15 международных маршрутов. В конце 2014 г. ГУГАК объявил о выдаче лицензии вновь образованной местной авиакомпании Urumqi Air, в планы которой входит организация с 2015 г. прямых авиарейсов в регионы Восточной Сибири и Дальнего Востока РФ [18].

Для решения проблемы газового обеспечения населения и промышленности правительство Китая решило опираться на экспортные потоки по газопроводам из Центральной Азии. В 2000 г. Госсоветом КНР был разработан «Проект переброски природного газа с запада на восток» [19]. Сегодня на ведущую роль в качестве основного поставщика импортного газа выдвинулся самый протяженный в мире магистральный трубопровод «Запад–Восток» из Туркменистана, который стал основным энергетическим проектом Китая в Центральной Азии. Планы по строительству магистральных газопроводов из Центральной Азии в Китай рассматривались руководством КНР как аргумент в переговорной позиции с РФ относительно условий поставок газа из Западной и Восточной Сибири.

К началу 2015 г. общий объем природного газа, поставленного по газопроводу «Запад–Восток» (А, В) в Китай через КПП Хоргос превысил 100 млрд м³ (05.2011 г. – 10 млрд, 04.2013 г. – 50 млрд м³, 06.2014 г. – 80 млрд м³), а ежесуточный объем поставок газа составлял в среднем 85 млн м³ [20].

В июне 2014 г. была введена в эксплуатацию третья 1830-километровая ветка газопровода «Запад–Восток» (С) мощностью 7 млрд м³, которая к 2015 г. возрас-

тет до 25 млрд м³ газа (10 млрд м³ газа будет закачивать Туркменистан, 10 млрд м³ – Узбекистан и 5 млрд м³ – Казахстан). К 2015 г. а суммарная ежегодная мощность газопровода «Запад-Восток» возросла до 65 млрд м³ газа [21].

В сентябре 2014 г. во время визита Председателя КНР Си Цзиньпина состоялась официальная церемония начала строительства четвертой ветки газопровода «Запад-Восток» (D) протяженностью 1 тыс. км, которая от месторождения Галкыныш (Туркменистан) пройдет по территории Киргизстана и Таджикистана до конечного пункта Уча (СУАР). Строительство четвертой ветки будет завершено к концу 2020 г. [22], ее пропускная способность составит 30 млрд м³ в год [23]. В конце 13-й пятилетки (2015–2020 гг.) после окончания строительства этой ветки и всей сопутствующей инфраструктуры четырех веток газопровода «Запад-Восток» ежегодный объем транспортировки газа из центральноазиатских республик в КНР возрастет до 90 млрд м³, обеспечивая 40 % всего объема импортируемого Китаем газа [24].

Список литературы

1. The Dance of the Silk Road. Xinjiang's economy is expected to welcome a brighter future with the construction of the Silk Road Economic Belt [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bjreview.com/business/txt/2014-09/09/> (дата обращения: 09.09.2014).
2. Объем торговли с пятью странами ЦА составил 70 проц общего внешнеторгового оборота Синьцзяна [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.china.org.cn/business/txt/2014-01/25/> (дата обращения: 25.01.2014).
3. China's largest inland port foreign trade up [Электронный ресурс]. URL: <http://english.people.com>. (дата обращения: 10.11.2014).
4. Hou Beibei. All Roads Lead to West China. The Chinese Government is building a bonded logistics network to ensure smooth trade flow between Asia and Europe [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bjreview.com.cn/business/txt/2014-09/09/> (дата обращения: 09.09.2014).
5. China-Kazakhstan Trans Border Free Trade Center E [Электронный ресурс]. URL: <http://english.cri.cn/6826/2011/09/03> (дата обращения: 03.09.2011).

6. The CIIS Blue Book on International Situation and China's Foreign Affairs (2012). Пекин, World Affairs Press (Шицзе чжиши чубаньшэ), 2012. С. 104.
7. Wide-gauge track urged for rail corridor success [Электронный ресурс]. URL: <http://english.people.com>. (дата обращения: 10.11.2014).
8. СУАР объединяет 8 центрально-азиатских коридоров и становится центром транспортного узла на Шелковом пути [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-12/27/> (дата обращения: 27.12.2013).
9. New railway under construction in Xinjiang [Электронный ресурс]. URL: <http://www.china.org.cn/business/2014-04/12/> (дата обращения: 12.04.2014).
10. Lan Xinzhen. Silk Road Resurrection. New economic belt brings a wealth of opportunity for China, Central Asia and Europe [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bjreview.com.cn/business/txt/2013-11/04/> (дата обращения: 10.11.2014).
11. Yu Lintao. Subcontinent Connections. China and its South Asian neighbors boost cooperation levels [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bjreview.com.cn/print/txt/2014-09/25/> (дата обращения: 10.11.2014).
12. Xinjiang gets central government support for road projects [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/m/xinjiang/urumqi_hightech/2014-03/25/ (дата обращения: 10.11.2014).
13. New Asia-Europe corridor to boost regional growth [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2013-11/30/content_17142130.htm (дата обращения: 10.11.2014).
14. Liao Yuan. Xinjiang road network expands rapidly [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/m/xinjiang/urumqi_toutunhe/2014-02/18/ (дата обращения: 10.11.2014).
15. Joining the dots along Xinjiang's Silk Road [Электронный ресурс]. URL: <http://en.ce.cn/Business/Macro-economic/201403/24/> (дата обращения: 09.09.2014).
16. Li Fangfang. Speeding to Xinjiang. The region gets ready to reap the benefits from its new rail connection [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bjreview.com/quotes/txt/2014-07/09/> (дата обращения: 09.09.2014).
17. Feature: Urumqi licks its wounds on riot anniversary [Электронный ресурс]. URL: 0705/c90882-8751421.html (дата обращения: 09.09.2014).
18. Xinjiang establishes first airline [Электронный ресурс]. URL: <http://www.china.org.cn/china/2014-08/29/> (дата обращения: 09.09.2014).
19. Project will have length of more than 5,200 kms, supply China's coastal regions [Электронный ресурс]. URL: <http://europe.chinadaily.com.cn/business/2011-11/17/> (дата обращения: 05.07.2014).
20. 100b cubic meters of gas delivered by China-Central Asia pipelines [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/business/2014-11/15/> (дата обращения: 01.12.2014).

21. Asia-China gas pipeline metering station passes appraisal [Электронный ресурс]. URL: <http://english.people.com.cn> (дата обращения: 10.11.2014).

22. Chinese, Tajik Presidents Agree to Accelerate Gas Pipeline Construction [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bjreview.com.cn/se/txt/2013-09/13/> (дата обращения: 01.10.2014).

23. Chinese, Tajik presidents inaugurate construction of gas pipeline, thermal power plant [Электронный ресурс]. URL: <http://english.people.com.cn/> (дата обращения: 10.11.2014).

24. CNPC to build pipeline with Tajiktransgaz [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecns.cn/business/2014/03-11/> (дата обращения: 05.07.2014).

УДК 362.86(510)

Ольга Валерьевна Почагина

канд. ист. наук

Институт Дальнего Востока РАН

E-mail: pochagina@ifes-ras.ru

Подростковая беременность в современном Китае

В статье рассматриваются причины возникновения и распространения подростковой беременности в КНР, анализируются социальные последствия и возможности профилактики данного социального явления.

Ключевые слова: подростковая беременность, сексуальное просвещение, репродуктивное здоровье, добрачные сексуальные отношения.

Olga Valerievna Pochagina

PhD in History

Institute for Far Eastern Studies RAS

E-mail: pochagina@ifes-ras.ru

Teenage Pregnancy in Contemporary China

The article deals with the causes of emergence and spread of teenage pregnancy in modern China. The author analyzes the social implications and possibilities for prevention of this social phenomenon.

Keywords: teenage pregnancy, sex education, reproductive health, premarital sexual activity.

Подростковая беременность – чрезвычайно деликатный и чувствительный вопрос в любом обществе. Китайское общество – не исключение. Хотя по данным Фонда народонаселения ООН, доля подростковых беременностей в КНР не столь высока, как в странах Южной Азии и Латинской Америки, однако и в Китае с начала 2000-х наблюдается ежегодный рост этого показателя в среднем на 6,8 % [1].

Подростковая беременность 过早怀孕 (guozao huaiyun) становится в Китае проблемой, об этом говорил уже в конце 90-х Ли Вэйсюн, эксперт Института изучения проблем планирования семьи, заместитель председателя комитета народонаселения и окружающей среды ВК НПКСК. По его мнению, для профилактики ранней беременности, сокращения абортс среди подростков необходимо в первую очередь развивать образовательные программы, а не уповать на методы экстренной контрацепции [2]. Актуальность темы социальных последствий подростковой беременности растет из года в год. В китайских средствах массовой информации все чаще появляются публикации о необходимости усиления внимания к проблеме оставления детей, совершенствования программ сексуального просвещения подростков и их репродуктивного здоровья.

Решение проблемы подростковой беременности имеет важное значение для достижения КНР и другими странами Целей тысячелетия в области развития (ЦРТ), связанных с материнской, детской смертностью и борьбой с бедностью, которые 193 государства-члена ООН и более 20 международных организации договорились достичь к 2015 г. В 2014 г. ВОЗ была подготовлена информационная памятка «Предупреждение ранней беременности и профилактика нарушений репродуктивного здоровья среди подростков в развивающихся странах». «Беременность в раннем возрасте связана не только с рисками для здоровья, как молодой матери, так и ее ребенка, но также с упущенными возмож-

ностями в школе и на работе, что влечет за собой нищету, передающуюся из поколения в поколение. По этой причине сокращение числа беременностей в раннем возрасте может оказать воздействие на достижение других Целей развития тысячелетия, относящихся к проблемам нищеты, образования, гендерного равенства и детской смертности» [3].

Беременность в подростковом возрасте только на первый взгляд кажется личной или, в крайнем случае, семейной проблемой, однако она как явление имеет многочисленные социальные аспекты. Аборты в подростковом возрасте влияют на репродуктивное (часто заканчиваются бесплодием) и психологическое (депрессии, самоубийства), здоровье девушек, разрушающе действует на дальнейшую жизнь. Раннее материнство ограничивает возможности построения жизненной стратегии, ведет к утрате многих жизненных перспектив, включая реализацию личностного потенциала девушек, обрекает их на низкий материальный и социальный статус. Позднее понимание последствий беременности и страх толкают несовершеннолетних на криминальные аборты, оставление нежеланных новорожденных (в медицинских учреждениях или эбби-боксах), продажу и даже убийства младенцев (такие случаи освещаются китайскими СМИ). Большинство из перечисленных аспектов требуют внимания со стороны общества и государства, а значит и со стороны специалистов и экспертов.

Каковы же основные причины, способствовавшие достаточно быстрой трансформации сексуальных перцепций и сознания китайских тинэйджеров?

В современном Китае за последние полвека кардинально изменились подходы к взаимоотношениям полов, сексуальности и вопросам репродуктивных прав и здоровья. Еще в первой половине XX в. сексуальные отношения и все, что с ними связано, не являлись темами для обсуждения даже в семейном кругу, согласно конфуцианской традиции основ-

ная цель сексуальных отношений супругов – продолжение рода. Однако в конце 70-х в рамках государственной демографической политики они стали объектами национальных кампаний, направленных на планирование и ограничение рождаемости, на повышение уровня сексуального просвещения населения.

Демографическая политика, поощряющая поздние браки, либерализация взглядов на взаимоотношения полов в целом и на сексуальные отношения в частности, разьединение мотивов создания семьи и рождения детей в последние два десятилетия создали условия формирования в китайском обществе многообразных форм лично-интимных отношений без официального оформления. Позднее вступление в первый брак (в среднем около 27 лет для обоих полов) и толерантное отношение китайцев к добрачным половым связям являются основными причинами роста числа свободных отношений. Молодые поколения китайцев выбирают подобную форму отношений, поскольку она позволяет сохранять личную независимость, избегать ответственности за партнера, особенно в случае нежелательной беременности, и быть сексуально активными уже с подросткового возраста. Особо подчеркнем, что в КНР в настоящее время, согласно Закону КНР о браке, самый высокий в мире брачный возраст – для мужчин 22 года, для женщин 20 лет, тогда как в большинстве стран – 18 лет для обоих полов.

По данным Китайского народного университета, более половины населения считают добрачные сексуальные отношения приемлемыми. После того, как в конце 90-х в КНР внебрачные сексуальные отношения перестали квалифицироваться как «хулиганство», широкое распространение в китайском обществе получила концепция успешности. В ней немаловажную роль играют сексуальная привлекательность и активность, тиражируемые глянцевыми СМИ, про-

дукцией киноиндустрии (американскими молодежными сериалами и фильмами, герои которых, ученики старших классов школ, чувствуют себя некомфортно и порой комплексуют, будучи девственниками и девственницами, предпринимают немислимые усилия, чтобы изменить свой сексуальный статус). Интернет и социальные сети также оказали заметное влияние на формирование новых перцепций сексуальности молодежи, которые значительно отличаются от представлений родителей и более старших поколений. Тем не менее, и в среде последних исследователи фиксируют изменение отношения к добрачным половым отношениям «с презрения на приемлемость» [4].

В 2000-е годы реальностью стала сексуальность любой ценой (одежда, косметика, пластические операции), а сексуальная раскрепощенность превратилась в один из основных критериев популярности и «крутости» среди китайских тинэйджеров, живущих в городах. Подростки часто вступают в сексуальные отношения просто из-за желания «стать взрослым», доказать себе и другим свою самостоятельность, неординарность, испытать новые ощущения и приобрести опыт в неизведанной и столь привлекательной (в силу абсолютной традиционной табуированности для обсуждения в китайской семье) сексуальной сфере и поделиться им с друзьями. Другими причинами ранней сексуальной жизни могут быть давление, сексуальное принуждение или даже насилие со стороны сверстников, старших подростков или взрослых.

Для подростков, в силу возрастных и психологических особенностей, характерны: интенсивность, яркость и неконтролируемость сексуального влечения, обостренное желание познать особенности и возможности своего тела, стремление изведать неизведанное, поэкспериментировать в построении личностных отношений с представителями противоположного пола именно на сексуальной основе.

Необходимо отметить, что более ранняя сексуальная активность связана и с объективно более ранним половым созреванием современных китайских подростков (так, половая зрелость у родившихся до 1949 г. в среднем наступала в 17 лет, в 80-е годы – в 14,5, в 2003 г. – в 13,9 лет, а в последнее десятилетие приблизился к 13 годам [5]).

Иллюстрацией всему сказанному может быть история 14-летней китаянки, которая под влиянием онлайн-игры «面试» («Прослушивание») вступала в краткосрочные сексуальные отношения с мужчинами; она знакомилась с ними в ходе игры, результатом стали две беременности, завершившиеся абортами [6].

Согласно данным комитета по делам здравоохранения и планирования рождаемости КНР, 70 % китайцев имеют сексуальные связи до брака, тогда как в 80-е годы этот показатель составлял всего 16 %. Рост добрачных связей ведет к росту нежелательных беременностей, в том числе и среди подростков. Из 13 млн абортов ежегодно производящихся в стране около половины приходится на женщин возрастной группы до 25 лет, как правило, не состоящих в браке. В Шанхае, где функционирует городская «горячая линия» для женщин, столкнувшихся с проблемой нежелательной беременности, в 2010 г. нежелательная беременность среди подростков составляла 30 %, что в два раза больше по сравнению с 2008–2009 гг. [7].

По материалам шанхайской «горячей линии» поддержки молодежи, около 46 % девушек из 20 тыс., обратившихся за помощью, нашли своих сексуальных партнеров в Интернете, причем из-за беременности большая часть связей прекратилась. 10 % девушек трижды искусственно прерывали беременность [8].

Китайские эксперты и СМИ основной акцент делают на следующих негативных аспектах ранней половой активности подростков:

– ранние сексуальные отношения негативно сказываются на репродуктивных органах, что может привести к травмам, кровотечениям и венерическим инфекционным заболеваниям;

– высок риск ранней беременности и ее неблагоприятных репродуктивных и психических последствий, как и аборта, который может иметь ряд осложнений – кровотечение, перфорация матки, выкидыш и депрессии, что впоследствии может негативным образом сказаться на сексуальной жизни (потеря либидо) в целом и репродуктивных возможностях (бесплодия) в частности;

– под угрозой оказываются обучение и работа, а как следствие, построение успешной карьеры и семейного счастья [9].

Осознание девушкой-подростком факта беременности, как правило, происходит на значительных сроках – около 20 недель, когда ребенок начинает шевелиться, рождает чувство панического страха, ощущения обреченности, беспомощности, одиночества, озлобленности на себя и сексуального партнера, боязни, что тайна станет известна не только сверстникам, но и родителям. Такая реакция, помимо естественного в таком случае эмоционального и психологического стресса, в значительной степени обусловлена еще несколькими факторами: в китайском обществе действует государственная программа ограничения рождаемости, традиционно не принято обсуждать сексуальные темы с родителями, а беременность и рождение вне брака до сих пор считается позором не только для девушки, но и для семьи. Беременность, таким образом, не только разрушает привычный образ жизни подростка (беззаботность, развлечения, встречи с друзьями, увлечения), ставит под угрозу его отношения с родственниками и будущее – получение образования, выстраивание карьеры, мечты о счастливой семейной жизни, но и является серьезным правонаруше-

нием, поскольку рождаемость в КНР регулируется законом «О народонаселении и плановой рождаемости» (2002 г).

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, в мире беременность около 16 млн подростков в возрасте 15–19 лет заканчивается родами, что составляет 11 %, в КНР доля родов в этом возрасте составляет около 2 % [10], что обусловлено жесткой демографической политикой.

В этих непростых обстоятельствах единственно приемлемым решением является избавление от неожиданной и нежелательной беременности, причем в тайне от родителей. По результатам опроса, проведенного в июне 2013 г. совместно газетой Beijing News и НКО Maple Women's Psychological Counseling Center, лишь 37,9 % родителей в Китае разговаривают со своими детьми на интимные темы [11]. Однако, если в РФ решение об искусственном прерывании беременности может принимать девушка старше 15 лет, то в КНР только после 19 лет. До достижения этого возраста для проведения безопасного аборта в китайских клиниках требуется разрешение родителей. Безысходность ситуации, обусловленная ограниченным доступом к получению квалифицированной консультационной и медицинской помощи, заставляет девушек искать нелегальные коммерческие абортарии, прибегать к варварским методам избавления от ребенка – употреблять медикаменты, использовать механические средства, что часто угрожает жизни не только плода, но и самой девушки.

Согласно результатам исследования, проведенного гонконгским социальным центром (Caritas Youth and Community Service) в конце 2000-х годов, беременность большинства девушек 13–17 лет закончилась нелегальным абортом. Девушки не задумываются о последствиях своего решения, им важно в кратчайшие сроки решить возникшую проблему и начать новую жизнь. Они не хотят обсуждать беременность с другими и тем более ставить в известность своих родителей [12].

В условиях рыночной экономики медицинские учреждения Китая принимают во внимание новые тенденции. В Пекине больницы предлагают субсидированные правительством операции по прерыванию беременности, ориентируясь на финансово малообеспеченные слои студентов и молодых мигрантов, стоимость которой составляет около 900 юаней (130 долл. США). Ситуация с подростками в семьях мигрантов осложняется еще и тем, что они, как и их родители, имеют ограниченный доступ к государственным медицинским услугам, в том числе и к услугам центров по планированию семьи и контрацепции, поскольку они привязаны к системе регистрации по месту жительства. Согласно проведенному среди подростков исследованию, в Шанхае 83,1 % мигрантов не применяли контрацептивы, среди городских подростков этот показатель составил 63,6 % [13]. Серьезность проблемы нелегальных аборт подтверждает сделанное в конце 2013 г. Вэй Айминь, депутатом Пекинского совета народных представителей, предложение предоставлять бесплатно услугу по искусственному прерыванию беременности студенткам [14].

В 2012 г. Министерство образования КНР разработало и ввело в программу учебное пособие по психологическому здоровью, кроме этого, существуют и сексуальные образовательные курсы и учебники, освещающие вопросы сексуальных отношений и сексуального здоровья подростков, однако они пока не являются обязательными, поскольку многие китайские школы опасаются негативной реакции родителей учеников [15]. Во многих китайских городах – Пекине, Шанхае, Чунцине и других – функционируют «горячие» телефонные линии, оказывающие психологическую и консультационную помощь несовершеннолетним, столкнувшимся с проблемой нежелательной беременности, повсеместно оказывают консультационные и медицинские услуги центры здоровья матери и ребенка, планирования

семьи и репродукции, выпускаются образовательные анимационные фильмы для детей («Как ты появился на свет» «你从哪儿来的»), короткометражные фильмы (вэйдяньин) для размещения в интернете, освещающие вопросы сексуальности и репродуктивного здоровья.

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в мае 2014 г. на открытии Шанхайского центра охраны здоровья женщин и детей высоко оценил успехи КНР в реализации программы ЦРТ в области снижения детской смертности и всеобщего доступа к репродуктивному здоровью, поставив в качестве задачи обеспечение всех женщин и детей в Китае услугами, которые предоставляет новый центр [16].

В заключение отметим, что за последнее десятилетие Китай добился значительных успехов в области охраны материнского и детского здоровья. Актуальность проблемы и ее социальные последствия обуславливают необходимость разработки новых и дальнейшего совершенствования уже функционирующих государственных программ по профилактике подростковой беременности и раннего материнства, психологической и социальной поддержки несовершеннолетних беременных и юных матерей, оказания этой категории всех необходимых консультационных, образовательных и медицинских услуг. Перечисленные задачи полностью соответствуют программе ЦРТ (цель 5, задача 2 – обеспечить к 2015 году всеобщий доступ к услугам по охране репродуктивного здоровья).

Факторы, способствующие возникновению проблемы подростковой беременности:

– социальные и экономические – ослабление внешнего контроля со стороны государства (либерализации законодательства, политика открытости) и семьи, трансформация и модернизация общественных представлений о взаимоотношении полов, сексуальности в целом, легализация сексуального дискурса, культивирование чувственности и

сексуального желания, коммерциализация сферы интимных отношений, урбанизация и активные миграционные процессы, ограничивающие образовательные возможности и возможности получения в случае ранней беременности необходимых медицинских услуг;

– психологические и физиологические – подражание поведению взрослых, неспособность противостоять давлению со стороны СМИ, зависимость от цифровых технологий, психологическая незрелость, ускорение физиологического развития, снижение возраста сексуального дебюта по сравнению с предшествующими поколениями и рост сексуальной активности несовершеннолетних.

Распространенность и обыденность планирования семьи методом искусственного прерывания беременности обуславливает незначительный уровень использования подростками других методов контрацепции. Высокая доля абортов среди несовершеннолетних во многом является результатом не только проводимой демографической политикой, но и в определенной степени табуированности темы для семейного и публичного обсуждения, пробелами в сексуальном образовании несовершеннолетних и несовершенством системы здравоохранения в области репродуктивного здоровья, особенно подростков-мигрантов.

В этих условиях Китаю необходима национальная стратегия по профилактике подростковой беременности, а значит и ее негативных социальных последствий (бесплодия, торговли детьми, социального сиротства и др.), включающая четыре уровня – государственный (программы по улучшению социального развития), региональный, общественный (негосударственные программы, СМИ, Интернет) и семейный (формирование ответственного сексуального поведения посредством школьного и семейного сексуального образования, совершенствование и расширение услуг медицинских учреждений, центров планирования семьи и социальных центров помощи подросткам).

С нашей точки зрения, целесообразно фокусировать деятельность социальных и медицинских центров на образовательных и консультационных проектах, предоставлении доступа к контрацептивным средствам, общении не только с девочками и девушками, но и с юношами, родителями, средствами массовой информации. Перспективными направлениями работы в области сексуального просвещения «цифрового поколения», с нашей точки зрения, являются образовательные интернет-ресурсы, аниме, комиксы, видеоигры, клипы – именно эти жанры и формы подачи информации самым точным образом отвечают ожиданиям и вкусам молодого поколения китайцев, живущих в виртуальном мире и общающихся в социальных сетях.

К сожалению, и в России проблема подростковой беременности актуальна и требует решений. Бесспорно, опыт и инновационные социальные практики профилактики беременности среди несовершеннолетних и сексуального образования, применяемые в Китае, представляют интерес и заслуживают внимательного изучения, не только исследователями, но и специалистами, принимающими решения в области образования и здравоохранения. Необходим обмен опытом, идеями, выработка стандартов сексуального образования, учитывающих этнические и цивилизационные особенности. Такое сотрудничество будет способствовать реализации Плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере, подписанного в декабре 2012 г., предусматривающего разработку совместных программ по сокращению показателей смертности детей в возрасте до 5 лет, а также снижению показателей материнской смертности (в рамках программы «Цели развития тысячелетия ООН (ЦРТ)»), обмену специалистами, реализации совместных исследовательских проектов, проведению совместных конференций, с участием ведущих ученых двух стран, развитию сотрудничества в области об-

разования и здравоохранения, в том числе между приграничными регионами, создаст условия для формирования новых направлений и моделей взаимодействия России и Китая в гуманитарной сфере.

Список литературы

1. Teen Pregnancies Rise Due to Poor Sex Education [Электронный ресурс]. URL: www.china.org.cn/english/ (дата обращения: 17.12.2014).
2. Li Wei-xiong. Family planning in China [Электронный ресурс]. URL: http://www.medizin-ethik.ch/public/family_planning.htm (дата обращения: 09.11.2014).
3. Цели развития тысячелетия: доклад за 2014 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/pdf/Russian2014.pdf> /с. 31/. (дата обращения: 12.01.2015).
4. Тиан Фенг (Tian Feng). Любовь, брак, семья и половые отношения: современная китайская молодежь // Россия и Китай: молодежь XXI века: монография / отв. ред. М. К. Горшков, Ли Чунлинь [и др.]. М.: Новый хронограф, 2014. С. 232.
5. Lynch D. Move over Mao, today's Chinese revolution is sexual. URL: http://usatoday30.usatoday.com/news/world/2003-09-15-china-sex_x.htm; Dai Y., Fu J., Liang L., Gong C., Xiong F., Luo F., Liu G. and Chen S. Association between obesity and sexual maturation in Chinese children: a multicenter study. URL: <http://www.nature.com/ijo/journal/v38/n10/full/ijo2014116a.html> (дата обращения: 09.01.2015).
6. China blames online games drugs murder teen pregnancy. URL: <http://www.pcworld.com/article/185490/article.html> (дата обращения: 15.12.2014).
7. Frederick T. Cyber love leading to more Chinese teen pregnancies. URL: <http://gbtimes.com/life/cyber-love-leading-more-chinese-teen-pregnancies> (дата обращения: 01.12.2014).
8. Web link to China teen pregnancy. URL: <http://news.bbc.co.uk/stm> (дата обращения: 01.12.2014).
9. Шилю суй мотэ хуайюнь, гоцзао хуайюнь ю насе вэйхай. 16-летняя модель беременна, вред ранней беременности [Электронный ресурс]. URL: <http://baby.sina.com.cn/health/14/2611/2014-11-27/> (дата обращения: 11.01.2015).
10. Adolescent pregnancy. URL: http://www.who.int/maternal_child_adolescent/topics/maternal/adolescent_pregnancy/en/ (дата обращения: 08.12.2014).
11. Мультфильмы как первая попытка сексуального просвещения китайских детей [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.gbtimes.com/zhizn/multfilmly-kak-pervaya-popytka-seksualnogo-prosveshcheniya-kitayskih-detey> (дата обращения: 15.10.2014).

12. Chan M. Teenagers in Trouble. URL:<http://www.scmp.com/article/627056/teenagers-trouble> (дата обращения: 15.10.2014).

13. Will R. Contraceptive Use In China. URL: <http://www.uschina.usc.edu/> (дата обращения: 12.01.2015).

14. Beijing legislator proposes free abortions for students.
URL: <http://gbtimes.com/china/beijing-legislator-proposes-free-abortions-students> (дата обращения: 15.05.2014).

15. Probert A. Rise in abortions shocks Chinese authorities. URL: <http://gbtimes.com/life/rise-abortions-shocks-chinese-authorities> (дата обращения: 01.12.2014).

16. Activities of Secretary-General in China, 18–22 May. URL: <http://www.un.org/press/en/2014/sgt2960.doc.htm> (дата обращения: 12.01.2015).

УДК 339.5

Филипп Владимирович Семёнов

социолог, отдел региональных экономических исследований

Бурятский научный центр

Сибирского отделения Российской академии наук

E-mail: orei.bnc@mail.ru

Институт экономики и управления,

Бурятский государственный университет

E-mail: ier-bsu@mail.ru

Николай Иванович Атанов

д-р экон. наук, профессор, научный руководитель

Институт экономики и управления,

Бурятский государственный университет

E-mail: ier-bsu@mail.ru

Пилотная зона свободной торговли в Шанхае: опыт, полезный для России

В статье рассмотрен опыт работы Пилотной зоны свободной торговли в Шанхае, изучены ее особенности и преимущественные условия для иностранных инвесторов. Авторы предлагают учесть этот опыт при создании схожих по содержанию зон свободной торговли и территорий опережающего развития в России.

Ключевые слова: Пилотная зона свободной торговли в Шанхае, Китай, Шанхай, иностранные инвестиции, международная торговля.

Philip Vladimirovich Semenov

*Sociologist, Department of Regional Economic Studies of the Buryat
Scientific Center;*

Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

E-mail: orei.bnc@mail.ru

Institute of Economics and Management,

Buryat State University

E-mail: ier-bsu@mail.ru

Nikolai Ivanovich Atanov

Doctor of Science in Economics, Professor;

Scientific Director

Institute of Economics and Management,

Buryat State University

E-mail: ier-bsu@mail.ru

Pilot Free Trade Zone in Shanghai: Best Practices for Russia

The paper addresses the work of the China (Shanghai) Pilot Free Trade Zone. The authors examine its specific characteristics and benefits for foreign investors. The authors propose to consider this experience when creating similar in content free trade zones and “Territories of Accelerated Development” in Russia.

Keywords: The China (Shanghai) Pilot Free Trade Zone, China, Shanghai, foreign investment, international trade

1. Предпосылки создания Пилотной зоны свободной торговли в Шанхае.

В сентябре 2015 г. исполнится два года с момента открытия Пилотной зоны свободной торговли в Шанхае – важнейшего эксперимента Китая в сфере внешней торговли и инвестиций в новом столетии. Еще рано судить о том, насколько успешен этот проект, однако для лучшего понимания направлений и возможностей развития торгово-экономического сотрудничества Российской Федерации с Китаем в условиях сложившейся внешнеполитической и экономической конъюнктуры анализ работы пилотной зоны дает основание для рекомендаций по использованию этого опыта при создании подобных по содержанию зон

свободной торговли и территорий опережающего развития на граничащих с Китаем территориях России, в частности, в Забайкалье.

Предпосылками к созданию зоны свободной торговли в Шанхае стали следующие внешние обстоятельства. Во-первых, несмотря на то, что Китай добился значительных экономических успехов в результате реформ и политики «открытых дверей», экономика страны все еще недостаточно адаптировалась к глобальной системе свободного рынка. Как показывает анализ 12-го пятилетнего плана КНР (2011–2015 гг.), акцент поставлен не на количественный, а на «качественный рост», в том числе путем более полного «открытия» прибрежных регионов, развития сферы услуг (финансовых, логистических, социальных и т. д.), увеличения объема международной торговли и привлечения иностранных инвестиций, прежде всего, в сектор услуг.

Во-вторых, в настоящее время США активно продвигают идею создания Транс-Тихоокеанского партнерства (далее – ТТП), о чем говорил президент США Барак Обама на саммите АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. Целью партнерства является создание зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что повлечет за собой принятие новых правил глобальной торговли и инвестиций не только в АТР, но и во всем мире. Более того, существует вероятность возникновения в рамках ТТП стратегического союза тихоокеанских стран во главе с США путем постепенного создания военно-политических альянсов в дополнение к экономическим соглашениям. В свете того, что некоторые из правил ТТП будут, несомненно, не вписываться в торгово-экономические интересы Китая, перед ним стоит первостепенная задача – предложить свои собственные организационные формы, условия и инструменты для поднятия международной торговли и инвестиций на новый уровень и предпринять дальнейшие шаги к большей

открытости. В качестве одного из таких шагов и является создание Пилотной зоны свободной торговли в Шанхае (далее – ШЗСТ).

Открыта ШЗСТ указом Государственного совета КНР в сентябре 2013 г. при деятельной поддержке премьер-министра Госсовета Ли Кэцзяна. Основными задачами этой инициативы является следующее:

1. Предоставить властям Китая возможности изучения и апробации путей дальнейших экономических реформ.

2. Протестировать новые модели управления инвестициями и торгово-экономическими отношениями.

3. Протестировать систему «негативного списка», в рамках которой инвесторы не могут инвестировать в указанные в списке сегменты отраслей (при прошлой системе инвесторы не могли вкладываться в неутвержденные отрасли).

4. Улучшить процесс регистрации и утверждения инвестпроектов для иностранных инвесторов.

5. Сформировать регулятивную систему для трансграничной торговли и инвестиций в соответствии с международными нормативно-правовыми требованиями и действующей практикой.

6. Способствовать дальнейшему «открытию» экономики страны.

2. Структура ШЗСТ и механизмы благоприятствования торговли.

Имея площадь 29 км², ШЗСТ состоит из четырех особых зон – специальной зоны таможенного контроля Вайгаоцяо, логистического парка Вайгаоцяо, порта специального таможенного контроля Яншань и комплексной таможенной зоны Шанхайского аэропорта Пудун. Неслучайно ШЗСТ названа пилотной – она является первым подобным проектом по более глубокой либерализации торговли и инвестиций, опыт которого может быть использован в других

регионах Китая, в первую очередь, в Шеньчжене, Даляне, Тяньцзине. Выбор Шанхая для создания ШЗСТ также неслучаен. В 12-м пятилетнем плане прописана «дальнейшая интернализация Шанхая в качестве центра финансов, судоходства и торговли» [1]. Шанхай исторически находился на передовой линии экономических экспериментов КНР и за годы стремительного развития экономики страны превратился в один из лидирующих промышленных, финансовых и логистических центров Восточной Азии. Создавалась ШЗСТ не на пустом месте – первая в Китае зона особого таможенного контроля была создана в районе Шанхая Вайгаоцяо в 1990 г. В 2003 г. создан логистический парк Вайгаоцяо. В 2005 г. создан первый в Китае порт специального таможенного контроля Яншань, а в 2009 г. – свободная таможенная зона Шанхайского аэропорта. Также в 2009 г. создается Управление свободными зонами торговли Шанхая для руководства работой трех из этих территорий (кроме аэропорта Пудун).

На первый взгляд, кажется, что, поскольку все слагаемые ШЗСТ уже созданы и действуют, новое образование выполняет надстроечную функцию по координации самостоятельно действующих особых зон. Это так, но, в отличие от существующих китайских зон свободной торговли, ШЗСТ использует новые механизмы управления и регулирования инвестициями и международной торговлей, а не простое привлечение инвестиций с помощью налоговых и таможенных льгот. В ШЗСТ основное внимание уделяется сфере услуг, а не промышленному производству, как в традиционных для Китая свободных экономических зонах. Наконец, в ШЗСТ используется уникальный для Китая подход с применением «негативного списка» отраслей, закрытых для иностранного капитала.

Одной из важнейших мер развития международной торговли и инвестиций в ШЗСТ является наделение компаний с иностранными инвестициями, открывающимися

в этой зоне, статусом наибольшего благоприятствования. Для этого деятельность компаний не должна входить в «негативный список», в который включены области и отрасли, в которые инвесторы не могут инвестировать. Цель «негативного списка» заключается в создании прозрачных правил для инвесторов, направленных как на повышение эффективности капиталовложений, так и на искоренение коррупции. В отраслях, не включенных в «негативный список», для иностранных инвесторов предоставлена полная свобода действий в рамках действующего законодательства.

Инвестиционные проекты и компании с иностранным капиталом в ШЗСТ можно регистрировать в уведомительном порядке в режиме онлайн по принципу «одного окна» и решение об их регистрации принимается в течение 10 дней. Компании, работающие в ШЗСТ, должны предоставлять только годовой отчет в электронной форме, вместо постоянных проверок со стороны налоговых и других контролирующих органов, как это было в прошлом.

Для содействия торговли в ШЗСТ упрощены таможенные процедуры в соответствии с принципом «одна декларация, одна инспекция, одна таможенная очистка» [2]. Импортируемые товары могут проходить таможенную очистку непосредственно в порту прибытия. Сокращен период карантина для импортируемых животных с 28 до 7 дней. Отменены предотгрузочные инспекционные проверки для бывшей в употреблении механической и электронной продукции и т. д.

В ШЗСТ большое внимание уделяется финансовым институтам и капиталовложениям. Так, смягчены требования, касающиеся капиталовложений компаний. Компании в ШЗСТ могут использовать выпущенный по подписке акционерный капитал вместо оплаченного капитала. Акционеры вправе самостоятельно определять объем,

структуру и временные ограничения обязательных к вложению средств. Китайские и иностранные банки, а также компании по управлению активами могут открывать свои отделения в ШЗСТ. Крупные корпорации могут создавать свои кредитные организации по авто- и потребительскому кредитованию.

В ШЗСТ для иностранных инвесторов открыты шесть секторов сферы услуг: финансовые услуги, судоходство, торговля, в том числе электронная (онлайн) международная торговля, а также профессиональные, культурные и социальные услуги. В ШЗСТ применяются новые правила для сектора финансовых услуг, такие как свободная конвертация юаня, либерализация процентных ставок и использование юаней в трансграничной торговле. Также разрешены неограниченные переводы средств между банками в ШЗСТ и офшорными счетами. Более того, в ШЗСТ иностранные инвесторы могут открывать медицинские учреждения и компании по управлению морскими перевозками, а совместно с китайскими партнерами создавать образовательные учреждения, консалтинговые и туристические компании и т. д. [3]. На сентябрь 2014 г. в ШЗСТ открыто 12260 компаний, 13,7 % из которых являются иностранными [4]. С большой долей вероятности можно предполагать, что все финансовые и кредитные новации имеют своей целью постепенное выдвигание юаня в качестве региональной валюты, а в последующем – наделение его еще более высоким статусом.

3. Управление ШЗСТ.

Работой ШЗСТ управляет Административный комитет, выполняющий следующие функции [5]:

1. Реализация плана развития и создание системы управления.
2. Управление инвестициями, торговлей, финансовыми услугами, землеустройством, транспортом, озеленени-

ем и городским хозяйством, экологией, кадрами, интеллектуальной собственностью, статистикой, жильем, коммунальными вопросами и т. д.

3. Управление работой департаментов (промышленности, торговли, качества и контроля, налогов, общественной безопасности, финансов, таможни, морского движения, пограничного контроля и т. д.).

4. Контроль за соблюдением антимонопольного законодательства.

5. Руководство строительными работами.

6. Информирование и консультации для компаний.

4. Полезность опыта работы ШЗСТ в российской практике трансграничного сотрудничества.

Чем же может быть полезен опыт ШЗСТ для развития приграничных территорий России и Забайкалья, в частности? В январе-октябре 2014 г. внешнеторговый оборот России с Китаем составил 74,5 млрд долл. США, в том числе экспорт 31,8 и импорт 42,7 млрд долл. Доля Китая во внешнеторговом обороте России составила 11,2 %. По сравнению с аналогичным периодом 2013 г. российско-китайский торговый оборот увеличился на 3 % [6]. В рейтинге 20 основных торговых партнеров Китая в 2013 г. Россия заняла только 10-е место. Китай заключил 12 соглашений о свободной торговле с 20 странами, однако Россия не входит в список этих стран. В октябре 2014 г. Банк России заключил валютный своп с ЦБ Китая на три года общим объемом в 150 млрд юаней. Целью является создание условий для развития двусторонней торговли и взаимных инвестиций без посредничества американского доллара. Данные статистики указывают на значительный резерв в развитии торгово-экономических отношений России с Китаем с взаиморасчетами в рублях и юанях.

Одной из шанхайских договоренностей России и Китая (май 2014 г.) является гармонизация (выравнивание)

социально-экономического развития приграничных территорий. В этом плане у российской стороны гораздо больше задач, чем у китайской. В рамках данной договоренности, а также для успешной реализации совместной Программы 2018 (по сотрудничеству Дальнего Востока и Восточной Сибири России с северо-восточными провинциями Китая) возможен массивный приход в Россию китайских инвесторов. Какова степень готовности сибирских и дальневосточных территорий для обеспечения национальной и экономической безопасности и эффективного размещения иностранных инвестиций для развития производительных сил Востока России?

Следует признать неготовность регионов Сибири и Дальнего Востока к масштабному приходу китайских инвесторов. Существует риск продажи отечественными предпринимателями активов своего бизнеса (полностью или частично) китайским инвесторам, итогом которого может стать угроза для экономической безопасности региона. Необходимо разработать механизм предупреждения таких действий, а также проникновения на территорию России иностранного теневого и криминального бизнеса.

В свете изложенного представляется, что из опыта работы ШЗСТ возможно использование инструмента «негативного списка» при создании российских зон свободной торговли и территорий опережающего развития (далее – ТОРов). Необходимо изучить возможность законодательного закрепления секторов экономики и сфер деятельности на территории России, запрещающих иностранное участие – в одних случаях, имеющих ограниченный доступ – в других, и предоставляющих полную свободу действий для иностранных инвесторов и компаний – в третьих.

Необходимо подготовить список инвестиционных проектов и сопутствующих нормативно-правовых обоснований с их приоритизацией по последовательности включения в работу в российских ЗСТ и ТОРах. Для Забайкалья

и Республики Бурятия, в частности, таким приоритетным проектом может стать фармацевтический кластер для развития интегративной медицины. При создании фарм-кластера необходимо учитывать опыт использования «негативного списка» в ШЗСТ, где производством лекарственных растений и препаратов могут заниматься только совместные предприятия. Наконец, необходимо, по примеру ШЗСТ, создать благоприятный режим общественного порядка, гарантирующий личную безопасность и комфортные условия жизни для иностранных инвесторов на территории республики, края, области.

Опыт ШЗСТ представляет для российских акторов некий образец для подготовки и применения как процессуальных регламентов, так и управленческих решений по всему спектру обеспечения эффективной работы ЗСТ и ТОРов и сохранения интересов экономической и в целом национальной безопасности.

Список литературы

1. 12-й пятилетний план (2011–2015) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.britishchamber.cn/content/chinas-twelfth-five-year-plan-2011-2015-full-english-version> (дата обращения: 05.11.2014).
2. Интерпретация мер по управлению Китайской (Шанхайской) пилотной зоны свободной торговли [Электронный ресурс]. URL: <http://en.shftz.gov.cn/Government-affairs/Laws/General/> (дата обращения: 10.12.2014).
3. Китайская (Шанхайская) пилотная зона свободной торговли [Электронный ресурс]. URL: <http://www.china-shftz.gov.cn/> (дата обращения: 15.09.2014).
4. Китайская (Шанхайская) пилотная зона свободной торговли [Электронный ресурс]. URL: <http://en.shftz.gov.cn/News-Information/News-update/> (дата обращения: 30.09.2014).
5. Рамочный план для Китайской (Шанхайской) пилотной зоны свободной торговли [Электронный ресурс]. URL: <http://en.china-shftz.gov.cn/Government-affairs/Laws/> (дата обращения: 17.12.2014).

6. Федеральная таможенная служба Российской Федерации. Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам за январь-октябрь 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.customs.ru/index2>. (дата обращения: 10.12.2014).

УДК 327.8

Ольга Анатольевна Симоненко

канд. полит. наук

доцент кафедры социологии, политологии и регионоведения

Тихоокеанский государственный университет

E-mail: oa.simonenko3000@yandex.ru

КНР в современном мире: поиск стабильности в турбулентной среде

В статье рассматриваются основания и перспективы развития российско-китайских отношений в условиях геополитических осложнений и общего кризиса мирового порядка. Несмотря на близкие подходы к оценке основных международных событий, практические шаги КНР демонстрируют стремление к использованию российских ресурсов и конкуренции в большей степени, чем к реализации совместных взаимовыгодных проектов. Для построения подлинно прочных отношений с Китаем России необходимы не старые идеологемы, а новые экономические инструменты.

Ключевые слова: кризис мирового порядка, информационное поле России и Китая, российско-китайские отношения, новая позиция китайской дипломатии, «азиатско-тихоокеанская мечта».

Olga Anatolievna Simonenko

Candidate of Political Sciences

Associate Professor at the Department of Sociology,

Political Science and Regional Studies

Pacific National University

E-mail: oa.simonenko3000@yandex.ru

China in the Modern World: the Search for Stability in a Turbulent Environment

The article considers the basis and perspectives of development of Russian-Chinese relations in terms of geopolitical complications and the general crisis of world order. In spite of similar approaches to the assessment of major international events, practical steps of PRC demonstrate a commitment

to the use of application of Russian resources and competition to a greater extent than to the implementation of mutually beneficial projects. To build a truly strong-relations with China, Russia needs not the old ideologemes, but the new economic instruments.

Keywords: the crisis of the world order, the information field of Russia and China, Russian-Chinese relations, a new position of Chinese diplomacy, «the Asia-Pacific dream».

Тревожные события, вплетенные в полотно международных отношений в 2014 году, заставляют вновь обратить внимание политиков, бизнесменов и общества в целом на очередную трансформацию мирового порядка, происходящую на наших глазах.

Конечно, наиболее явной приметой времени стала нестабильность на финансовых и энергетических рынках. Однако, возможно, более серьезная проблема заключается в коллапсе модели партнерских отношений России и Запада, складывавшейся в постсоветский период титаническими усилиями обеих сторон и представлявшей, по крайней мере для российской стороны, безусловную ценность. Запад же непрерывно укорял Россию в неправильном понимании ценностей демократии и прав человека.

Нельзя сказать, что радикальная реакция Запада на российскую внутреннюю и внешнюю политику совершенно неожиданна. Но именно столь однозначно выраженная неприязнь заставляет искать опору в другой части света, вновь актуализируя ставший уже привычным тренд на укрепление отношений с Китаем, где объем национального производства превысил, согласно отчету МВФ [1], соответствующий показатель США, что представляет позицию государства, как основного координатора всех политико-экономических событий в КНР, устойчивой и надежной.

С одной стороны, мы имеем официальные заверения в вечной дружбе и добрососедских отношениях, часто с использованием риторики, политической эмблематики и официозных мероприятий в советском стиле. С другой сто-

роны, китайское руководство трудно заподозрить в том, что оно будет думать об учете чьих-либо интересов в ущерб собственной безопасности, как политической, так и экономической. Зато оно гораздо менее придирчиво в отношении ценностных коннотаций своих партнеров.

В конце года китайское информационное агентство «Синьхуа» традиционно выпускает обзоры, в которых подводит итоги и рассказывает о произошедших главных событиях. Список 2014 года, имеющий хронологический, а не рейтинговый характер, важен для россиян, поскольку позволяет, во-первых, обрисовать круг международных событий, которые в КНР следует считать наиболее значимыми, во-вторых, уточнить позицию китайского руководства по представленным проблемам, и наконец, сравнить имеющиеся данные с оценками российских информационных агентств ТАСС [2] и «Россия сегодня» [3], то есть в значительной степени соотнести версии событий китайской и российской сторон.

Считаем возможным проводить сравнение позиций названных информационных агентств, поскольку все они являются официальными государственными предприятиями и не только представляют собой крупнейшие центры информации в своих странах, но и используют свой статус для трансляции информационных продуктов, максимально приближенных к официально одобренным.

Признавая очевидным, что указанные источники не охватывают весь спектр позиций и секьюритизации, т. е. оценки степени значимости проблем, и, учитывая, что они неоднозначно коррелируют с общественным мнением, вынуждены оставить анализ этих связей для другого исследования.

Первое событие по версии Синьхуа [4] – бальзам на душу патриотично настроенных россиян. Речь идет о визите Си Цзиньпина в Олимпийский Сочи, правда, для Китая более важным оказался не триумф национальной сборной

России и не восхищение грандиозностью построенных объектов. Эти темы и даже примерно в тех же выражениях в изобилии присутствовали в китайской прессе применительно к реалиям Пекина-2008. Такие символические проекты представляются более значимыми «для внутреннего употребления», поскольку в стабильное время создают почву для дискуссий и генерируют общественную активность в патриотическом ключе.

Зимняя Олимпиада в России стала для Председателя КНР началом дипломатической деятельности. На протяжении года столь частые прежде обращения к 28 иероглифам Дэн Сяопина, в которых постулировался отказ Китая от лидирующей роли в решении глобальных проблем, практически прекратили использоваться. Конечно, необходимость обеспечить приемлемый уровень жизни для каждого гражданина Китая сохраняется, но это уже не рассматривается как повод для отказа от участия в решении глобальных проблем. В 2014 году Си Цзиньпин посетил все континенты, смоделировав «новый стиль и новую позицию китайской дипломатии», приоритетом для которых становится установление партнерских отношений, которые, по мнению главы МИД КНР Ван И, существенно отличаются от заключения союзов и создания военных блоков. Россия в дипломатических оценках является одной из «больших держав», с которой сохраняются «отношения стратегического партнерства и сотрудничества» [5]. Таким образом, статус РФ высок в числе прочих приоритетов, но не исключителен.

Второе событие в ряду важнейших – распространение африкаского вируса Эбола и борьба с ним, – с одной стороны, не имеет прямого отношения ни к РФ, ни к КНР, но не может быть проигнорировано сторонами. Репортажи обоюдно подчеркивают значение национальных усилий и особую роль каждой державы в плане затраченных материальных и интеллектуальных ресурсов.

Далее следует блок событий под уже идиоматическим заголовком «Украинский кризис». России необходим союзник, который оказал бы если не материальную (инвестиционную), то политическую (идеологическую) поддержку. Китай по своим масштабам и влиянию в мире хорошо бы подошел для этой роли, если бы был готов ее сыграть. Однако именно в этом принципиальном вопросе КНР проявляет абсолютную сдержанность.

Особая проблема – отношение КНР к присоединению Крыма к РФ, проявившаяся в том, что Китай воздержался от голосования по американскому проекту резолюции Совета Безопасности ООН. Как констатирует китайская газета «Хуаньцю шибао» от 17.03.2014, «...этот шаг ясно показывает позицию КНР. Он отражает принципиальное уважение правительства Китая к суверенитету и территориальной целостности любой страны мира, однако в то же время напоминает всем, что крымские события разворачиваются не беспричинно» [6]. Понятно, что территориальный вопрос для самого Китая крайне болезненен из-за отделения Тайваня, что де-факто признано многими государствами, а также проблемного статуса многих других островов, которые Китай длительное время делит со своими соседями. Впрочем, в Пекине признают принципиальные различия между крымским вопросом и сепаратизмом в Китае.

Вероятно, есть и другое основание для демонстративной сдержанности: отношения с Америкой и Европой также открывают для Китая новые перспективы, от которых Пекину нет смысла отворачиваться.

С украинским кризисом связан также один из трагических инцидентов с малайзийскими самолетами, причины которого официально не объясняются китайским агентством, тем не менее, этот эпизод (и другие, связанные с исчезновением самолетов и катастрофой южнокорейского парома) присутствует в числе важнейших событий года.

Однако в отношении активизации деятельности «Исламского государства» позиция КНР однозначна и виновник определен – в этом качестве упоминаются страны Запада, чье попустительство сделало возможным широко-масштабную террористическую деятельность.

Нужно сказать, что проблемы исламизма и терроризма, особенно при их сочетании, рассматриваются в Китае в контексте обеспечения национальной безопасности, а задача поддержания стабильности в Синьцзяне по-прежнему остается нерешенной [7]. Шанхайская организация сотрудничества создала определенные предпосылки для взаимодействия России и Китая в противостоянии терроризму [8], [9]. Также близки позиции РФ и КНР в вопросе о том, что нечеткость понятий позволяет иногда относить общественные движения и целые страны к террористическим организациям, оставляя другие без внимания и осуждения [10].

Следующие в списке Синьхуа – беспорядки в Фергусоне – рассматриваются как ошибка внутренней политики США и проявление внутринационального кризиса. Стоит заметить, что проблемы несправедливой социальной стратификации и межэтнической неприязни характерны для многонационального и экономически неоднородного Китая в меньшей степени [11], но их проявление, конечно, не столь масштабно. Здесь можно видеть заслугу коммунистического режима, который (если забыть о свободе слова и правах человека) играет в этом отношении положительную роль, не столько сдерживая недовольство, сколько направляя его на конкретные обстоятельства и личности, не позволяя развиваться политически значимым обобщениям.

Осторожные комментарии дает Синьхуа применительно к двум дипломатическим событиям. В первую очередь, имеется в виду относительная нормализация отношений КНР и Японии, подкрепленная на встрече Си Цзинпина и Синдзо Абэ в Китае во время проведения неофициальной встречи глав экономик АТЭС. На фоне истерии двусто-

ронных претензий недавнего прошлого хочется надеяться на большую толерантность. Во-вторых, – частичный пересмотр США политики изоляции в отношении Кубы.

Последний факт рассматривается Пекином как признание неудачи и бесперспективности санкционной политики США. Официально РФ также приветствовала эти шаги, однако, время, выбранное для их осуществления в сложившемся геополитическом контексте, заставляет предполагать попытку ослабить влияние России в Вест-Индии и потому вряд ли может вызвать сознательную радость.

В качестве эпохальных рассматриваются предложенные Китаем в 2014 г. инициативы об «экономическом поясе Шелкового пути» и «морском Шелковом пути XXI века» – проекте расширения объема грузоперевозок между Азией и Европой.

Несмотря на большую протяженность и определенные риски по обеспечению безопасности транзита через нестабильные зоны Азии, инициатива КНР вызывает явный, хотя и настороженный интерес у руководителей государств, которым предписывается роль логистических посредников. К. Л. Сыроежкин сомневается в благородстве китайских мотивов в отношении сопредельных государств и называет попытку завязать экономический пояс на Шелковом пути новой версией непринятой РФ и центральноазиатскими странами концепции зоны свободной торговли на пространстве ШОС [12].

Новый Шелковый путь предполагается провести в обход России, таким образом он создаст конкуренцию Северному морскому пути. Как считают российские эксперты, нужно стимулировать крупный бизнес к финансированию строительства современных ледоколов и созданию собственных ледокольных флотов [13]. Очевидно, необходимы и иностранные инвесторы, но кто может выступить в качестве надежных внешнеэкономических партнеров,

особенно, если Китай предложит привлекательные условия при реализации своего проекта? На наш взгляд, в России сейчас уделяется недостаточное внимание новым транспортным проектам КНР, при том что они вторгаются в сферу прямых геополитических интересов России.

Между тем, столь пышно превозносимые в России энергетические контракты и другие коммерческие соглашения, подписанные в ходе визита В. Путина в Китай, в итоговых списках Синьхуа даже не упоминаются. В начале 2014 года А. Габуев говорил о том, что «сырьевой разворот в сторону Китая потребует не только диверсификации контактов в Азии для хеджирования рисков, но и возобновления более тесных отношений с Европой» [14]. С этим утверждением трудно спорить, однако обострение международной обстановки не позволяет рассчитывать на практическое выполнение данной рекомендации.

Есть ли место России в новой инициативе Си Цзиньпина об осуществлении «азиатско-тихоокеанской мечты», представленной во время саммита АТЭС в Пекине? Нет однозначных оснований дать положительный ответ на данный вопрос. В действительности, ни для одной из экономик АТР Россия не является ведущим партнером во внешней торговле. Сложно утверждать, что в ближайшие десятилетия, и тем более в дальнейшем, Китай останется союзником России [15].

С другой стороны, нет причин считать, что китайское руководство готово предпринимать сознательные действия по ослаблению России, тем более что в этом нет практической необходимости. В действительности такова позиция Китая в отношении любого государства: экономическая выгода прежде всего и разговоры об особых отношениях можно, пожалуй, рассматривать как способ позволить собеседнику «сохранить лицо». При этом нельзя допустить, чтобы более слабый партнер получил значительные преференции

за счет Китая. Как отмечает М. Л. Титаренко, «Китай в своей истории на такой ущерб практически никогда не шел» [16].

В отличие от Советского Союза в годы своего расцвета, Китай не намерен поддерживать экономику другого государства на основании идеологической близости и братских чувств (довольно зыбких в исторической перспективе). Политическая поддержка или хотя бы нейтралитет логичны со стороны КНР в тех вопросах, что выгодны самому Китаю или не требуют прямых действий с его стороны, которые могли бы вызвать конфронтационную активность других государств. Таким образом, чтобы вызвать инвестиционный интерес к себе и получить реальную возможность рассматривать Китай в качестве равноправного партнера в преодолении последствий западных санкций, России необходим экономический инструментарий, который на протяжении всего постсоветского периода не удалось разработать.

Список литературы

1. Китай впервые превзошёл США по темпам экономического роста // Chaspik Newspaper. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chaspik.spb.ru/money/kitaj-vpervye-prevzoshyol-ssha-po-tempam> (дата обращения: 13.01.2015).
2. Международная панорама // ТАСС. Информационное агентство России [Электронный ресурс]. URL: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama> (дата обращения: 10.01.2015).
3. Главные мировые события 2014 года. Что перейдет в год следующий? // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://rian.com.ua/analytics/> (дата обращения: 10.01.2015).
4. Десять важнейших мировых событий 2014 года по версии агентства Синьхуа // Институт Дальнего Востока РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifes-ras.ru/center-doc-news> (дата обращения: 10.01.2015).
5. Ван И. Итоги 2014: успешный год для китайской дипломатии // inoСМИ.ru. Все, что достойно перевода [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/foreast> (дата обращения: 13.01.2015).
6. Голосование в ООН: Китай воздержался, и в этом его позиция // inoСМИ.ru. Все, что достойно перевода [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/> (дата обращения: 6.11.14).

7. Общественная стабильность и долговременные порядок и спокойствие – опоры в работе в Синьцзяне // Институт Дальнего Востока РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifes-ras.ru/center-doc-news/> (дата обращения: 13.01.2015).
8. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. 15.06.2001 // Дипломатический вестник. 2002. № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/ (дата обращения: 14.01.2015).
9. Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества от 07.06.2002 «О региональной антитеррористической структуре» // Правовая консультационная служба «Закон прост!» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakonprost.ru/> (дата обращения: 14.01.2015).
10. Васильев Л. Е. Российско-китайское сотрудничество в борьбе против терроризма // Китай в мировой и региональной политике. История и современность: Выпуск XIX: ежегодное издание / сост., отв. ред. Е. И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 93–103.
11. В Китае растет социальная напряженность // Chaspik Newspaper [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chaspik.spb.ru/world/v-kitae-rastet-socialnaya-napryazhennost/> (дата обращения: 13.01.2015).
12. Сыроежкин К. С. Концепция формирования «экономического пояса на Шелковом пути»: проблемы и перспективы // Казахстан в глобальных процессах. 2014. № 1. С. 54–64.
13. Арапова Е. Морской Шелковый путь XXI века не выгоден России // МГИМО (У) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document/250957.phtml> (дата обращения: 13.01.2015).
14. Габуев А. Работа над успехами. Куда повернется российская внешняя политика // Коммерсант. 2014. 13 января [Электронный ресурс]. URL: <http://kommersant.ru/doc/> (дата обращения: 03.01.2015).
15. Чечевишников А. Восточный вектор российской политики и перспективы развития Дальнего Востока Сибири // Международные процессы. 2014. Т. 12. № 1–2 (36–37). С. 51–75.
16. Титаренко М. Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ФОРУМ, 2012. С. 79.

УДК 340.158

Павел Владимирович Трощинский

канд. юрид. наук, ведущий научный сотрудник

Институт Дальнего Востока РАН

E-mail: troshc@mail.ru

Влияние доктрины

«управление государством на основе закона» на правовую систему современного Китая

Статья посвящена исследованию влияния известной политико-правовой доктрины на современное право и законодательство КНР. Анализируются взаимосвязь между последними партийными решениями и принятыми китайским парламентом законами, формирующими правовую систему страны.

Ключевые слова: Китай, право, правовая система, законодательство, партия, социализм.

Pavel Vladimirovich Troshchinskiy

Ph.D in Law, Scientist

Institute of Far Eastern Studies of RAS

E-mail: troshc@mail.ru

The Influence of the Doctrine «Administration of the State, Based on the Law» on the Legal System of Modern China

This article is devoted to the influence of the well-known political and legal doctrine to the modern law and legislation of the PRC. Analyzed the relationship between the last party decisions and adopted by Chinese Parliament laws, that forming the legal system of the country.

Keywords: China, law, legal system, legislation, party, socialism.

Одной из характерных особенностей правовой системы КНР является высокая степень влияния правящей партии на формирование принимаемого в государстве законодательства. Партийные решения определяют вектор развития китайского права, закладывают основу правового строительства в стране. Известная современному Китаю правовая доктрина «управление государством на основе закона» (依法治国) была сформулирована еще на XV съезде Коммунистической партии Китая (далее – КПК), проходив-

шем в Пекине с 12 по 18 сентября 1997 г. Тогда была заложена основа будущей законодательной политики Китая на многие десятилетия вперед. В марте 1999 г. термин «управление государством на основе закона» в результате принятых поправок был внесен в действующую Конституцию КНР (13-я Поправка). Авторитетный отечественный ученый Л. М. Гудошников в связи с этим писал: «Такое изменение закономерно в связи с быстрым нарастанием в стране большого пласта разнообразных правовых норм. Реформа права считается в КНР важным направлением политической реформы и в известной мере вместе с административной реформой заменяют политическую реформу, т. к. политические институты практически не реформируются» [1].

В ноябре 2002 г. указанная концепция стала одной из задач построения в Китае «общества малого благоденствия» (小康社会) («сяокан» – иначе «среднезажиточное общество»). В октябре 2007 г. правящей партией была подчеркнута особая важность доктрины «управление государством на основе закона» для успешного построения социалистического правового государства (社会主义法治国家).

На прошедшем в 2012 г. XVIII съезде КПК была подтверждена важная роль Права и Закона в жизни китайского общества. Руководством партии подчеркнута необходимость продвижения курса на построение социалистического правового государства, усиления конституционного принципа равенства всех перед лицом закона, активизации усилий по искоренению коррупционных явлений в партийно-государственном аппарате. Генеральным секретарем Ху Цзиньтао было сделано важное заявление, согласно которому КПК будет способствовать «всестороннему стимулированию управления государством на основе закона», признано, что «верховенство закона является основой управления государством и политикой». Китайский лидер также заявил о необходимости «стимулирования научного правотворчества, строгого исполнения закона, соблюдения закона все-

ми судебными органами и гражданами, строгого равенства всех перед законом, гарантирования деятельности в соответствии с законом, строгого исполнения закона, привлечения к ответственности за нарушение закона» [2].

В ноябре 2013 г. на 3-м Пленуме ЦК КПК 18-го созыва заявлено о построении правового Китая. Главным вопросом повестки прошедшего в октябре 2014 г. 4-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва стала рассматриваемая политико-правовая доктрина [3]. Впервые в истории Китая правовой проблематике было уделено столь много внимания. По результатам доклада Председателя КНР Си Цзиньпина на Пленуме принято Постановление ЦК КПК «О некоторых важных вопросах всестороннего стимулирования управления государством на основе закона» [4], что предопределило появление в правовой системе КНР в конце 2014 г. некоторых новых актов правотворчества, разработку и подготовку к принятию целого ряда других важных для страны законов в ближайшем будущем.

Постановление представляет собой достаточно объемный документ, состоящий из 17 тыс. иероглифов, и делится на 7 составных частей: продолжение движения по социалистическому правовому пути с китайской спецификой и построение социалистической правовой системы с китайской спецификой; совершенствование основанной на Конституции социалистической правовой системы с китайской спецификой и усиление исполнения Конституции; углубление и стимулирование основанного на законе администрирования и ускорение создания правового правительства; обеспечение справедливого правосудия и повышение доверия к нему; повышение правосознания граждан и стимулирование построения правового общества; усиленное формирование групп по правовой работе; усиление и улучшение руководящей роли КПК в деле всестороннего продвижения управления государством на основе закона.

Партийно-государственное руководство КНР сделало особый акцент на необходимости совершенствования правовой системы страны, принятии новых законов, внесении дополнений и изменений в действующие акты правотворчества. Все это должно быть осуществлено в ближайшие годы для всестороннего регулирования проводимых преобразований («политика углубления реформ»). На пленуме подчеркнуто: «закон является важным орудием при управлении государством, хороший закон – предпосылка для правильного управления. В ходе построения социалистической правовой системы с китайской спецификой следует строго придерживаться приоритета правотворчества, выявлять его направляющую и стимулирующую роль, осознавать важность повышения качества правотворческой деятельности». Отмечено, что «управление государством на основе закона является сущностным требованием и важнейшей гарантией твердого отстаивания и развитию социализма с китайской спецификой, необходимым требованием к осуществлению системы государственного управления и способности к модернизации, имеет отношение к управлению государством партией, к счастью и благополучию народа, к долгосрочной безопасности партии и государства».

Одной из главных задач, стоящих перед руководством страны, Пленумом было признано построение социалистического правового государства. Для этого власти призывают к соблюдению следующих важных принципов:

1. *Учет руководящей роли партии в происходящих в государстве и правовой системе процессах.* Отмечается, что решения партии играют ключевую роль в ходе осуществляющихся преобразований. Согласно Конституции КНР (Преамбула) КПК занимает главенствующее положение в стране и выступает по сути источником правотворческих процессов в Китае. К сожалению, приходится конста-

тировать, что партия в определенных случаях стоит выше Закона, что представляется недопустимым в правовом государстве.

В некоторых случаях заявления партийного руководства вступают в противоречия с конституционными нормами, однако подлежат обязательному исполнению членами партии (около 85 млн человек). Так, например, согласно ч. 1 ст. 36 Конституции КНР «граждане Китайской Народной Республики имеют свободу вероисповедания». «Никакие государственные органы, общественные организации и отдельные лица не могут принудить граждан исповедовать или не исповедовать религию, не могут дискриминировать граждан за исповедование или не исповедование религии» (ч. 2).

На практике же свобода вероисповедания существенно ограничивается партийными инструкциями, заявлениями высших партийных руководителей, настаивающих на невозможности исповедования религии членами КПК. В свое время Председатель КНР и Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь заявлял, что «...религиозное и марксистское мировоззрение в корне противоположно. Коммунисты являются атеистами, и их мировоззрение должно быть марксистским. Они не только не могут исповедовать ту или иную религию, но и обязаны пропагандировать среди народа атеизм, распространять научное мировоззрение. ... Не помешает заметить: то, что коммунисты обязательно должны быть атеистами, совсем не противоречит политике свободы вероисповедания. Нельзя из-за свободы вероисповедания проявлять нерешительность в вопросе о верующих коммунистах и бояться вести воспитательную работу» [5]. Согласно принятому в 2002 г. ЦК КПК и Государственным советом Постановлению «Об усилении религиозной работы» членам партии запрещается исповедовать религию, «необходимо обучать членов партии, кадровых работников в духе стойкости в коммунизме, препятствовать губительному влиянию религии».

2. *Главенствующая роль народа при проведении внутригосударственных реформ.* Обязательный учет интересов населения в деятельности государственных органов. Согласно ст. 2 Конституции КНР вся власть в стране принадлежит народу (ч. 1), который осуществляет ее через систему собраний народных представителей (ч. 2). Всекитайское собрание народных представителей (далее – ВСНП), его Постоянный комитет (далее – ПК ВСНП), местные собрания народных представителей (далее – местные СНП) – органы законодательной (представительной) власти в Китае. Именно ими принимаются важные для государства законы и другие правовые документы. В последние годы все разрабатываемые в законодательных комитетах китайского парламента законы подлежат обязательному обсуждению со стороны населения. Проекты будущих правовых актов размещаются на сайте ВСНП для учета замечаний и предложений обычных граждан, ведется подсчет, а затем обнародуется количество принявших участие в обсуждении законопроекта человек. То же самое касается и важных нормативных правовых актов, принимаемых Государственным советом КНР.

3. *Равенство всех граждан перед лицом Закона.* Часть 2 ст. 33 Конституции КНР закрепляет этот важный для любого современного государства принцип. Часть 4 ст. 33 гласит: «Каждый гражданин пользуется правами, предусмотренными Конституцией и законами, и в то же время должен выполнять обязанности, предусмотренные Конституцией и законами». В контексте приведенного принципа руководство партии делает особый акцент на необходимости привлечения к ответственности за совершенные преступления всех виновных лиц, не взирая на их социальный и/или имущественный статус. Особо показательными являются коррупционные преступления, за совершение которых по уголовному законодательству КНР предусматривается смертная казнь.

Так, принявших участие в октябрьском Пленуме 2014 г. членов ЦК КПК было 199 человек (на 6 человек меньше, чем избрано), а кандидатов в члены – 164 (на 7 человек меньше, чем избрано). Часть из тех, кто не присутствовал на Пленуме, была отстранена от работы вследствие обвинений в коррупции. Обвинения в коррупции предъявлены 3 членам ЦК КПК (Цзян Цземинь, Ли Дуншэн, Ян Цзиньшань) и 5 кандидатам (Пань Иян, Ли Чуньчэн, Ван Юнчунь, Вань Цинлянь, Чэнь Чуаньпин). Для КПК это беспрецедентный случай – 8 человек изгоняются из высшего состава правящей партии по причине обвинений в коррупции.

В конце 2014 г. по обвинению в коррупции исключен из партии один из самых высокопоставленных чиновников в истории нового Китая Чжоу Юнкан (член Политбюро ЦК КПК) (возбуждено уголовное дело). Запущена процедура расследования, возбуждено уголовное дело в отношении Лин Цзихуа (главный советник бывшего лидера КНР Ху Цзиньтао, зам. председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая), развернута широкомасштабная компания по борьбе с «тиграми и мухами», то есть с крупными и мелкими коррупционерами всех уровней.

В общей сложности за прошедший 2014 г. в отношении 1575 чиновников начато партийное расследование по обвинениям в коррупции, среди них 229 человек – уровня уезда и управлений, 34 – уровня канцелярий и департаментов. Более 500 коррупционеров скрылись за пределами КНР, за рубежом оказалось свыше 1 млрд преступных доходов [6].

Все настойчивее в китайском обществе звучат призывы о скорейшем принятии Закона КНР «О борьбе с коррупцией» (中华人民共和国反腐败法). Его проект уже активно обсуждается в комитете по законодательству ВСНП. Представляется, что важный правотворческий акт появится в наступившем 2015 г., так как он крайне необходим госу-

дарству, для которого коррупция превратилась в серьезную проблему, угрожающую его национальной безопасности.

4. *Единство концепций «управление на основе закона» и «управление государством при помощи морали»,* предполагающее учет в правотворческой и правоприменительной деятельности нравственных ценностей и категорий, ядром которых выступает социалистическая мораль. Известно, что на формирование права Китая, правовую культуру и правосознание его граждан решающее влияние оказали учения великого Конфуция, легистов, иных известных древних китайских мыслителей [7]. Видный ученый К. М. Тертицкий пишет: «Конфуцианская этика проникла во все сферы социума и, как регулятор общества, иногда заменяла право, а иногда лежала в его основе. Это дало основание современным китайским интеллектуалам говорить о «тотальной этизации» китайского общества» [8]. Не случайно, что КПК старается поддерживать сформированные веками нравственные принципы у китайского народа, предполагающие уважение младшими старших: от отношений в семье до подчинения властям, стремление к образованию, повышение культурного уровня. И хотя активно заявляется о ценностях социалистической морали, однако они лишь производны от традиционных для древнего китайского общества представлений о взаимоотношениях личности с государством и окружающим ее социумом.

Особой спецификой обладает правосознание китайского гражданина. В его понимании Право, Закон ассоциируются с институтом наказания, институтом юридической ответственности [9]. При этом юридическая ответственность зачастую ассоциируется с одним из ее основных видов – уголовной ответственностью. Само наказание носит чрезвычайно жестокий характер, распространена смертная казнь, которая в Древнем Китае приводилась в исполнение различными антигуманными способами. В действующем

Уголовном кодексе (далее – УК) КНР закреплено 55 составов преступлений, за совершение которых предусмотрена высшая мера наказания. Отметим, что принятые 25.02.2011 Поправки в китайский уголовный закон отменили высшую меру наказания по 13 составам экономических преступлений (преступления ненасильственного характера). В настоящее время готовятся к принятию очередные важные поправки в УК КНР, которые своим вступлением в силу (предварительно могут быть приняты в марте 2015 г. на очередной сессии ВСНП) отменят высшую меру наказания по еще 9 составам преступлений (контрабанда ядерных материалов, контрабанда оружия и боеприпасов, контрабанда поддельной валюты, подделка валюты, получение денежных средств путем мошенничества, организация проституции, насильное вовлечение в занятие проституцией, воспрепятствование исполнению должностных обязанностей в военной сфере, распространение слухов в военное время).

5. *Учет китайской специфики*, запрет на бездумное привнесение зарубежных ценностей и категорий на китайскую почву. Китайские власти настаивают на особой специфике своего государства, модели управления им, невозможности полного и безоговорочного имплементирования норм международного права в правовую систему КНР. Китаю всегда был свойственен свой особый «национально окрашенный» подход ко многим фундаментальным институтам государства и права, устойчивые определения и понимание которых уже сформировались в западно-европейской науке.

Так, например, в отношении института демократии известный китайский ученый У Чжэнсюня пишет: «Демократия на западе это политическая система, то китайская демократия это один из методов административного управления. Руководство КПК испытывает давление тысячелетних традиций императорской власти и абсолют-

ного авторитета главы семьи» [10]. Некоторые китайские ученые придерживаются более жесткой позиции в отношении навязываемого их стране института демократии по западному образцу. Научный сотрудник Центра мировых проблем агентства Синьхуа Вань Чэнцай утверждает: «Неоднократные попытки демократизации Китая оказались безуспешными. История Китая свидетельствует о том, что демократия приводит к внутренним смутам. Китайские руководители считают, что всеобщие демократические выборы по западному образцу могут привести к новым смутам, поэтому идет поиск типа демократии, соответствующей китайской действительности. Успехи китайской экономики свидетельствуют о том, что на ближайшие 100 лет Китай имеет оптимальную власть, хотя не все идеально. Зачем же Китаю западная демократия, которая «может привести к взрыву?» [11].

Приведенные позиции авторитетных ученых в полной мере можно отнести и к правотворческой деятельности китайского законодателя. Парламент КНР не спешит принимать давно действующие в западном мире кодифицированные акты правотворчества, руководствуясь собственными соображениями и спецификой правоприменения. Так, в КНР до сих пор не приняты Гражданский, Административный, Налоговый кодексы. Для китайского государства, несмотря на давление со стороны международного сообщества, вряд ли возможна полная отмена института смертной казни. Принятые для вступления в международные организации некоторые законы на практике не действуют. Так, согласно положениям Закона КНР «О борьбе с отмыванием денег» иностранный инвестор обязан раскрыть источник поступающих в китайскую экономику денежных средств на предмет возможной легализации доходов, полученных преступным путем. Однако на практике местных китайских чиновников не интересует происхождение денег, которые,

например, российский бизнес вкладывает в их производство. Несмотря на принятие Законов КНР «Об авторском праве», «О товарном знаке», «О патентах» зарубежным компаниям практически невозможно защитить свои права на интеллектуальную собственность в пределах территории КНР от недобросовестных китайских производителей, изготавливающих контрафактную продукцию.

Правовая доктрина «управление государством на основе закона» предполагает серьезное повышение независимости и открытости судопроизводства в государстве. Руководство страны прилагает усилия для нивелирования оказываемого местными чиновниками влияния на судей. Для этого финансирование судебного аппарата после Пленума принято осуществлять через Центр, а не местный бюджет. Кроме того, для контроля за выносимыми судами приговорами и решениями по уголовным, гражданским, административным делам создана система онлайн трансляции судебных заседаний через всемирную сеть Интернет. С 1 января 2014 г. вступили в силу принятые Верховным народным судом (далее – ВНС) КНР «Правила обнародования в сети Интернет решений народных судов», согласно которым китайские суды всех уровней обязаны назначить специализированный орган для осуществления работы по опубликованию в Интернете вынесенных решений (приговоров, постановлений). При этом четко закрепляется, что по делам, затрагивающим государственную тайну, частную жизнь граждан, по преступлениям, совершенным несовершеннолетними, при использовании медиативных процедур и в иных случаях обнародование судебных решений в Интернете не допускается (ст.4).

Кроме того, перед ВНС КНР поставлена задача активизации процесса создания системы выездных судов, совершенствования системы публичных обвинений со стороны органов народной прокуратуры, системы народных заседа-

телей. Отмечен категорический запрет на разрешение дел, используя связи, личную заинтересованность, покровительство родственников и знакомых с использованием несовершенного законодательства.

Так, в крупных городах Китая Шэньчжэнь и Шэньян уже созданы передвижные суды ВНС КНР для разбираательства важных административных и гражданских дел. Они являются аккредитованными органами ВНС КНР. Их судьями работают судьи ВНС КНР. Законная сила приговоров, вынесенных такими судами, равняется силе приговоров ВНС – суда последней инстанции.

Партией отмечена необходимость в повышении уровня правовой культуры, юридической грамотности населения. Для этого повсеместно государством учреждаются мобильные юридические консультации для оказания безвозмездной помощи населению. Рекрутируется и проходит обучение штат добровольцев-юристов, которые приходят на помощь не только совершеннолетним членам общества, но и проводят занятия в школах [12]. Кроме того, заявлено о важной роли института адвокатуры в китайском обществе, для защиты статуса адвоката в процессе планируются изменения в действующий Закон КНР «Об адвокатуру».

Важной составляющей доктрины «управление государством на основе закона» является обязательное соответствие принимаемых партийных документов действующему в стране законодательству. В августе 2013 г. ЦК КПК было обнародовано Постановление «Об отмене и провозглашении прекращения действия ряда партийного законодательства и нормативных документов», в соответствии с которым было аннулировано 3000 принятых с момента образования в 1978 г. КНР партией документов, 467 сохранили свою силу, при этом 42 подверглись изменениям. В ноябре 2014 г. партией был принят Пятилетний план работы по принятию партийного законодательства на 2013–2017 гг.,

который явился первым за всю историю нового Китая документом, закладывающим основу «чистки» принятых КПК нормативных документов, вступающих в противоречие с действующим законом.

По состоянию на сентябрь 2014 г. в правовой системе КНР действовало 242 закона, 737 административных актов, более 8500 местных актов правотворчества. В конце 2014 г. китайский парламент принял ряд важных правовых документов. Так, внесены Поправки в действующий Административно-процессуальный кодекс (вступят в силу с 01.05.2015), принят Закон КНР «О фарватере» (вступит в силу с 01.03.2015), Постановлением ПК ВСНП 4 декабря признано днем Конституции. Но самым главным стало принятие 1 ноября Закона КНР «О борьбе со шпионажем», который своим вступлением с силу отменил действовавший с 1993 г. Закон КНР «О государственной безопасности» (состоит из 5 глав, 40 статей). Закрепленные в Законе положения свидетельствуют об ужесточении законодательной политики Китая в сфере национальной безопасности. Это обусловлено новыми угрозами, с которыми в последнее время сталкивается китайская государственность (напр.: протестные выступления в Гонконге).

В рамках осуществляемой широкомасштабной административной реформы по результатам ноябрьского Пленума КПК 2013 г. было принято решение о создании Центрального Комитета по национальной безопасности (Совет государственной безопасности) (中央国家安全委员会) – единого органа координации и обеспечения государственной безопасности (новый орган в системе исполнительной власти). Председателем данного органа назначен глава КНР Си Цзиньпин. В рамках обеспечения государственной безопасности он координирует деятельность Министерства общественной безопасности, Военной полиции, органов юстиции, второй и третьей части НОАК,

МИД, Министерства государственной безопасности и других органов, включая Центральную комиссию КПК по проверке дисциплины.

В плане правотворческой работы китайского законодателя на ближайшие годы стоит принятие: 1. Поправок в действующий УК КНР (включая отмену смертной казни по 9 составам преступлений). 2. Закон КНР «О борьбе с терроризмом». 3. Закон КНР «О борьбе с насилием в семье». 4. Закон КНР «О борьбе с коррупцией». 5. Закон КНР «О ядерной безопасности». 6. Закон КНР «Об управлении зарубежными неправительственными организациями». 7. Закон КНР «О государственной безопасности».

Завершая настоящее исследование, сделаем некоторые важные выводы:

I. Впервые в истории КНР политико-правовая доктрина «управление государством на основе закона» была комплексно и серьезно обсуждена на высоком партийном уровне. Это свидетельствует о том, что руководство государства стало уделять несравненно больше внимания правовым аспектам жизни китайского общества. Представляется, что Право и Закон будут играть более значимую роль в государстве, чем это было прежде.

II. Правовая система КНР уже пополнилась целым рядом важных актов правотворчества, которые были приняты в Китае сразу после прошедшего в 2014 г. партийного Пленума. В наступившем 2015 г. в стране должны появиться уникальные законы в сфере борьбы с терроризмом, коррупцией, ядерной безопасности и др.

III. Опыт китайского государства в борьбе с коррупцией, повышения уровня открытости судопроизводства через онлайн трансляции и юридической грамотности населения, создание системы выездных судов необходимо глубоко исследовать для возможного его применения с учетом национальной специфики в Российской Федерации. Современная правовая компаративистская наука предоставляет большие

возможности для изучения передового опыта зарубежных государств и его последующего использования в национальной правоприменительной и правотворческой деятельности.

Список литературы

1. Гудошников Л. М. Предисловие. В сб.: Новое законодательство Китайской Народной Республики. Экспресс-информация. № 9. М.: ИДВ РАН, 1999. С. 6.
2. Доклад Ху Цзиньтао на открытии XVIII съезда КПК. XVIII Съезд Коммунистической партии Китая (8–14 ноября 2012 г.). Экспресс-информация. № 7. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 236.
3. Жэньминь хуабао (Народный иллюстрированный журнал). 2014. № 11. С. 10–13 (на китайском языке).
4. Жэньминь жибао (Народная газета). 29.10.2014. С. 1–4. Кит. яз.
5. «Надлежаще вести религиозную работу». Выступление во время беседы с группой представителей Всекитайского собрания народных представителей по вопросам религиозной работы. В кн.: Цзян Цзэминь. Реформа. Развитие. Стабильность. Статьи и выступления. М.: Палей, 1996. С. 84.
6. Жэньминь жибао (Народная газета). 08.01.2015. С. 11. Кит. яз.
7. Трощинский П. В. Влияние традиции на право современного Китая // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 94–106.
8. Тертицкий К. Китайцы: традиционные ценности в современном мире. Часть 1. М.: ИСАА МГУ, 1994. С. 19.
9. Трощинский П. В. Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики. М.: ИДВ РАН, 2011.
10. У Чжэнсюн. Развитие гражданского общества в современном Китае. По материалам «Синей книги «Общество в 2009 г.» – «Чжунгун яньцзю», 2009. Т. 43. № 3. С. 62–77. В сб.: КНР: Социальная гармония как гарантия успеха реформ. Экспресс-информация. № 5. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 65.
11. Китайские политологи об отношениях КНР с Россией и США (оценки и прогнозы). Экспресс-информация. № 3. М.: ИДВ РАН, 2010. С. 37.
12. Цзинцзи жибао (Экономическая газета). 06.11.2014. С. 15. Кит. яз.

УДК 334.02(327)

Анна Федоровна Чернова

аспирант кафедры восточных языков

и лингвокультурологии

ИМОМИ ННГУ им. Лобачевского

e-mail: chrvann@mail.ru

Обеспечение правовой базы специальных экономических зон КНР в период их становления

В статье рассматривается история становления специальных экономических зон КНР, ставших одним из основных факторов привлечения иностранного капитала и вызвавших рост китайской экономики, а также оценивается правовая база, обеспечивающая функционирование СЭЗ.

Ключевые слова: специальные экономические зоны (СЭЗ), экономическая реформа, привлечение иностранного капитала, совместное предприятие.

Anna Fedorovna Chernova

*Post-Graduated Student of the Chair
of Oriental Languages and linguistics*

Institute of International Relations and Worlds History, Nizhny

Novgorod State University named by Lobachevsky

e-mail: chrvann@mail.ru

The Provision of the Legal Framework of the Special Economic Zones in the Period of Formation

The article examines the history of the period of formation of special economic zones, that have become one of the essential factors of the mobilization of foreign investments and that caused the raise of Chinese economy. The article highlights the provision of the legal framework of the special economic zones and its functioning.

Keywords: special economic zones, economic reforms, mobilization of foreign investments, cooperation.

Феноменальное развитие Китая за последние 30 лет убедительно свидетельствует, что возможности повышения международной конкурентоспособности национальной экономики в значительной степени зависят от эффективности механизмов создания и развития хозяйственных образований территориально-отраслевого характера, таких

как СЭЗ, основной задачей которых является привлечение в экономику страны иностранного капитала, передовой технологии и управленческого опыта, то есть всего того, что традиционно входит в понятие «иностранная инвестиция». В условиях социалистического Китая, длительное время находившегося во внешнеполитической и экономической изоляции, СЭЗ стали наиболее приемлемой формой развития международных отношений и решения поставленной задачи создания материальной основы политики модернизации.

Период экономической реформы фактически означает и новый этап в истории китайской правовой системы, ее отраслевого развития и координационного совершенствования. Глубокие перемены социально-экономического характера сопровождаются активным законодательным процессом, сочетающимся с отменой устаревших нормативных актов. Формула экономической политики КНР такова: от простого, очевидного - к сложному; от практики, опыта - к их законодательному воплощению.

Исторически основным регулятором общественных отношений в Китае выступали традиции, обычаи и моральные принципы. Как правило, процесс правового обеспечения экономических нововведений начинается с принятия временных подзаконных актов. По мере наработки опыта они заменяются постоянными. Лишь, когда жизнь подтвердит правильность принятых решений, начинается разработка соответствующего закона. Поэтому в КНР оправдана нормотворческая практика принятия различных экспериментальных положений временного характера.

Начало было положено на 2-й сессии ВСНП пятого созыва (июль 1979 г.) принятием первого «Закона об эксплуатации смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале»[1]. Хотя этот документ был очень неполон, но в общих чертах отражал главные принципы ис-

пользования иностранного капитала в форме совместных предприятий, обрисовал основные права и обязанности сторон. Новый подход к развитию производственных отношений потребовал внесения изменений прежде всего в конституционное законодательство. Это явилось одной из причин, по которой Конституция КНР 1978 г. была заменена Конституцией 1982 г. [2].

Статья 18 действующего и поныне закона гласит: «Китайская Народная Республика разрешает иностранным предприятиям и другим иностранным хозяйственным организациям, либо отдельным лицам в соответствии с законами КНР вкладывать капиталы в Китае, осуществлять в различных формах экономическое сотрудничество с китайскими предприятиями или другими китайскими хозяйственными организациями. Их законные права и интересы охраняются законами КНР» [3].

Отражая одно из основных направлений экономической реформы, Конституция 1982 г. выдвинула новый принцип: «Государственные предприятия в рамках, установленных законом, имеют право на самостоятельное ведение дел и управление ими при условии подчинения единому руководству государства и полного выполнения государственного плана»[4].

Из базовых нормативных актов по привлечению и использованию иностранного капитала наиболее важными являются такие как: «Закон КНР об эксплуатации смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале», «Положение КНР о применении закона о совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом» (сентябрь 1983 г.), «Постановление Госсовета о поощрении иностранных инвестиций» (октябрь 1986 г.), «Закон КНР о предприятиях иностранного капитала» (декабрь 1986 г.), «Положение Госсовета о поощрении инвестиций от соотечественников на острове Тайвань» (июнь 1988 г.),

«Положение Госсовета о поощрении инвестиций китайских эмигрантов (хуацяо) и соотечественников из Гонконга и Аомыни» (август 1990 г.), «Положения о применении закона КНР о подоходном налоге с совместных предприятий и иностранных предприятий» (1991 г.). «Закон КНР о совместных предприятиях по китайско-иностранному договору» (апрель 1988 г.), Закон КНР «О компаниях» (декабрь 1993 г.), «Каталог приоритетных хозяйственных объектов для привлечения иностранных капиталовложений» (июль 1995 г.) и др.

В принятом «Законе КНР об эксплуатации смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале»[5] зафиксировано, что формой совместных предприятий является компания с ограниченной ответственностью. Доля капиталовложений со стороны иностранного партнера составляет не менее 25 %. Партнеры совместно получают прибыль, несут риск и убытки согласно доле в зарегистрированном капитале. В совместных предприятиях, как правило, капиталовложения китайского партнера включают земельный участок, помещения, материальные средства, права промышленной собственности, а со стороны иностранного партнера производятся капиталовложения техникой, оборудованием, правами промышленной собственности или наличной валютой.

Срок договора о совместном предприятии устанавливается по соглашению между партнерами с учетом конкретных условий различных отраслей и проектов. Как правило, срок деятельности совместного предприятия, созданного для обычного проекта, составляет от 10 до 30 лет. Срок деятельности совместного предприятия по проекту с большим объемом капитала, долговременным строительством, низкой прибылью может превышать 30 лет, достигать 50 и более лет.

Совместные предприятия с участием иностранного инвестора получают более выгодные льготы по сравнению

с китайскими предприятиями. Необходимые совместному предприятию сырье, топливо, детали комплектного оборудования следует закупать, прежде всего, в Китае, но также можно закупать их непосредственно и на международном рынке.

В рамках своего хозяйствования предприятию разрешается закупать нужные сырье и топливо и реализовать свою продукцию на международном рынке. Подобного права экспорта и импорта ныне не имеют многие китайские предприятия.

Совместное предприятие по китайско-иностранным договорам является договорной организацией экономического сотрудничества, созданной китайским и иностранным партнерами в соответствии с принципами равноправия и взаимной выгоды и с разрешения правительства Китая. Совместное предприятие с китайским и иностранным капиталом характеризуется четким определением двумя сторонами законных прав, интересов и обязанностей. Согласно подписанному между ними договору производится распределение прибыли, возлагается доля риска и убытка, определяются формы хозяйствования и управления предприятием, а также имущественные права.

Предприятие иностранного капитала представляет собой хозяйственный объект, созданный в Китае полностью на основе капитала иностранного инвестора согласно соответствующим законам КНР. Предприятие иностранного капитала, соответствующее требованиям китайских законов о юридическом лице, приобретает на законных основаниях права китайского юридического лица. Его капиталовложения, получаемая прибыль, а также другие законные права и интересы охраняются китайскими законами.

В целях содействия развитию народного хозяйства Китая создаваемое на территории Китая предприятие иностранного капитала должно применять передовую технологию и оборудование либо экспортировать всю или

большую часть продукции. В пределах, разрешенных для осуществления хозяйственной деятельности, такие предприятия могут закупать в Китае и на мировом рынке необходимые сырье, топливо и другие материальные ресурсы. Иностранный инвестор может переводить за границу зарплату и законные доходы иностранных рабочих и служащих, законную прибыль, другие законные доходы и средства.

В принятом в сентябре 1983 г. «Положении КНР о применении Закона о совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом» [6] совместные предприятия пользуются «...вести дела самостоятельно в пределах законодательных установок, а также соглашений о совместных предприятиях, их контактах и уставов» (статья 7) [7]. Государственные ведомства, плановые и административные органы всех уровней не должны давать таким предприятиям указаний относительно объемов их производственных планов. Иначе говоря, не предусматривается жесткая интеграция совместных предприятий в плановую экономику. Однако плановый характер китайской экономики предопределяет решения о создании совместных предприятий с учетом общих задач социально-экономического развития страны.

12 апреля 1986 г. 4-й сессией ВСНП 6-го созыва был принят «Закон КНР о предприятиях иностранного капитала» [8], который служит основой для последующей разработки законодательства, где будет детально регулироваться порядок создания и функционирования совместных предприятий. В целом данным законом предусматривались льготы, аналогичные установленным для предприятий с участием иностранного капитала. Полностью иностранные предприятия могли создаваться как китайские юридические лица, т. е. они, как и совместные предприятия, могли функционировать в рамках китайской правовой системы.

Специфика подхода китайских властей к иностранной собственности проявлялась в положении, устанавливавшем общий принцип отказа государства от национализации и реквизиции предприятий иностранного капитала, но одновременно предусматривающей такую возможность «при особых условиях и при необходимости, определяемой общественными интересами»; при этом лишение иностранного предпринимателя прав на предприятие будет проводиться «в соответствии с законной процедурой и с выплатой соответствующей компенсации» [9]. Закон предусматривал более строгий административный и финансовый контроль за созданием полностью иностранного предприятия и его деятельностью, связывая этот контроль с соблюдением интересов государства. Еще одна особенность этого закона – включение в него положений, обязывающих зарубежных капиталовладельцев соблюдать интересы нанимаемых китайских рабочих и служащих, в том числе их право на создание профсоюза на предприятии.

По мере ускорения темпов расширения экономических связей с зарубежными странами в соответствии с конкретными требованиями и обстоятельствами, возникающими в стране, китайским правительством официально разработан и санкционирован ряд таких важных законодательных документов, как «Положение Госсовета о поощрении инвестиций от соотечественников на острове Тайвань» [10] (июнь 1988 г.), «Положение Госсовета о поощрении инвестиций китайских эмигрантов (хуацяо) и соотечественников из Гонконга и Аомыни» (август 1990 г.), «Положение о применении закона КНР о подоходном налоге с совместных предприятий и иностранных предприятий» [11] (1991 г.). Всё это способствовало завершению формирования системы экономических законов и положений КНР, санкционирующей в качестве руководящего принципа и надежного гаранта в деятельности иностранного капитала на территории Китая.

Сутью регулирования деятельности зарубежных инвесторов является четкое определение в законодательной форме основных принципов и порядка вложения иностранного капитала в Китае.

Согласно соответствующим законам КНР в целях расширения международного экономического сотрудничества и технического обмена разрешается иностранным компаниям или отдельным лицам в соответствии с принципом равноправия и взаимной выгоды создавать в пределах КНР совместные предприятия и предприятия иностранного капитала. Законами охраняются их капиталовложения, доля получаемой прибыли, а также и другие права, и интересы иностранных партнеров. В то же время иностранные инвесторы должны строго соблюдать законы, указы и положения Китая.

В декабре 1993 г. принимается Закон КНР «О компаниях» [12]. Его значение выходит далеко за рамки политики привлечения иностранных инвестиций. По существу речь идет о первом в истории КНР законодательном акте, регламентирующем основные правовые формы предприятий – вне зависимости от формы собственности и функциональных особенностей. Закон описывает две основные формы хозяйственной деятельности – компании с ограниченной ответственностью и акционерные компании. К первой категории относится широкий круг хозяйствующих субъектов, начиная с государственных и коллективных предприятий и заканчивая паевыми, контрактными совместными предприятиями и предприятиями полной иностранной собственности.

В июле 1995 г. был опубликован «Каталог приоритетных хозяйственных объектов для привлечения иностранных капиталовложений» [13], в которых уже перечисленные топливо и энергетика, транспорт, важные ресурсы и материалы, новая аграрная техника и новые технологии отнесе-

ны к числу тех объектов первой категории, где поощряются иностранные инвестиции. Некоторые другие отрасли, как, например, внешняя торговля, воздушный транспорт, внутренняя торговля, финансы, а также добыча, плавка и обработка благородных металлов, отнесены к числу объектов второй категории, где вложение иностранного капитала вообще запрещалось в прошлом и теперь опускается с определенными ограничениями, то есть его можно привлекать в опытным порядке первоначально в некоторых отраслях.

Таким образом, процесс создания правовой базы деятельности СЭЗ повлек за собой проведение реформы системы государственных институтов. Законодательство о специальных экономических зонах «в совокупности с институтами его правоприменения, действующий механизм правотворчества, сформировавшиеся в виду особого административного, правового и экономического статуса СЭЗ послужили важнейшим условием для возникновения специфичного по сравнению с другими регионами страны правового режима[14]. В законодательстве КНР произошла правовая модернизация, которая стала составной частью политики модернизации страны.

Список литературы

1. Закон КНР об эксплуатации смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале // Китайская народная республика: Конституция и законодательные акты / под ред. А. М. Гудошникова. М.: Прогресс, 1984. С. 248.
2. Чжунхуа женьмин гунхэго сяньфа = Конституция КНР. Пекин, 2004. Кит.яз.
3. Чжунхуа женьмин гунхэго сяньфа = Конституция КНР. Кит.яз.
4. Чжунхуа женьмин гунхэго сяньфа = Конституция КНР. Кит.яз.
5. Закон КНР об эксплуатации смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале // Китайская народная республика: Конституция и законодательные акты / под ред. А. М. Гудошникова. С. 250.
6. Положение КНР о применении Закона о совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом // Китайская Народная Республика. Законодательные акты / под ред. Л. М. Гудошникова. М.: Прогресс, 1989. С. 291.

7. Положение КНР о применении Закона о совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом // Китайская Народная Республика. Законодательные акты

8. Закон КНР о предприятиях иностранного капитала // Китайская Народная Республика. Законодательные акты / под ред. Л. М. Гудошников. М.: Прогресс, 1989. С. 267.

9. Закон КНР о предприятиях иностранного капитала // Китайская Народная Республика. Законодательные акты / под ред. Л. М. Гудошников. С. 269.

10. Гоюань гуанью гули Тайвань тунбао тоуцзы де гуйдин = Постановление Госсовета КНР о поощрении инвестиций от соотечественников с Тайваня [Официальный сайт агентства Синьхуа]. URL: <http://news.xinhuanet.com/ziliao/2003-09/23> (дата обращения: 20.12.2014). Кит.яз

11. Чжунхуа жэньминь гунхэго вайшан тоуцзы цие хэ вайго цие содэ шуйфа = Закон о налогах совместных предприятий с иностранными инвестициями [Электронный ресурс]. URL: <http://baike.baidu.com/link> (дата обращения: 23.12.2014). Кит.яз.

12. Закон КНР о компаниях [Электронный ресурс]. URL: <http://law.uqlc.ru/benefits.htm> (дата обращения: 25.12.2014).

13. Вайшань тоуцзы чанье чжидо мулу = Каталог по руководству предприятий с иностранными инвестициями [Электронный ресурс]. URL: http://www.148cn.org/data/2006/1201/article_28227.htm (дата обращения: 28.11.2014). Кит.яз.

14. Ефимов Г. В. Свободные экономические зоны КНР и политика модернизации государственных институтов и права [Электронный ресурс] // Финансово-правовое агентство. URL: <http://www.fpa.ru/biblioteka/izdaniya/pravovoe-regulirovanie-v-sfere-ekonomiki/svobodnye-ekonomicheskie-zony-knr-i-politika-modernizatsii-gosudarstvennyh-institutov-i-prava-g-v-efimov/> (дата обращения: 25.01.2014).

ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА РУБЕЖА OPINION FROM ABROAD

УДК 37 (510)

Ван Хунянь

преподаватель

Маньчжурский институт университета Внутренняя Монголия

г. Маньчжурия, КНР

E-mail: wanghongyan113@126.com

Анализ регионального сотрудничества РФ-КНР в контексте предоставления образовательных услуг

Аннотация: Китай и Россия имеют длительную историю, великолепные национальные культуры, хорошие ресурсы в области образования, поэтому обмен образовательными услугами характеризуется как достаточно активная сфера взаимодействия двух стран. Образование дополняет торгово-экономическое сотрудничество РФ-КНР, но вместе с тем есть рядотягающих факторов. В последние годы Россия и Китай достигли значительных успехов в области обмена образовательными услугами и в сфере торгово-экономического сотрудничества. Однако перед странами открылись и некоторые проблемы, которые предстоит решить. В целях реализации дружественной модели сотрудничества, автор анализирует активизацию процессов обмена образовательными услугами между РФ и КНР, основанную на перспективах регионального сотрудничества, выделяет проблемы и задачи, возникающие в этой области, определяет их возможные последствия.

Ключевые слова: региональное сотрудничество, взаимодополняемость, образовательные услуги, торговля.

Wang Hongyan

Lecturer

Manzhouli Institute of Inner Mongolian University

Manzhouli, China

E-mail: wanghongyan113@126.com

Analysis of Regional Cooperation in the Perspective of Chinese and Russian Education Service Trade Based on

Abstract: China and Russia have a long history, splendid traditional culture and good educational resources, so the two sides of education service

trade has a long history. Education service trade cooperation between the two countries is highly complementary, but also inevitably affected by many restricting factors. In recent years, the two countries have made some significant achievements in the field of education service trade cooperation, but there are some difficult problems to be solved. In this paper, based on the perspective of regional cooperation, the status quo and problems based on the China and Russian education service trade, behavior analysis of the parties and the possible consequences, and to explore the feasibility of Chinese expand path and Russian education service trade, in order to realize the benign development of the two countries education service trade.

Keywords: regional cooperation, complementarity, education service, trade.

УДК 85.695

Ван Цзюньлян

преподаватель

*Маньчжурский институт университета Внутренняя Монголия
г. Маньчжурия, КНР*

E-mail: wangjunliang628@sina.com

Проблемы управления высшим образованием Китая и тенденции его развития в контексте регионализации и глобализации

Аннотация: На фоне процессов регионализации и глобализации, международное сотрудничество и обмены в области высшего образования в Китае выходят на новый уровень. В этом контексте в сфере управления высшим образованием выделяется ряд проблем, требующих немедленного решения. Согласно успешному опыту зарубежных стран, и при обязательном учете национальной специфики Китая, автором определены основные тенденции развития высшего образования страны и осуществлен поиск практических решений ряда проблемных задач.

Ключевые слова: высшее образование, управление, проблемы, тенденции развития.

Wang Junliang

Lecturer

Manzhouli Institute of Inner Mongolian University

Manzhouli, China

E-mail: wangjunliang628@sina.com

The Outstanding Problems Existed in China's Higher Education Management and its Development Trend in the Background of Regionalization and Globalization

Abstract: in the background of regionalization and globalization, international cooperation and exchanges of higher education in China reach a new level. In this trend, some prominent problems in Higher Education of our country exist generally in the management process will to be solved. According to the successful experience of foreign countries and combining with China's national conditions, this paper puts forward some solutions, and the development trend is prospected.

Key words: higher education; management; problem; development trend.

УДК 327 (510)

Дун Цинлин

преподаватель

Маньчжурский институт университета Внутренняя Монголия

г. Маньчжурия, КНР

E-mail: dong_qing_ling@163.com

Коннотация и роль духовного потенциала города Маньчжурия

Аннотация: Маньчжурия является приграничным городом с многовековой историей и культурой. В процессе развития он сформировал уникальный городской дух. На современном этапе своего развития Маньчжурия идет курсом открытости, взаимовыгодного сотрудничества, создания гармоничной системы и стремления к совершенству. В настоящее время обращение к комплексному анализу текущей городской ситуации и выявление позитивной роли данного города играет важное практическое значение.

Ключевые слова: Маньчжурия, духовный потенциал, коннотация, функции.

Dong Qingling

lecturer

Manzhouli Institute of Inner Mongolian University

Manzhouli, China

E-mail: dong_qing_ling@163.com

Connotation and Role of Manzhouli Spiritual Potential

Abstract: The manchurian is a port city with a long history and culture, in the process of development has formed the unique city spirit. In the new period, the manchurian city spirit is open tolerance, win-win cooperation, building a harmonious, the pursuit of excellence. Under the current situation, analysis the manchurian city spirit of the rich connotation and its positive role, extremely practical significance.

Keywords: Manzhouli, spiritual potential, connotation, function.

УДК 316.454.5.

Елена Павловна Топоркова

канд. социол. наук

доцент Забайкальского государственного университета

E-mail: ymnicaelikh85@mail.ru

Чжоу Лися

зав. кафедрой русского языка

Хайнаньский институт экономики и бизнеса

E-mail: 47876366@qq.com

Международные молодежные коммуникации России и Китая в современных условиях приграничья

В статье авторы рассматривают молодежную коммуникацию приграничных территорий на примере России и Китая. Международный имидж государства формируется на разных уровнях его восприятия: начиная с высшего государственного уровня и заканчивая восприятием имиджа государства на уровне регионов, особенно на приграничных территориях. В последнем случае значимыми средствами формирования имиджа становятся культурные, профессиональные обмены в области туризма и образования, специальные международные проекты, молодежная коммуникация в форме языковых стажировок, молодежных проектов, PR-кампаний. В связи с этим авторы описывают различные формы молодежной коммуникации Забайкальского края на примере

Забайкальского государственного университета, который является значимым субъектом международного сотрудничества с приграничными и не только регионами Китая.

Ключевые слова: молодежная коммуникация, приграничные территории, Россия, Китай.

Elena Pavlovna Toporkova

PhD in Sociology

Associate Professor

Transbaikal State University

E-mail: ymnicalelik85@mail.ru

Zhou Lixia

Head of the Department of Russian Language

Hainan College of Economic and Buisnes

E-mail: 47876366@qq.com

International Youth Communication of Russia and China in Modern Conditions of Cross-Border Interaction

In the article the authors examine youth communication of border areas on the example of Russia and China. As the country's international image is formed on different levels of perception: since the highest state level to the perception of the image of the state at the regional level, especially in the border areas. In the latter case, significant means of image formation becomes cultural, and professional exchanges in the field of tourism and education, special international projects, youth communication in the form of language training, youth projects, PR-campaigns. In this regard, the authors describe various forms of youth communication Zabaykalsky Krai, for example, Transbaikal State University, which is an important subject of international cooperation with the cross-border regions of China and not only.

Keywords: youth communication, cross-border territories, Russia, China.

2014–2015 гг. объявлены Годом молодежных обменов между Россией и Китаем. Решение о проведении было принято в марте 2013 г. Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом РФ Владимиром Путиным во время официального визита Председателя КНР в Россию. 13 августа 2013 года в Пекине состоялось III заседание Подкомиссии по молодёжному сотрудничеству Российско-Китайской ко-

миссии по гуманитарному сотрудничеству. Стороны обсудили ход работы по подготовке к проведению перекрестных Годов молодёжных обменов.

Согласно плану мероприятий перекрестных годов молодежная коммуникация между Россией и Китаем осуществляется в разных формах, включая PR-технологии: это конкурсы (олимпиады) на знание русского / китайского языков среди студентов вузов (в том числе в более 100 вузах Китая), работа официального сайта «Года дружественного обмена между китайской и российской молодежью», молодежные летние школы и лагеря, форумы и конференции (при поддержке, участии, организации Российского союза молодежи), проведение российско-китайского форума по развитию молодежного туризма, который прошел в России в г. Владивосток в 2014 г., а в Китае пройдет в 2015 г., взаимные визиты общественных и политических деятелей. Также пройдут кинофестивали и Недели кино, фестивали и выставки искусств, спортивные соревнования, включая 6-е Российско-Китайские молодежные игры [1].

Сегодня в глобализирующемся мире расширяются взаимосвязи стран, народов и культур, интенсивно развиваются международные контакты между государственными институтами, социальными группами, общественными движениями, путем научного сотрудничества, культурных обменов, торговых операций, туризма и т. д. Поэтому в настоящее время особенно актуален вопрос правильной интерпретации контекста мирового коммуникативного пространства [2].

В современных условиях развития международных коммуникаций актуализируется потребность рассмотрения фактов коммуникации в молодежной среде.

Современная молодежь достаточно динамична, поэтому она является главным субъектом формирования образа своей страны за рубежом. Значительная часть молодежи понимает свою ответственность перед страной и желает

решать жизненно важные проблемы общества, в котором живет. Больше половины российской молодежи осознает значимость собственной роли в создании положительной оценки государству. Поэтому молодежные коммуникации выступают важным фактором регуляции как внутренней жизни, так и взаимоотношений между странами.

В последние годы одной из важнейших задач, стоящих перед нашей страной, является задача формирования позитивного образа современной России на международной арене, в международном сотрудничестве с ведущими международными партнерами. Огромную роль в формировании имиджа государства играют как политические, экономические, социальные направления политики государства, так и правильно выстроенная информационная стратегия. В связи с этим сегодня все более значимую роль в международном взаимодействии начинают играть сферы деятельности, отвечающие за анализ и формирование коммуникационной среды – Public Relations и реклама.

Public Relations в международных отношениях – это гармонизация отношений общественности всего мира к какой-либо стране, достижение ситуации, когда мировая общественность позитивно воспринимает отдельные регионы или саму страну, понимает проблемы, стоящие перед страной или приграничными территориями [3].

Международный имидж государства формируется на разных уровнях его восприятия: начиная с высшего государственного уровня и заканчивая восприятием имиджа государства на уровне регионов, особенно на приграничных территориях. В последнем случае значимыми средствами формирования имиджа становятся культурные, профессиональные обмены в области туризма и образования, специальные международные проекты, молодежная коммуникация в форме языковых стажировок, молодежных проектов, PR-кампаний.

Для приграничных территорий России Китай представляется самым близким дружественным соседом, партнером по региональному сотрудничеству.

В свете новых политических трансформаций сотрудничество России и КНР приобретает новые масштабы и становится безальтернативным.

Президент РФ Владимир Путин на саммите АТЭС в Пекине 10–11 ноября 2014 г. в своей речи отметил, что «XXI век уже называют “Тихоокеанским веком”». Россия как часть АТР обязана использовать те конкурентные преимущества, которые предоставляет этот стремительно растущий центр экономики, технологии, инноваций.

В свою очередь развитие таких регионов России, как Сибирь, Дальний Восток, – это тоже уникальный шанс для стран этого большого региона, возможность эффективно и эффективно использовать открывающиеся здесь перспективы и ещё больше укрепить свой потенциал.

Для России взаимодействие с АТР – стратегическое, приоритетное направление. И очень важно, что для наших отношений с подавляющим большинством стран региона характерен общий позитивный конструктивный фон. Мы ценим такой настрой и намерены делать всё возможное, чтобы развивать многоплановое двустороннее и многостороннее сотрудничество»[4].

Таким образом, именно Забайкальский край географически благоприятно расположен для развития и интенсификации сотрудничества с КНР. В Забайкальском крае не только осуществляются туристические, торговые взаимодействия с КНР, но происходит активизация международных научных, культурных, образовательных контактов, что требует знания специфики коммуникации с представителями этой страны.

Необходимо помнить, что восприятие Китая и его регионов вызывает ряд трудностей. Языковые различия – далеко не единственные. Это трудности, связанные с куль-

турными различиями, национальным характером, особенностями поведения китайского народа. Иначе и не может быть, т. к. слишком велики отличия в нравственной, религиозной и культурной ориентации народов востока от понятных и близких нам европейских норм [5].

Мы воспринимаем другую культуру через призму своей культуры. При этом эффективная коммуникация не может возникнуть сама по себе, ей необходимо целенаправленно учиться.

Основные направления развития молодежных коммуникаций российско-китайского приграничья формируются под воздействием ряда факторов, главными из которых являются: во-первых, сегодня в Забайкальском крае происходит активизация международных контактов с нашими приграничными соседями – Китайской Народной Республикой, что требует знания специфики налаживания коммуникаций с представителями этой страны. Во-вторых, осуществляется качественная подготовка молодых специалистов в области международных коммуникаций новой генерации – высокопрофессиональных и компетентных, которые, обладая знаниями китайского и английского языков, выводят коммуникацию на новый уровень. И, наконец, в-третьих, именно на уровне молодежных коммуникации формируется национальное восприятие культур народов двух стран.

Образ России в КНР молодежь формирует в большей степени во время языковых стажировок, проживания в КНР, обучения, проведения совместных праздников и досуга. Поэтому в вузах Забайкальского края осуществляется непрерывная молодежная коммуникация между российской и китайской молодежью.

Значимым субъектом приграничного сотрудничества с Китаем в нашем регионе выступает Забайкальский государственный университет, который активно развивает отношения между двумя странами в научно-образователь-

ной, культурной, спортивной и других областях, участвует в знаменательных событиях жизни двух государств. Осуществляется сотрудничество с Китайским народным обществом дружбы с заграницей, Обществом китайско-российской дружбы, вузами КНР [6].

«Воротами» приграничного сотрудничества с КНР для Забайкальского края является г. Маньчжурия. Этот город в силу своего географического положения обладает наибольшим потенциалом реализации регионального сотрудничества. Город находится на северо-востоке Автономного района Внутренняя Монголия, на западе он граничит с Монголией, на севере – с Россией. Маньчжурия – самый большой сухопутный пункт пропуска в Китае, общая площадь города составляет более 700 км². Население превышает 300 тыс. человек, что сопоставимо с населением столицы Забайкальского края – г. Чита. Маньчжурия включает широко известный среди россиян китайско-российский торговый район государственного значения, приграничный экономический район, а также базу по добыче каменного угля – Чжалайнор и сельскохозяйственный район Дун Ху. Город развивается невиданными темпами и по праву входит в десятку «Чарующих городов Китая». В 1992 г. Маньчжурия стала одним из первых открытых приграничных городов страны, что способствовало усилению ее роли в стратегическом сотрудничестве между Россией и Китаем.

В г. Маньчжурия функционирует отделение Китайского народного общества дружбы с заграницей – Маньчжурское народное общество дружбы с заграницей. Маньчжурское и Забайкальское отделения обществ дружбы двух стран играют важную роль в поступательном развитии дружеских партнерских отношений между народами России и Китая, проведении масштабных мероприятий, посвященных знаменательным датам истории двусторонних отношений, призванных содействовать росту взаимопонима-

ния и доверия, дружбе и сотрудничеству между Россией и Китаем. Благодаря работе Маньчжурского и Забайкальского отделений обществ дружбы Китая и России жители Забайкальского края имеют возможность принимать участие в различных научно-образовательных и культурно-спортивных мероприятиях, выставках, конкурсах, что позволяет лучше узнать Китай, получить о нем как можно больше объективной информации, познакомиться с его культурой, проникнуться духом дружбы и сотрудничества к китайскому народу.

В г. Маньчжурия сотрудничество осуществляется с филиалом Университета Внутренней Монголии – Институтом г. Маньчжурия, который учрежден в марте 2007 г. Правительством автономного района Внутренней Монголии Китая. Своеобразное географическое положение создает благоприятные условия для развития тесных контактов вуза с высшими учебными заведениями России, Забайкальского края. Институт осуществляет подготовку по направлениям: русский язык, международная экономика и торговля, финансы, туризм, журналистика и коммуникация, китайский язык и литература, юриспруденция и др. Маньчжурский институт осуществляет совместные научные исследования с Забайкальским государственным университетом, ведет обмен преподавателями и студентами.

По мере удаления от границы Китая вглубь территории страны можно назвать другие вузы-партнеры, с которыми Забайкальским государственным университетом осуществляется многостороннее сотрудничество.

В провинции Цзилинь партнерами ЗабГУ являются Цзилиньский университет, Северо-Восточный педагогический университет, которые расположены в г. Чанчунь.

Последний вуз интересен, прежде всего, проектами, связанными с изучением китайского языка и культуры – летними лагерями для студентов из России, нацеленными на развитие взаимопонимания между молодежью двух стран.

В провинции Ляонин давнее тесное сотрудничество и творческие научные контакты успешно развиваются с Даляньским университетом иностранных языков. В провинции Шаньдун осуществляется многостороннее сотрудничество с Шаньдунским институтом технологий и бизнеса, который расположен в г. Яньтай. Еще одним партнером является Тяньцзиньский международный институт культуры в г. Тяньцзинь[7].

На уровне межвузовского молодежного взаимодействия совместно с китайскими вузами-партнерами в процессе организации совместной социокультурной деятельности молодежи двух стран реализуются следующие формы международных молодежных коммуникаций с КНР. Это творческие встречи, вечера, торжественные мероприятия; проведение научно-практических конференций; языковые олимпиады и конкурсы – участие в региональных олимпиадах и конкурсах по китайскому языку среди студентов; конкурсы переводов – участие в ежегодном конкурсе молодых поэтов-переводчиков; конкурсы фотографий и рисунков – конкурс фотографий и рисунков; деловые обучающие игры; празднование традиционных национальных и государственных праздников двух стран – празднования Нового года «Чуньцзе» по лунному календарю.

При поддержке местных правительств, Забайкальского и Маньчжурского отделений обществ дружбы, активном участии Института г. Маньчжурия, Забайкальского государственного университета, китайских вузов-партнеров на приграничных территориях (как на территории России, так и Китая) организуются и проводятся совместные молодежные культурно-спортивные мероприятия – ежегодный международный Праздник льда и снега, конкурс красоты «Снежная королева», соревнования по различным видам спорта и т. д. Так, наиболее значимые мероприятия были организованы в рамках Года Китая в России и Года

России в Китае, 60-летия установления дипломатических отношений между Россией и Китаем, 60-летия образования КНР, Года русского языка в Китае, Года китайского языка в России, Годов китайского туризма в России и российского туризма в Китае.

Важным показателем международного приграничного сотрудничества является студенческое взаимодействие вузов двух стран. Международная молодежная коммуникация Забайкальского государственного университета с вузами КНР реализуется в основных направлениях:

- проведение актуальных научно-полевых исследований в КНР. Студентами проводятся социологические опросы по теме исследования, изучается научная литература на китайском языке;

- разработка и реализация научно-практических проектов и PR-проектов в сфере образовательного сотрудничества с КНР. В рамках проекта реализуется комплекс мероприятий. Среди них совместное проведение Дней национальных культур, фотовыставок, презентаций, творческих конкурсов, экскурсий, празднование национальных праздников, организация «круглых столов», дискуссий по проблемам межкультурного взаимодействия молодежи, осуществление совместной научно-исследовательской деятельности, проведение совместных учебных занятий и мн. др.;

- участие в научных студенческих форумах, конференциях, проводимых как в России, так и в Китае, и проведении совместных международных молодежных мероприятий – научно-практических конференций, выставок, круглых столов;

- языковые стажировки студентов в вузах КНР. Изучая язык и культуру на языковых стажировках, студенты приобретают объективное видение Китая, понимание процессов, происходящих в этой стране, развивают способности межкультурного взаимодействия, стремятся к новым формам международного студенческого сотрудничества. Так,

например, во время прохождения языковых стажировок в вузах-партнерах КНР студентами-пиарщиками ЗабГУ организуются различные мероприятия по позиционированию образа ЗабГУ, формированию имиджа молодежи России за рубежом посредством проведения специальных PR-мероприятий с преподавателями из вузов КНР и студентами из КНР;

– осуществление двухстороннего информационного взаимодействия – совместный выпуск газет, буклетов международного профиля, где публикуются статьи как на русском, так и на китайском языках, сопровождение молодежного информационного портала на двух языках, форумы, чаты, видеоконференции и др.

Взаимодействие молодежи в вузах разных стран способствует формированию благоприятного образа как страны в целом, так и ее приграничных территорий. Немаловажную роль играет достижение согласия и установление доверительных отношений в молодежной среде, в образовательном сотрудничестве, при этом такое согласие основано на правильном позиционировании образа государства, образа региона и его положительном восприятии.

В заключение следует привести слова академика РАН директора ИДВ РАН, председателя Общества российско-китайской дружбы М. Л. Титаренко, обосновывающие актуальность изучения молодежной коммуникации между приграничными территориями России и Китая: «Актуальность диалога российской, русской и китайской цивилизаций состоит в том, что он безальтернативен. Он – единственный выход, только этот диалог открывает конструктивный выход из кризиса общечеловеческой цивилизации... модель российско-китайских отношений, модель стратегического партнерства, взаимодействия и соразвития двух стран и двух народов – это модель будущего. Это – альтернатива концепции столкновения и войны цивилизаций» [8].

Список литературы

1. Совместный план мероприятий по молодежным обменам между Россией и Китаем [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.cri.cn/> (дата обращения: 11.12.2014).
2. Топоркова Е. П., Скрипкарь М. В. Основы современных коммуникаций. Чита: ЗабГУ, 2011. С. 53.
3. Топоркова Е. П. Развитие международных связей с общественностью: приграничный аспект // Россия-Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке: материалы II международного форума. Чита-Маньчжурия, 2012. С. 114–117.
4. Выступление Владимира Путина на форуме саммита АТЭС [Электронный ресурс]. URL: <http://maxpark.com/community/5914> (дата обращения: 28.11.2014).
5. Топоркова Е. П. Роль PR-коммуникации в бренд-билдинге территорий России и Китайской Народной республики // Региональные проблемы. 2014. Т. 17. № 2. С. 112–118.
6. Топоркова Е. П., Мельник А. А. Национальные особенности имиджевого восприятия России в Китае // Лингвистическое образование в контексте XXI века: материалы VI международной научно-практической конференции. Чита: ЗабГУ, 2011. С. 50–53.
7. Китай глазами российских друзей / Общество российско-китайской дружбы / под ред. М. Л. Титаренко. М.: ФОРУМ, 2012. С. 224–228.
8. Титаренко М. Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 95.

УДК 338.130.2(510)

Чжоу Юй

преподаватель

*Маньчжурский институт университета Внутренняя Монголия
г. Маньчжурия, КНР*

**Кросскультурные практики Маньчжурии
в приграничном социокультурном пространстве**

Аннотация: В целях создания обновленного бренда города, для привнесения свежих нововведений, для установления взаимопонимания между людьми, живущими в приграничных районах Китая, России и Монголии в Маньчжурии продолжается разработка новых практических форм межкультурного коммутиации. Все это, несомненно, вносит свой

вклад в процессы долгосрочной стабилизации и развития приграничных районов Маньчжурии. В то же время, приграничное социокультурное пространство формируется под влиянием своей собственной специфики.

Ключевые слова: Маньчжурия, кросскультурные коммуникации, кросскультурные практики, приграничное социокультурное пространство.

Zhou Yu

Lecturer

Manzhouli Institute of Inner Mongolian University

Manzhouli, China

The Cross-Cultural Practical Activity of Manzhouli in the Frontier Sociocultural Space

Abstract: Manzhouli is continued to develop the new practical forms of cross-cultural commutation, to create the city's new brand, to add the fresh intensions, for mutual understanding between the people living in the border areas of China, Russia and Mongolia, for the long-term stabilization and development of border areas Manzhouli has made its contributions. At the same time, the frontier sociocultural space has grandly formed with its own specifics.

Keywords: Manzhouli, cross-cultural communication, cross-cultural practice, frontier sociocultural space.

满洲里依托地处中蒙俄三国交界的区位优势、三国风情兼得的文化优势及冰雪、草原、湖泊、湿地等丰富的旅游资源优势，承载着推介中国传统文化、树立国家新形象、加强中俄蒙三国人民友谊的重要任务。通过一系列的跨文化实践活动，为中俄蒙三国人民跨文化交流提供了可能，也为构建有自身特色的中国边境社会文化空间创造了条件。

在内蒙古“8337”发展思路中将满洲里作为内蒙古向北开放桥头堡进行发展建设。近年来，满洲里蓬勃开展跨文化实践活动，除了传统的活动内容，不断开发新形式，持续打造集文化、体育、旅游、经贸于一体的品牌活动。2014年6月至9月，满洲里国际文化艺术节在持续100天左右的时间里进行了内容丰富、形式多样的跨文化交流活动和赛事：中俄青年文化交流活动周、“情动满洲里”专场文艺演出、中俄蒙民族工艺品展、首届国际呼麦

大赛、满洲里首届国际书画大赛暨首届“朋友眼中的满洲里”摄影大赛、“草原丝绸之路经济带暨中俄、苏满欧班列合作发展论坛”、中俄蒙国际青少年运动会等，每项活动都有中俄蒙三国的代表参加。首届国际呼麦大赛吸引了白俄罗斯、蒙古等9个国家的150名选手参赛。呼麦作为蒙古族特有的歌咏方法，与蒙古长调和马头琴并称为蒙古文化重要的象征。2009年被列入《人类非物质文化遗产代表作名录》，它是继蒙古长调后内蒙古又一个世界级文化遗产。中国（满洲里）北方国际科技博览会的前身是满洲里中俄蒙科技展。在加速推进满洲里重点开发开放实验区的关键时期，满洲里政府将其打造成国家级大型展会。此次展会国内外企业和人数大幅增加，中俄蒙、独联体国家的高等院校、科研机构和企业也应邀参加，参展技术项目涉及物理、化学、生物技术等领域。为打造城市文化精品，增加城市文化内涵，满洲里政府与内蒙古民族艺术剧院杂技团、俄罗斯布里亚特民族歌舞团共同推出了“情动满洲里—梦幻之旅”杂技音舞秀，作为文化与旅游相结合的驻场演出，针对满洲里当地游客需求打造。剧目通过“蒙派杂技”为主，融合歌舞、乐器、魔术等多种表演形式，运用声光电等高科技手段，通过新颖的构思和编排，将满洲里的文化元素与特色完美体现，是一种文化与旅游相结合的创新艺术表现形式。

中俄青年之间的交流对边境地区社会文化空间资源的开发有重要意义。在中俄青年友好交流年框架下，除了举办传统的活动，又增加了新内容。“欧亚之星”赴俄跨境旅游专列活动共计600余名旅客从河南郑州市第一次经过满洲里到俄罗斯赤塔市。“欧亚之星”旅游专列连接了草原丝绸之路与西伯利亚大铁路。2014年9月，在内蒙古呼和浩特市举办了国际青少年运动会，中俄蒙的青少年参加了8个大项43个小项的比赛。同月，内蒙古自治区与后贝加尔边疆区组织了“友谊·和平·年轻的使者”中俄两国青少年交流活动，中俄双方共计200余名青少年参加了互访交流活动，是最大规模的一次青年交流活动。2014年10月，内蒙古大学满洲里学院与满洲里市宣传部共同举办了中俄毗邻

地区地区俄罗斯青年汉语大赛，吸引了来自布里亚特国立大学、后贝加尔国立大学等国内外10所院校的50名选手参加。12月，内蒙古大学满洲里学院又主办了中国区域合作青年学者论坛、中俄设计作品交流展。内蒙古大学满洲里学院与后贝加尔国立大学为拓展丰富中俄青年的文化交流活动，在后贝加尔国立大学创建了汉语言文化交流中心。

如今旅游已经也成为内蒙古边境地区文化支柱产业。俄罗斯已经成为内蒙古第二大入境游客源国。从2003年起，内蒙古旅游局与后贝加尔边疆区国际合作对外经济联络旅游部建立了年度旅游协调会议制度，双方轮流举办，如今已举办十届。2012年，到内蒙古旅游的俄罗斯游客达55.64万人次，同比增长7.77%；2013年上半年，俄罗斯游客人数达22.84万人，同比增长3.68%。满洲里成为了俄罗斯游客前往我国内地深度游的主要中转地。每年接待国际游客五十余万人。近年来，满洲里落实“一堡一带”战略，按照建设中俄蒙风情兼得的跨境旅游休闲度假基地的总体目标，充分利用跨境旅游优势，加大口岸沿线和周边地区旅游资源整合和开发力度，重点开发草原旅游、俄蒙风情游、红色旅游、度假旅游和家庭旅游等旅游产品，挖掘历史文化底蕴、提升城市品质，速推动旅游发展模式由观光旅游为主导向休闲度假游为主导的转型升级，积极推动由“旅游名市”向“旅游强市”的跨越升级。2013年12月，国务院批复满洲里为卢布现钞使用试点城市，俄罗斯客商可以直接用卢布在满洲里消费，极大地促动对俄旅游服务等相关产业的发展。满洲里市有意识地将两个重大节庆活动，向旅游旺季前后摆布，借助节庆活动带动提升旅游人气。2013年10月，全新改版的“中文版满洲里旅游网”和全新制作的“俄文版满洲里旅游网”正式上线运行。国内外游客特别是俄罗斯游客通过访问<http://www.mzltour.org/>域名的中、俄文端口即可进行浏览。满洲里市将通过论坛推广、百度推广等多种形式提高网站的活跃度，继续加大网络宣传力度，使“满洲里旅游网”真正成为展示满洲里市旅游产业发展的新媒体宣传平台，为打造满洲里中俄蒙风情兼得的跨境旅游、休闲度假基地发挥积极作用。

满洲里市不断把旅游产业升级发展，把整个城市作为一个5A级景区来打造，充分整合三国文化元素，推动“俄罗斯东大门后贝加尔斯克——满洲里跨境旅游园区”项目建设。俄方提议将满洲里市互贸区作为后贝加尔边疆区及俄罗斯西伯利亚联邦区境内的其他地区所产商品的商贸展销平台。套娃广场二期、世界木屋博览园等一批文化特色浓郁的景区建设，有效解决该市“资源多产品少、看点多卖点少”的问题。针对俄蒙游客差异化需求，建设中蒙医国际医疗保健中心等项目，增强旅游的吸引力。

在2014年12月满洲里举办的2014中俄蒙三国跨境旅游合作发展对话会议上，中国社会科学院旅游研究中心副主任戴雪峰这样评价满洲里，并定位其发展方向：“这个地区从历史上来讲就是个多民族文化交融的地区，突厥、匈奴、契丹、满族、蒙古族，近百年来又增加的俄罗斯族等等，发展旅游，一个最大的背景就是发觉一个地区的文化”；“中国一直在提倡一个观点‘合而不同’，每个民族都应该更多地发觉自己的文化，创新旅游合作发展新模式就是扎根在这个基础上的。而中俄蒙的跨境旅游合作应该是一个面向全世界的旅游区。”

随着边境地区跨文化交流的广泛开展、日益深入，文明与文化相互渗透，边境的界限将会变得模糊。满洲里的跨文化实践活动加强了边境地区人民的相互了解与认识，并逐渐形成具有自身特色的边境社会文化空间。

УДК 325.254.4:32

Шао Цзя

*преподаватель кафедры управления
Маньчжурского университета Внутренней Монголии
г. Маньчжурия, КНР
E-mail: 4279434@qq.com*

Реформа управления вузовским образованием в районах проживания этнических меньшинств

Аннотация: Подготовка и воспитание кадров занимает важное место в работе университетов и колледжей. Реформа процесса обучения студентов нацелена, прежде всего, на улучшение качества самой профессиональной подготовки, развитие инновационного потенциала молодежи, повышение роли учителей в деле преподавания и научных исследований. Все это имеет свои нюансы в формировании системы подготовки кадров университетов и колледжей, расположенных в районах проживания национальных меньшинств, которые в свою очередь характеризуются национальным культурным синтезом, стремлением национальному единству и чувством ответственности за него. В этом контексте автор считает крайне важным сделать акцент именно на процессе управления образованием на территориях проживания национальных меньшинств.

Ключевые слова: обучение, преподавание, управление, территории проживания национальных меньшинств.

Shao Jia

*Lecturer
Manzhouli Institute of Inner Mongolian University
Manzhouli, China
E-mail: 4279434@qq.com*

Ethnic Minority Areas in Colleges and Universities to Explore the Teaching Management Reform

Abstract The important position is to cultivate talents in universities and colleges. College teaching reform to improve the comprehensive quality of students, cultivate students' innovative practice ability, enhance teachers' teaching and scientific research ability, which in turn increases the whole competition strength of the colleges and universities has important significance. Is located in the minority areas of colleges and universities, but also bear the national cultural fusion, the responsibility of the national unity to promote. As a result, ethnic minority areas development of college teaching management is very important.

Keyword: teaching, training, management, territory populated by national minorities.

УДК 304.4(510)

Юй Бо

преподаватель

*Маньчжурский институт университета Внутренняя Монголия
г. Маньчжурия, КНР*

Наталья Андреевна Абрамова,

*д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой востоковедения
Забайкальский государственный университет*

E-mail: abramova3@mail.ru

Ключевая ценностная ориентация формирования социалистического гармоничного общества

Аннотация: Ценностным фундаментом современного развития Китая является принцип «человек в основе всего». Он определяет идеологию построения социалистического гармоничного общества. В общественном развитии он всегда выполняет роль ценности. На современном этапе следование этому принципу обеспечивает формирование общественного сознания, соответствующего эпохе построения гармоничного общества.

Ключевые слова: ценностные ориентации, гармоничное общество, сознание, развитие, принцип, человек.

Yu Bo

Lecturer

*Manzhouli Institute of Inner Mongolian University
Manzhouli, China*

Natalia Andreevna Abramova

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Oriental Studies Department

Transbaikal State University

E-mail: abramova3@mail.ru

The Key-Value Orientation of Socialist Harmonious Society Forming

Value foundation of modern China's development is the principle of «the man at the heart of everything» («yi ren wei ben»). It defines the ideology of building a socialist harmonious society. In social development, he always plays the role of value. At the present stage of this principle ensuring there is a formation of social consciousness of the building a harmonious society era.

Keywords: value orientations, harmonious society, consciousness, development, principle, person.

УДК 00.008

Янь Шуфан

преподаватель

Маньчжурский институт университета

Внутренняя Монголия

г. Маньчжурия, КНР

E-mail: egg500500@mail.ru

Наталья Андреевна Абрамова

д-р филос. наук, профессор,

зав. кафедрой востоковедения

Забайкальский государственный университет

E-mail: abramova3@mail.ru

Культурный плюрализм и его воплощение на российском Дальнем Востоке и Северо-Востоке Китая

Аннотация: Культурный плюрализм возникает как синтез национальной культуры, сформированной гармоничным переплетением культур этносов и культуры, пришедшей извне. Основы этого явления изложены в конфуцианских памятниках. В статье рассматриваются понятия плюрализма, ценностного плюрализма. Характеризуется культура Северо-Востока Китая как основная составная часть китайской культуры. Возросшие контакты между КНР и РФ способствовали активизации процесса культурной диффузии, особенно в приграничных регионах обеих стран. На современном этапе сотрудничество между нашими странами в культурной сфере регламентируется рядом документов, главный из которых – Программа развития Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР до 2018 года.

Ключевые слова: культура, плюрализм, ценности, гармония, развитие, диффузия.

Yan Shufang

Lecturer

Manzhouli Institute of Inner Mongolian University

Manzhouli, China

E-mail: egg500500@mail.ru

Natalia Andreevna Abramova

Doctor of Philosophy, Professor;

Head of Oriental Studies Department

Transbaikal State University

E-mail: abramova3@mail.ru

Cultural Pluralism and its Embodiment in the Russian Far East and Chinese Dongbei Region

Abstract: Cultural pluralism emerges as a synthesis of national culture, formed as a harmonious interplay of ethnic groups and cultures, which came from the outside. This phenomenon was described in Confucian monuments. The article discusses the concept of pluralism, value pluralism. The culture of Chinese Dongbei region is characterized as a major component of the Chinese culture. Increased contacts between China and Russia have enhanced the process of cultural diffusion, especially in the border regions of both countries. At the present stage this cooperation between two countries in the cultural sphere is regulated by a number of documents, the main of which is the Program of the Russian Far East and Northeast China Development until 2018.

Keywords: culture, pluralism, values, harmony, development, diffusion.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КНР
В ПРОЦЕССЕ ЕЕ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

**VII Международная
научно-практическая конференция**
12–13 марта 2015 г.

Редактор Е. В. Голованова
Вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 06.03.15.
Форм. бум. 60×84 1/16.
Гарнитура Times New Roman Печать цифровая
Усл. печ. л. 13,7. Уч.-изд. л. 14,7.
Тираж 100 экз. (1 з-д 1–75). Заказ № 03015.

ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30